«ИСЛАМ АЗЫРКЫ СВЕТТИК МАМЛЕКЕТТЕ»

II эл аралык конференциясынын Баяндамалар жыйнагы
(Бишкек ш., 15-16 ноябрь, 2018-ж)

The Collection of the Reports of the II International Conference

«ISLAM IN A MODERN SECULAR STATE»

(Bishkek, November 15-16, 2018)

Сборник докладов II международной конференции

«ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ»

(Бишкек, 15-16 ноябрь, 2018г.)

2019

«ИСЛАМ АЗЫРКЫ СВЕТТИК МАМЛЕКЕТТЕ»

II эл аралык конференциясынын Баяндамалар жыйнагы

(Бишкек ш., 15-16 ноябрь, 2018-ж)

Бишкек-2019

УДК 29
ББК 86.38
И87

2018 жылдын 15-16-ноябрь айында Бишкек шаарында Кыргыз Республикасынын Президентинин колдоосу менен өткөн «Ислам азыркы светтик мамлекетте» аттуу II эл аралык конференциянын катышуучуларынын баяндамалары жыйнакта жарыялануда. Аталган конференцияга 20 өлкөдөн келген мамлекеттик органдарынын өкүлдөрү жана эксперттер катышышты. Баяндамалар эл аралык конференциянын катышуучулары тарабынан берилген түп нускасы менен өзгөрүүсүз жарыяланат. Конференциянын уюштуруучулары бул жыйнакта басылып чыккан эл аралык конференциянын катышуучуларынын көз карашы менен бөлүшө албайт.

http://islaminmodernstate.org.kg
Жалпы редакция: З.Эргешов
Түзүүчүлөр: З.Чотаев, Г.Исаева
Техникалык редакция: М.Эркинбекова

И 87 «Ислам азыркы светтик мамлекетте» II Эл аралык конференциянын баяндамалар жыйнагы. – The collection of the reports of the II International Conference «Islam in a Modern Secular State». – Сборник докладов II международной конференции «Ислам в современном светском государстве». – Түз. З. Чотаев, Г. Исаева. – Б.: 2019. - 286 б.- Текст кырг, орус, анг. тил.

ISBN 978-9967-08-796-5

Бул басылма Кыргыз Республикасынын Дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясы тарабынан даярдалып Кыргыз Республикасындагы Бириккен Улуттар Уюмунун Өнүктүрүү программасынын колдоосу менен басылып чыкты.

Бул жыйнакта чагылдырылган ой-пикирлер Бириккен Улуттар Уюмунун Өнүктүрүү программасынын расмий ой-пикири болуп эсептелбейт.

И 04003000000-19
ISBN 978-9967-08-796-5

УДК 29
ББК 86.38

МАЗМУНУ

МАЗМУНУ 3
КОНФЕРЕНЦИЯНЫН РАСМИЙ АЧЫЛЫШЫ 12
Кыргыз Республикасынын Президенти С. Жээнбековдун сөзү 12
БУУнун Башкы катчысынын саясий иштер боюнча жардамчысы М. Енчанын сөзү 24
ЕККУнун Бишкектеги Башкы кеңсесинин башчысы П. фон Аркстын сөзү 27
Пакистан Ислам Республикасынын дин иштери жана конфессиялар аралык ынтымакташуу боюнча федералдык министри Н. Кадринин сөзү 29
Афганистан Республикасынын Вакф жана ислам иштери боюнча министри Ф.Османинин сөзү 32
Абу Даби Аткаруу Кеңешинин мүчөсү, Абу Дабинин Билим берүү департаментинин төрагасы А. Альнуайминин сөзү 37
Өзбекстан Республикасынын Министрлер Кабинетинин алдындагы Дин иштери боюнча комитетинин төрагасынын орун басары Н. Абулхасандын сөзү 39
Азербайджан Республикасынын Дин уюмдары менен иштөө мамлекеттик комитетинин төрагасынын орун басары С. Гейдаровдун сөзү 42
Тажикстан Республикасынын Өкмөтүнүн алдындагы Дин иштери жана каада-салтты тартипке келтируу комитетинин төрагасынын орун басары Ф. Олимзоданын сөзү 47
Орусия Федерациясынын Улут иштери боюнча федаралдык агенттигинин жалпы жарандык бирдейлик жана улут аралык жана диний негиздеги экстремизмге каршы түшүндүрүү иш-чараларын жүргүзүү бөлүмүнүн начальниги А. Булатовдун сөзү 50
Бүткүл дүйнөлүк Ислам Лигасынын өкүлү А. Альхазаминин сөзү 52
ПЛЕНАРДЫК ОТУРУМ 55
Э. Аслан: «Ар түрдүү коомчулук үчүн диний билим берүү» 55
К. Пужоль: «Францияда жана Борбордук Азияда исламдын академиялык илимий изилдөөнүн өнүгүүсүнө радикализм жана терроризмдин коркунучунун таасири» 64
А. Кибтиях: «Индонезияда зордук-зомбулуктуу экстремизмди алдын алууда мусулман айымдардын орду» 72

А. Малашенко: «Дин идеология жана саясат катары» 84
М. Арафат: «Ислам азыркы светтик мамлекетте» 91
Д. Мухетдинов: «Секулярдуулук ишенимди жаңылоо мүмкүнчүлүгү катары» 94
СЕКЦИЯЛЫК ОТУРУМДАР 98
А. Ашраф: «Светтик мамлекет, коопсуздук жана диний билим берүү» 98
Р. Подопригора: «Дин жаатындагы билим: Казакстандын тажрыйбасы» 107
Л. Кульд: «Светтик мамлекеттик мектептердеги диний билим берүү, Германиянынын үлгүсүндө» 113
Й. Льнеманн: «Мамлекеттик мектептерде диний билим берүү жана диндер аралык билим берүүнүн ролу, Европа контекстиндеги немецтик үлгү» 118
Ф. Бургат: «Билим жана мамлекет. Радикализацияны алдын алуунун наркы» 127
Т. Ишик: «Светтик мамлекеттеги ислам билими, Германия үлгүсү » 129
А. Ормушев: «Ислам өлкөлөрүндө билим алып келген Кыргызстандык жаштардын Ислам динин баалуулуктарын калыптандыруудагы орду» 135
Ж. Сулайманов: «Ош шаарындагы этностук азчылыктардын диний жана күнүмдүк жашоодогу коопсуздук стратегиясы » 148
Н. Эсенаманова: Терроризм и экстремизм боюнча соттолгондордун классификациясы (2017-жылы түрмөдө жүргүзүлгөн изилдөөлөрдүн негизинде) 154
К. Бижигитова: «Диний атрибутика, Казакстанда коомчулуктун хиджабка болгон мамилеси (республикалык ММК баарлашуулардын жана талкуулардын анализи)» 163
З.Стимак: «Билим медиясында диндин концепциясы» 170
Ф. Толипов: «Ре-исламизациянын 3 этабы: секуляризация жана де-секуляризациянын цикликалык процесси» 178
Т. Де Вильд: «Радикалдашуу жана интернет» 183
Б. Дубанаев: Мамлекеттин диний саясаты жөнүндө ой жүгүртүү жана экстремизм менен терроризмге каршы күрөшүү» 191
Ш. Аль-Кудси: « Айымдар лидерлеринин ишмердүүлүгү жана жумуш – үй бүлөө: саясат жана диний киришүү» 196

А. Каана: «Зордук зомбулуктуу экстремизмди алдын алууда аялдардын өз-ара аракеттенүүсү» 210
Ф. Олимзода: «Таджикистан Республикасында дин тутуу жана динге ишенүү эркиндигинин кээ бир аспекттери» 218
А. Хакимпур: «Демократия, дин жана светтүүлүктүн байланышы» 225
ТЕГЕРЕК СТОЛ: «АЗЫРКЫ МУЛЬТИМАДАНИЯТТЫК КООМДОГУ ЖАШТАРДЫН РОЛУ ЖАНА ОРДУ» 231
Дж. Оттербек: «Скандинавия коомундагы жаш мусулмандардын идентификациясы» 231
А. Кузембаева: «Ислам азыркы светтик мамлекетте» 234
А. Али-Заде: «Түрк элдеринин маселелериндеги исламдык реформациялык дүйнө тааным» 240
Т. Мехтиоглу: «Дин иштери боюнча башкармалыкты түзүү, светтик системадагы конституциялык негиздер жана иштер» 250
ЖЫЙЫНТЫКТООЧУ ДОКУМЕНТ: «ИСЛАМ АЗЫРКЫ СВЕТТИК МАМЛЕКЕТТЕ» II ЭЛ АРАЛЫК КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫН РЕЗОЛЮЦИЯСЫ 256
Кыргыз тилинде 256
Англис тилинде 258
Орус тилинде 260
СҮРӨТ ГАЛЕРЕЯСЫ 262

CONTENTS

CONTENTS 3
OFFICIAL OPENING OF THE CONFERENCE 12
Speech by the President of the Kyrgyz Republic S. Zheenbekov 12
Speech by the United Nations Assistant Secretary-General on Political Affairs M. Jenca 24
Speech by the Ambassador, Head of the OSCE Programme Office in Bishkek P. von Arx 27
Speech by the Federal Minister of Religious Affairs and Interfaith Harmony of the Islamic Republic of Pakistan N. Qadri 29
Speech by the Minister of Islam Affairs and Waqfs of the Islamic Republic of Afghanistan F. Osmani 32
Speech by the Member of the Executive Council, Chairman of the Department of Education and Knowledge of Abu-Dhabi A. Alnuaimi 37
Speech by the Deputy Chairman of the Committee on Religious Affairs under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan N. Abulkhasan 39
Speech by the Deputy Chairman of the State Committee on Work with Religious Organizations of the Republic of Azerbaijan S. Heydarov 42
Speech by the Deputy Chairman of the Committee on Religious Affairs and Regulation of Traditions and Customs under the Government of the Republic of Tajikistan F. Olimzoda 47
Speech by the Head of the Department for Strengthening Civil Unity and Prevention of Extremism on National and Religious Grounds of the Federal Agency for Nationalities of the Russian Federation A. Bulatov 50
Speech by the Representative of the Muslim World League A. Alhazami 52
PLENARY SESSION 55
E. Aslan: “Religious Education for Pluralistic Societies” 55
C. Poujol: “The Impact of the Threat of Radicalism and Terrorism on Islamic Studies in France and Central Asia” 64
A. Qibtiyah: “The Role of Muslim Women in Preventing Violent Extremism in Indonesia” 72

A. Malashenko: “Religion as Ideology and Politics”.....84
M. Arafat: “Islam in a Modern Secular State” 91
D. Mukhetdinov: “Secularity as an Opportunity to Renewal of Faith” 94
BREAKOUT SESSIONS 98
A. Ashraf: “Secular State, Security and Religious Education”.....98
R. Podoprigora: “Education in the Religious Field: Kazakhstan Experience” 107
L. Kuld: “Religious Education in Secular Public Schools on the Example of Germany” 113
J. Lähnemann: “The Role of Religious and Interreligious Education in Public Schools - The German Model in the European Context”.....118
F. Burgat: “Education or Governance? The Cost of Preventing Radicalization” 127
T. Isik: “Islamic Education in a Secular State – the German Example” 129
A. Ormushev: “The Role of the Kyrgyz Citizens Educated in Arab Countries in Restoration of Islamic Values”.....135
J. Sulaimanov: “Security Strategies in the Religious and Everyday Life of Ethnic Minorities in Osh” 148
H. Esenamanova: “Classification of Convicts of Terrorism and Extremism (based on field research conducted in prisons in 2017) 154
K. Bizhigitova: “Religious Attributes: Public Attitude to Hijab in Kazakhstan (Analysis of Discussions in the National Media)”.....163
Z. Štimac: “Concepts of Religion in Educational Media” 170
F. Tolipov: “Three Stages of Re-Islamization: Cyclical Process of Secularization and De-secularization” 178
T. De Wilde: “Radicalization and Internet” 183
B. Dubanaev: “Reflections on the State’s Religious Policy and Countering Extremism and Terrorism” 191
Sh. al-Qudsy: “Women Leadership Performance and Work-Family Balance: Policy and Religious Concern” 196
A. Kaana: “The Interaction of Women of Security Sector in Questions on Prevention of Violent Extremism” 210
F.Olimzoda: “Some Aspects of Freedom of Conscience and Religion in the Republic of Tajikistan”.....218

A. Hakimpur: “Relationship of Democracy, Religion and Secularism” 225

ROUND TABLE: “THE ROLE AND PLACE OF YOUTH IN MODERN MULTICULTURAL SOCIETY” 231

J. Otterbeck: “Identification of Young Muslims in Scandinavian Society” 231

A. Kuzembaeva: “Islam in Modern Secular State” 234

A. Ali-Zade: “Worldview of Islamic Reformation in the Context of the Turkic World Problems” 240

T. Mehtioglu: “The Foundation of the Administration on Religious Affairs, Constitutional Bases and Work in Secular System” 250

FINAL STATEMENT: THE RESOLUTION OF THE II INTERNATIONAL CONFERENCE “ISLAM IN MODERN SECULAR STATE” 256

Kyrgyz language 256

English language 258

Russian language 260

PHOTO GALLERY 262

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ 3
ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ 12
Выступление Президента Кыргызской Республики С. Жээнбекова 12
Выступление помощника Генерального секретаря ООН по политическим вопросам М.Енча 24
Выступление главы программного офиса ОБСЕ в Бишкеке П. фон Аркса 27
Выступление федерального министра по делам религий и межконфессионального согласия Исламской Республики Пакистан Н. Кадри 29
Выступление министра по делам ислама и вакфов Исламской Республики Афганистан Ф. Османи 32
Выступление члена Исполнительного совета, председателя Департамента образования и знаний Абу-Даби А. Альнуайми 37
Выступление заместителя председателя Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан Н. Абулхасана 39
Выступление заместителя председателя Государственного комитета по работе с религиозными организациями Республики Азербайджан С. Гейдарова 42
Выступление заместителя председателя Комитета по делам религии и упорядочению традиций торжеств и обычаев при Правительстве Республики Таджикистана Ф. Олимзода 47
Выступление начальника управления по укреплению общегражданского единства и профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве Федерального агентства по делам национальностей РФ А. Булатова 50
Выступление представителя Всемирной Исламской Лиги А. Альхазами 52
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 55
Э. Аслан: «Религиозное образование для разнообразных сообществ» 55
К. Пужоль: «Влияние угрозы радикализма и терроризма на развитие академических исследований ислама во Франции и Центральной Азии» 64
А. Кибтиях: «Роль мусульманских женщин в предупреждении насильственного экстремизма в Индонезии 72

А. Малашенко: «Религия как идеология и политика» 84
М. Арафат: «Ислам в современном светском государстве» 91
Д. Мухетдинов: «Секулярность как возможность обновления веры» 94
СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ 98
А. Ашраф: «Светское государство, безопасность и религиозное образование» 98
Р. Подопригора: «Образование в сфере религии: казахстанский опыт» 107
Л. Кульд: «Религиозное образование в светских государственных школах на примере Германии»» 113
Й. Льнеманн: «Роль религиозного и межрелигиозного образования в государственных школах - немецкая модель в европейском контексте» 118
Ф. Бургат: «Образование и государство. Цена предупреждения радикализации» 127
Т. Ишик: «Исламское образование в светском государстве - немецкий пример» 129
А. Ормушев: «Роль граждан Кыргызстана, получивших образование в арабских странах, в восстановлении исламских ценностей» 135
Ж. Сулайманов: «Стратегии безопасности в религиозной и повседневной жизни этнических меньшинств в Оше» 148
Н. Эсенаманова: «Классификация осужденных за терроризм и экстремизм (по материалам полевого исследования, проведенного в местах лишения свободы в 2017 г.)» 154
К. Бижигитова: «Религиозная атрибутика: отношение общественности к хиджабу в Казахстане (анализ дискуссий и обсуждений в республиканских СМИ)» 163
З. Стимак: «Концепции религии в образовательных медиа» 170
Ф. Толипов: «Три этапа ре-исламизации: циклический процесс секуляризации и де-секуляризации (роль СМИ)» 178
Т. Де Вильд: «Радикализация и интернет» 183
Б. Дубанаев: «Размышления о религиозной политике государства и противодействии экстремизму и терроризму» 191
Ш. Ал-Кудсы :«Деятельность женщин-лидеров и баланс между семьей и работой: политика и религиозные подход» 196

А. Каана: «Взаимодействие женщин сектора безопасности в профилактике насильственного экстремизма» 210

Ф. Олимзода: «Некоторые аспекты свободы совести и вероисповедания в Республике Таджикистан» 218

А. Хакимпур: «Связь демократии, религии и светскости» 225

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОЛЬ И МЕСТО МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ» 231

Дж. Оттербек: «Идентификация молодых мусульман в Скандиванском сообществе» 231

А. Кузембаева: «Ислам в современном светском государстве» 234

А. Али-Заде: «Исламское реформационное мировоззрение в контексте проблем тюркского мира» 240

Т. Мехтиоглу: «Создание Управления по делам религий, конституционные основы и работа в светской системе» 250

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ: РЕЗОЛЮЦИЯ II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ» 256

На кыргызском языке 256

На английском языке 258

На русском языке 260

ФОТО ГАЛЕРЕЯ 262

КОНФЕРЕНЦИЯНЫН РАСМИЙ АЧЫЛЫШЫ
OFFICIAL OPENING OF THE CONFERENCE
ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Кыргыз Республикасынын Президенти Сооронбай Шарипович Жээнбековдун сөзү

Урматтуу конференциянын катышуучулары!
Урматтуу коноктор!
Айымдар жана мырзалар!

Бүгүнкү конференцияга дүйнөнүн 20 өлкөсүнөн келген мамлекеттик органдардын, диний жана өкмөттүк эмес уюмдардын жетекчилери, белгилүү эксперттер жана окумуштуулар катышууда.

Алыстан ат арытып, биздин өлкөгө келген бардык конокторубузга Кыргызстан элинин атынан терең ыраазычылык билдирем! Кыргыз жергесине кош келиңиздер!

Бул конференциянын темасы бардык өлкөлөрдө, бардык мезгилде актуалдуу бойдон кала берээрин далилдеп отуруунун кажети жок. Бүгүн каралып жаткан маселелер биздин мамлекет жана коомчулук үчүн да өтө орчундуу.

Анткени Кыргызстанда мамлекет менен диндин ортосундагы карым-катнашты ырааттуу жолго коюу үчүн бүгүнкү конференциянын пайдасы тийчү маселелер дагы эле аз эмес.

Совет мезгилинде толук тыюу салынып, көз карандысыздык учурунда эркиндик берилген диний чөйрөдө чечилбей калган өтө маанилүү маселелер бар. Мисалы, ички диний ишенимге эч кимдин киришүүгө акысы жок, ал эми диний ишмердик менен мамлекеттин карым-катнашы кандай болушу керек?

Бул суроого жооп издеп, дүйнөлүк тажрыйбага кайрылсак, ар кайсы мамлекеттердин ар башка саясатын көрдүк.

Кээ бир өлкөлөр „мамлекет дин иштерине кийлигишпейт“ деген позицияны карманышат.

Айрым мамлекеттер кандайдыр бир динге расмий же мамлекеттик деген статус беришкен. 25тен ашуун өлкөдө ислам дини мамлекеттик статуска ээ.

Традициялуу диндер деген түшүнүктү өз конституцияларында белгилеген мамлекеттер аз эмес.

Мамлекет тарабынан айрым бир дин өзгөчө колдоого ээ болгон. Тескерисинче, кандайдыр бир диндин үстөмдүгүнө тыюу салган мамлекеттер да бар.

Жалпылап айтканда, ар бир мамлекет өзүнүн тарыхына, маданиятына таянып,

келечек жолун эске алып, мамлекет тарабынан диний чөйрөнү тескөө саясатын аныктайт.

Биз дагы жалпы коомчулуктун талкуусу менен жактырылган Өнүгүү стратегиясын ишке ашырууга ылайыктуу болгон диний саясатты ишке ашыруубуз зарыл.

Жогорудагы мисалдар далилдеп тургандай, мамлекеттин диний саясаты үчүн сырттан алчу даяр үлгү жок, ал бүгүнкүдөй кадыр-барктуу конференциялардагы талкуулардын негизинде жаралат.

Урматтуу конференциянын катышуучулары!

Кыргыз Республикасы эгемендикке ээ болгондон кийинки мезгилде кандай өзгөрүүлөр болду?

Өлкөбүздө диний чөйрөгө толук эркиндик берилип, көп конфессиялуу мейкиндик калыптанды.

Конфессиялар жана диний уюмдар эркин өнүгүү багытына түштү. Мамлекет конфессионалдык мамилелерге киришкен жок.

Кыргызстан көп улуттуу жана көп диндүү өлкө катары калыптанды.

Коомдун жана мамлекеттин турмушуна диндин тийгизген таасиринин жакшы жактары көп болду. Ал жарандарды интеграциялоонун кошумча институту болуп калды.

Ошол эле учурда, берилген эркиндиктердин арты менен, көп сандаган жаңы агымдар, секталар, мазхабдар жана тарикаттар пайда болду. Алардын түпкү максаттары коом үчүн бүдөмүк бойдон калды.

Айрым уюмдар жана кыймылдар динди саясатташтыруу аракеттерин жасап жатканына да күбө болуп жатабыз.

Диндин коомдогу ролун, тарбиялык, ыймандык, адамдарды бириктирүүчүлүк асыл сапаттары айтылбай, ислам динине тиешеси жок нерселерди, догмаларды жабыштырган учурлар аз эмес.

Исламды жамынып алып, кыргыз элине өзүнүн салттарын, маданиятын киргизүүнү көздөп жаткандар да бар.

Жаштарды заманбап билимден, маданияттан, илимдин жана техниканын жетишкендиктеринен алыстатып жаткандар да жок эмес.

Жалпы Борбор Азия регионунда болуп жаткан окуялар, айрым группалардын таасири биздин өлкөгө да жетип жатат.

Исламды өздөрүнүн кызыкчылыгына пайдаланууга, аны зордук-зомбулуктун, экстремизмдин куралына айландырууга жасаган аракеттердин курмандыгы болгон айрым жарандарыбыз бар.

Урматтуу айымдар жана мырзалар!

Азыркы Кыргызстан — дин мамлекеттик бийликке аралашпаган заманбап мамлекет.

Мамлекет конфессиялык жактан нейтралдуу позицияны ээлейт, эч бир динге артыкчылык бербейт жана эч кандай диний идеологияны жарандарга таңуулабайт.

Өз кезегинде, диний уюмдар мамлекеттик органдардын жана жергиликтүү өз алдынча башкаруу органдарынын иштерине кийлигишпейт.

Дин — адамдын жүрөгүндөгү ишеним. Динге карата мамиле — ар бир адамдын жеке иши. Эч ким башкаларга өз көз карашын таңуулай албайт.

Мамлекет да таңуулабайт. Ал гана эмес, ар бир адамдын дин тутуу эркиндигин коргоо — мамлекеттин дин чөйрөсүндөгү милдети.

Урматтуу айымдар жана мырзалар!

Ошол эле учурда мамлекеттин базалык функциялары бар. Алардын бири катары — коомдун тынчтыгын, анын өнүгүүсүн камсыз кылууну мамлекет өз мойнуна алган.

Ошондуктан мамлекеттин диний чөйрөгө кийлигишүүсүн кеңейтүү зарылдыгы келип чыкты.

Ушул тезисти далилдөө максаты менен бүгүнкү конференциянын талкуусуна төмөнкү төрт идеяны сунуш кылам.

Биринчи, мамлекеттик органдар коомдогу ар түрдүүлүктүн бөтөнчө баалуулук катары туруктуу сакталышына кам көрүүгө милдеттүү.

Ар түрдүүлүк — өлкөбүздүн чоң артыкчылыгы, жетишкендиги.

Биз, кыргызстандыктар, улутубуз, тилибиз жана динибиз ар башка болгону менен бир өлкөнүн жарандарыбыз. Мекендештербиз, тилектештербиз, санаалаштарбыз.

Мамлекеттин жарандары бардык диний агымдарга толеранттуу мамиле жасоону үйрөнүүгө тийиш. Коом үчүн башка көз карашты сыйлоо жана бекем диний ынтымак керек.

Бирок, бул максатка жетүү өзүнөн өзү эле орун албайт. Кимдир бирөөнүн абдан чыдамкай, узакка созулган аракети керек.

Бир дагы уюм, бир дагы коллектив муну аткара албайт. Бул жалгыз гана мамлекеттин колунан келет.

Мамлекет гана бүтүндөй элдин камын көрөт. Өзгө жана жатка бөлүүгө, бир динди экинчи динге карама-каршы коюуга жол бербейт.

Конфессиялар ортосундагы ынтымакты, ошондой эле динге ишенгендер менен өздөрүн динден тышкары эсептегендердин ортосундагы өз ара түшүнүшүүнү жана сый мамилени чыңдоо керек.

Ошол эле учурда, диний агымдардын өкүлдөрүнүн өздөрү да светтик коомдо жана анын мыйзамдары боюнча жашоосу абзел.

Жогоруда айтылгандар үчүн тиешелүү укуктук нормаларды иштеп чыгып, алардын аткарылышын камсыз кылуу керек.

Өнүгүү үчүн зарыл жүрүм турумдарды күнүмдүк адатка айлантуу — мамлекеттин күч аракетин талап кылат. Мамлекет гана динди жалпы коомдун өнүгүүсүнө карай багыттай алат. Ошондуктан анын дин чөйрөсүндөгү ролу азыркыдан жогору болушу зарыл.

Экинчи, Коомдун туруктуулугун камсыз кылуу үчүн тарыхый традицияларды абдан кылдат сактоо зарыл экенин чейрек кылымдык тарыхыбыз дагы бир ирет далилдеди.

Ал үчүн биздин коомго традициялуу болуп калган ислам жана православие диндери менен мамлекеттин ортосундагы социалдык өнөктөштүккө кененирээк жол ачуу керек.

Ошол эле учурда бул диндердин өкүлдөрү коомдун келечеги үчүн көбүрөөк милдет алуусу зарыл болот.

Ал эми жаңы, традициялуу эмес диний агымдарды мамлекеттик каттоодон өткөрүүдө бул агымдардын өкүлдөрүнүн санына болгон талаптарды күчөтүп, каттоо мөөнөтүн узартуу керек болот.

Коомдун тынчтыгын, улуттар аралыкты ынтымакты камсыз кылуу үчүн дин менен мамлекеттин ортосундагы өз ара аракеттешүүнүн жаңы формаларын жаратуу зарыл.

Үчүнчү, кийинки мезгилде жаралган жаңы чакырыктарга туура жооп табуу милдети келип чыкты. Мисалы, биздин коомдун келечек өнүгүүсүнө төп келген диний билим берүүнүн бардык тепкичтерин камсыз кылуу маселеси жаралды.

Мунун мисалы катары Кыргызстанда биринчи жолу имамдар кошумча окууга тартыла баштаганын айтсак болот.

Ислам колледжинин мамлекеттик лицензиянын талаптарын аткарып, министрликтин көзөмөлү менен окуу стандарттарын ишке ашыра баштаганы да колдоого татыктуу мисал.

Медресе, ислам колледжи, ислам институту, ислам университети бирдиктүү бир системанын тиешелүү тепкичтери болушу зарыл.

Келечекте Ислам академиясын түзүп, анын ишмердигин мамлекет өз көзөмөлүндө кармашы керек болот.

Төртүнчү, Ата-бабаларыбыз карманган ислам дини светтик коомго, светтик мыйзамдарга карама-каршы келбейт.

Бул байыркы кыргыз элинин түпкү кызыкчылыктарына да туура келген. Анткени биздин ата-бабаларыбыз ислам элдик каада-салттарга жана үрп-

адаттарга, көчмөндөрдүн дүйнөгө көз карашына төп келгени үчүн да исламды дин катары кабыл алышкан.

Орто кылымдарда Борбордук Азияда ислам динининин жайылуусу менен Кыргызстанда шаарлар өнүккөн, мечиттер, медреселер жана китепканалар салынган.

Азыркы Бурана, Өзгөн мунарасы, Шах Фазил, Таш-Рабат сыяктуу архитектуралык эстеликтер курулган.

Жусуп Баласагындын "Кут алчу билими", Махмуд Кашгари-Барсканинин "Диваны", Абу Бакр Серахси-Өзгөндүнүн "Аль-Мабсуту", Сираажуд-Дин Ошинин "Бадуль-амалийи" ж. б. улуу инсандардын эмгектери жаралгандыгы баарыбызга маалым.

Бүгүн ислам — мамлекетибиздин социалдык, маданий жана руханий өнүгүүсүнүн, коомдук жашоосунун ажырагыс бөлүгү.

Улуттар ортосундагы жана диндер аралык диалогду, ынтымакты өнүктүрүүдө өлкө калкынын дээрлик көпчүлүгүн түзгөн мусулман коомчулугунун салымы зор.

Радикалдуу диний агымдарга альтернатива иретинде ата-бабадан калган исламдын салттуу баалуулуктарын мамлекет илгерилетүүсү керек.

Тынчтыктын, сабырдуулуктун, мээримдүүлүк менен кайрымдуулуктун, ыймандын дини катары ханафий масхабын колдоо — Кыргызстан элинин биримдигин бекемдөөгө кызмат кылуусу зарыл.

Урматтуу конференциянын катышуучулары!

Диний кырдаалдын өзгөрүшү менен мамлекеттик-конфессиялык мамилени жаңы, сапаттуу деңгээлге көтөрүү максатында диний чөйрөдөгү мамлекеттик саясаттын концепциясы иштелип чыккан.

Диний чөйрөдө натыйжалуу укуктук-нормативдик базаны чыңдоо максатында "Кыргыз Республикасында дин тутуу эркиндиги жана диний уюмдар жөнүндөгү мыйзамга" толуктоолор киргизилип, нормативдик укуктук мыйзам актылары иштелип жатат.

Бүгүн, коомдогу мамлекеттик-конфессионалдык мамилелердин проблемалары жана өнүгүү жолдору терең талкууланып, маанилүү идеялар жана тийиштүү сунуштар жаралат деп ишенем.

Сиздердин илимий тыянак-сунуштар, теологиялык негиздөөлөр азыркы светтик мамлекетте исламдын ордун жана ролун аныктоого, ошондой эле өлкөдө мамлекеттик-конфессионалдык жана конфессиялар аралык мамилелерди өнүктүрүүгө чоң жардам берет!

Бүгүнкү конференцияны уюштурууга жана өткөрүүгө салым кошкон бардык эл аралык өнөктөштөргө — Бириккен Улуттар Уюмунун Агенттиктерине,

Европадагы Коопсуздук жана Кызматташтык Уюмуна чын дилимден рахмат айтам!

Азыркы мезгилдин эң олуттуу маселесине арналган Эл аралык конференциянын иши жемиштүү жана ийгиликтүү өтсүн!

Баарыңыздарга бекем ден-соолук, ишиңиздерге ийгилик каалайм!

Выступление Президента Кыргызской Республики Сооронбая Шариповича Жээнбекова

Уважаемые участники конференции!
Уважаемые гости!
Дамы и господа!

В работе сегодняшней конференции принимают участие руководители государственных органов, религиозных и неправительственных организаций, известные эксперты и ученые из 20 стран мира.

От имени народа Кыргызстана хотел бы выразить глубокую признательность всем гостям, прибывшим в нашу страну! Добро пожаловать на нашу благодатную кыргызскую землю!

Думаю, нет необходимости доказывать то, что тема данной конференции всегда остается самой актуальной во все времена и для всех стран. Рассматриваемые сегодня вопросы весьма важны и для нашего государства и общества.

Так как в Кыргызстане накопилось немало проблем в сфере взаимоотношений государства и религии, для устранения которых могут быть полезны результаты сегодняшней конференции.

В сфере религии, которая была под запретом в советское время и обрела полную свободу в годы независимости, имеют место весьма важные вопросы, требующие конкретного ответа. К примеру, никто не имеет права вмешиваться в вероисповедание человека, но, в то же время, какими должны быть взаимоотношения между государством и религиозной деятельностью?

Если мы обратимся к мировой практике, то видим, что разные страны ведут разную политику в данной сфере.

Некоторые страны придерживаются позиции невмешательства государства в дела религии.

А другие государства отдают предпочтение одной конфессии, возведя ее в ранг официальной или государственной религии. В более чем в 25 странах мира исламу придан государственный статус.

Также немало стран, в конституции которых отражено понятие „традиционные религии“.

Кроме того, есть страны, где одна из конфессий пользуется поддержкой государства. А есть и такие государства, где введен запрет на доминирование одной религии из числа других существующих.

В целом, каждое государство, исходя из своего исторического пути, опираясь на свою культуру, принимая во внимание будущее, определяет политику регулирования религиозной сферы.

Нам необходимо реализовать такую религиозную политику, которая соответствовала бы целям Стратегии развития страны, принятой на основании общественного обсуждения с участием широких слоев населения.

Как показывают приведенные примеры, не существует готового рецепта или готового образца для разработки собственной успешной религиозной политики. Ее можно разработать на основе обсуждений на таких авторитетных международных площадках, как наша сегодняшняя конференция.

Уважаемые участники конференции!

Какие изменения имеют место в нашей стране после обретения независимости Кыргызской Республикой?

У нас была провозглашена полная свобода в сфере религии, и сформировалось многоконфессиональное пространство.

Конфессии и религиозные организации получили возможность свободного развития. Государство не вмешивалось в межконфессиональные отношения.

Кыргызстан сформировался как многонациональная и многоконфессиональная страна.

Религия положительно повлияла на многие сферы деятельности общества и государства, став дополнительным институтом интеграции граждан.

В то же время, пользуясь предоставленной свободой, развелось множество различных религиозных течений, сект, мазхабов и тарикатов, чьи конечные цели остаются загадкой для общества.

Мы становимся свидетелями того, как некоторые организации и движения пытаются политизировать религию.

Немало случаев, когда исламу приписываются какие-то догмы, не имеющие ничего общего с ней, при этом напрочь отрицается ее роль в воспитании граждан в духе порядочности, милосердия и добра, в интеграции общества.

К сожалению, есть и те, кто, прикрываясь исламом, пытаются навязать кыргызскому народу свои традиции, культуру.

Кто пытается отстранить молодежь от современных знаний, достижений культуры, науки и техники.

И у нас ощущается влияние событий, происходящих в центральноазиатском регионе, и деятельности некоторых групп.

Некоторые наши граждане стали жертвами тех, кто пытается использовать ислам в своих корыстных целях, превратить ее в инструмент насилия и экстремизма.

Уважаемые дамы и господа!

Современный Кыргызстан — государство, в котором религия отделена от государства.

Государство в вопросах религии занимает нейтральную позицию, не придает приоритета никакой религии и не навязывает гражданам никакой религиозной идеологии.

В свою очередь, религиозные организации не вмешиваются в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления.

Религия — это вера в сердце каждого человека. Отношение к религии — личное дело каждого. Никто не вправе навязывать свое мировоззрение другим.

И государство не должно навязывать. Более того, защита права каждого на свободное вероисповедание является обязанностью государства в сфере религии.

Уважаемые дамы и господа!

В то же время государство имеет некоторые базовые функции. Одна из них — обеспечение мира и порядка и развития в обществе.

Поэтому появилась необходимость расширения вмешательства государства в сферу религии.

В целях утверждения данного тезиса хотел бы предложить четыре следующие идеи для обсуждения во время конференции.

Первая, государственные органы обязаны заботиться об устойчивом сохранении, как наивысшей ценности, существующего разнообразия в обществе.

Разнообразие — особое преимущество и достижение нашей страны.

Несмотря на то, что мы из разной национальности и у нас разные языки и религия, мы, кыргызстанцы, являемся гражданами одной страны. Мы — соотечественники, соратники, единомышленники.

Каждый гражданин государства должен научиться толерантному отношению ко всем религиозным течениям. Уважительное отношение к чужому мнению и крепкое межрелигиозное согласие важны для общества.

Но это не придет само собой. Кто-то должен терпеливо и кропотливо действовать в данном направлении в течение долгого времени.

Ни одна организация, ни один коллектив не в силах достичь этого самостоятельно. Это способно обеспечить только государство.

Только государство заботится о народе в целом. Не допустит разделения на своих и чужих, противопоставления одной религии к другой.

Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, а также взаимопонимание и взаимоуважение между верующими и теми гражданами, кто считает себя вне религии.

В то же время и сами представители религиозных течений должны жить в светском обществе согласно светским законам.

Необходимо разработать соответствующие нормативно-правовые акты насчет того, что было обозначено выше, а также обеспечить их реализацию.

Превращение в повседневную привычку такого поведения, который будет способствовать развитию, требует усилий со стороны государства. Только государство способно направить религию в русло развития всего общества. Поэтому его роль в сфере религии должна быть больше, чем сейчас.

Вторая, двадцатипятилетняя история нашей независимости констатирует необходимость неукоснительного соблюдения исторических традиций для обеспечения устойчивости общества.

Для этого необходимо расширить путь для социального партнерства между государством и традиционными для нашего общества исламу и православной религии.

В то же время это обязывает представителей данных религий взять на себя бОльшую ответственность за будущее общества.

Что касается новых нетрадиционных религиозных течений, при их государственной регистрации необходимо усилить требования к численности их последователей и продлить сроки их регистрации.

Необходимо создать новые формы взаимоотношений между религией и государством для обеспечения мира и порядка в обществе и межнационального согласия.

Третья, появилась необходимость адекватного реагирования к новым вызовам в данной сфере. К примеру, возникла необходимость обеспечения всех уровней религиозного образования, соответствующего будущему развитию нашего общества.

В качестве примера можно привести то, что впервые в Кыргызстане имамов начали привлекать к получению дополнительного образования.

Исламский колледж начал внедрять учебные стандарты, соответствующие требованиям госстандарта, под контролем министерства образования, что также является примером, достойным поддержки.

Медресе, исламский колледж, исламский институт, исламский университет должны стать соответствующими ступеньками единой образовательной системы.

В будущем необходимо создать Исламскую академию, деятельность которой будет под контролем государства.

Четвертая, ислам, исповедуемый нашими предками, не противоречит устоям светского общества, требованиям светских законов.

Он вполне отвечал коренным интересам древнего кыргызского народа. И

был принят нашими предками, поскольку гармонично сочетался с народными традициями и обрядами, с мировоззрением кочевников.

В средние века с распространением ислама в Центральной Азии в Кыргызстане начали развиваться города, появились мечети, медресе и библиотеки.

Были построены архитектурные памятники как Бурана, Узгенская башня, Шах Фазил, Таш-Рабат.

Были созданы великолепные произведения известных личностей, таких как, скажем, „Кут алчу билим“ Жусупа Баласагына, „Диван“ Махмуда Кашгари-Барскани, „аль-Мабсут“ Абу Бакр Серахси-Узгенди, „Бадуль-амалий“ Сираажуд-Дин Оши и др.

Современный ислам — неотъемлемая часть социального, культурного и духовного развития, общественной жизни нашего государства.

Неоценим вклад нашего мусульманского сообщества, который составляет большинство населения, в сохранение и развитие межконфессионального и межнационального диалога, согласия в обществе.

Необходимо продвигать традиционные исламские ценности, доставшиеся нам от наших предков, как альтернативу радикальным религиозным течениям.

Поддержка ханафитского мазхаба как религии мира, толерантности, терпения, добра, милосердия и порядочности — должна служить укреплению единства народа Кыргызстана.

Уважаемые участники конференции!

С учетом изменения ситуации в сфере религии и в целях поднятия на новый, качественный уровень взаимоотношение государства с конфессиями была разработана Концепция государственной политики в сфере религии.

Также вносятся изменения в Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», разрабатываются нормативно-правовые акты.

Уверен, что сегодня в ходе конференции будут тщательно обсуждены проблемы и пути развития государственно-конфессиальных взаимоотношений, озвучены важные идеи и предложены соответствующие рекомендации.

Ваши научные выводы-предложения, теологические обоснования окажут существенную помощь в определении роли ислама в современном светском государстве, а также развитию государственно-конфессиональных и межконфессиональных взаимоотношений в стране!

Выражаю искреннюю признательность всем международным партнерам — Агентствам Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе — за их вклад в организацию и проведение сегодняшней конференции!

Желаю плодотворной и успешной работы Международной конференции, посвященной самой серьезной проблеме современности!

Всем вам здоровья и успехов в работе!

Speech by the United Nations Assistant Secretary-General on Political Affairs Miroslav Jenca[1]

Your Excellency, Mr. President
Honored guests,
Ladies and Gentlemen,

First of all, let me thank the Government of Kyrgyzstan and the State Commission for religious affairs in particular for organizing the International Conference on "Islam in a modern secular state". I would also like to extend my appreciation to the UN in Kyrgyzstan who are supporting this initiative.

I'm pleased that my visit to Kyrgyzstan coincided with this event and I could be among renowned theologists and clerics, community and religious leaders and representatives of religious organizations including youth and women – all those who care about the future of this country. This conference provides a good platform for inter-cultural and inter-confessional dialogue within your society with an impact that can go beyond the boundaries of your country. It provides an opportunity to share the experiences of peaceful coexistence of various religions, harmonized relations in the community and provide examples of effective democratic governance in the religious sphere.

Of particular note, this important initiative of the Kyrgyz Government corresponds with the recently adopted National Development Strategy 2018-2040, which also aligns with the UN Global Agenda 2030. I appreciate the Government's continuous leadership in facilitating discussion in the religious sphere, including on the prevention of radicalization and violent extremism.

Dear participants,

Religion has always played a significant role in this part of the world, where the influence of Buddhism, Christianity and Islam have waxed and waned throughout centuries. These religions had a positive impact on the way of life and customs of various nations who inhabited this vast territory and cultivated the tradition of hospitality and peaceful co-existence. There has always been a balance between the spiritual and earthly in Central Asia. Different states have emerged throughout history in the region with the strong secular administrative apparatus and inhabited by law-abiding populations, who practiced different religions at different times.

[1] The United Nations Assistant Secretary-General on Political Affairs Mr. Miroslav Jenca due to delayed flight could not participate in the Openning Ceremony. Instead of him, the Special Representative of Secretary-General and Head of the United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia Ms. Natalia Gherman spoke during the Openning Ceremony. However, the prepaired original speech of Mr. Miroslav Jenca was put in the Collection of the Reports.

History shows us that a symbiosis of religious communities and state institutions functioning for the prosperity of the state and its people is possible. Central Asia is a testament to that.

Today, we see Islam flourishing in this region, a religion that preaches tolerance. We continue to witness the activity of fundamentalist and radical movements. We know that Islam like other religions does not preach violence but unfortunately radical groups use religious rhetoric to mobilize supporters. In Kyrgyzstan, the public discourse on the role of religion in society is focused on preventing violent extremism. Religious groups can play a positive role in preventing extremism and working with community and religious groups is important to addressing the root causes of extremism. Last year, the Kyrgyz Government and the United Nations jointly adopted the Peacebuilding Priority Plan 2017-2020, which aims to improve state institutional capacity to address the most pressing drivers of violent extremism and to increase the resilience of communities against radicalization and its pathway to violent extremism.

Ladies and Gentlemen,

Education is one of the essential sources for reducing the engagement of youth in radical movements and diminishing the influence of alien religious ideologies. The burden does not only fall upon religious leaders, but also secular education. Clerics should be trained to promote traditions and the nation's cultural values within the framework of a secular state and at the same time secular education system should provide more space for teaching subjects related to religion.

The Internet and social media have become important tools for shaping public opinion. Sometimes open discussions over religious issues may cause inter-confessional tensions and lead to violence. It is no secret that recruitment of youth and spread of radical and destructive ideas is also done via Internet. Thus, providing correct information in the media about religion is a real issue that has to be tackled in a very sensitive manner.

The role of women and youth in modern societies is critical. Through their roles in their families and communities, they may be powerful sources in preventing radicalization and violent extremism. I believe this conference will provide great examples of engaging youth and women's religious organizations in raising public awareness about the peaceful nature of Islam and its core values as well as providing models for building peace and preventing violence.

In conclusion, I would like to highlight the unique experience of your country in engaging religious communities in peacebuilding. Many stakeholders contributed to restoring peace and stability after the tragic events of June 2010. I was the SRSG and Head of the Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia at the time. We had a partnership with the OSCE and EU and worked in partnership to support the people of Kyrgyzstan come through the conflict. It would be much harder to achieve

should not there be courageous religious leaders and members of religious communities who had done a remarkable work on reconciling the sides of the conflict.

On this note, let me wish you a very fruitful and constructive discussion.

Speech by the Ambassador, Head of the OSCE Programme Office in Bishkek Pierre von Arx

Distinguished Mister President Sooronbai Sharipovich Zheenbekov
Ministers, Excellences
Distinguished participants!

Let me start by expressing my gratitude to the Office of the President and to the State Commission on Religious Affairs for organizing - for the second time in Bishkek - the international conference on "Islam in a Contemporary Secular State" with such an interesting agenda, and which has now become a traditional high-level platform for discussing important topics revolving around religion and belief in a modern State.

Over centuries, Kyrgyz culture demonstrated successful integration of various religions in its society, along with high level of tolerance towards freedom of religion and beliefs. This tradition is shared by the Kyrgyz Republic's authorities and institutions in modern Kyrgyzstan, which recognize the importance of strengthening "People Unity and Inter-ethnic Relations" in order to achieve a peaceful and democratic society. Today's conference should also be seen as an expression of this willingness.

Just this month, the National Strategy for Sustainable Development 2040 has been adopted, for which I would like to congratulate whole of Kyrgyzstan, and yourself, distinguished Mister President Sooronbai Sharipovich. The document is comprehensive and its importance cannot be understated. It includes an entire chapter on "religion in a democratic government", underlining the guarantee of civil rights for freedom of religion and belief by the Kyrgyz Republic. It rightly describes Kyrgyzstan as upholding a neutral relationship to religious organizations, and in realizing effective legislation regulating processes in the religious sphere.

In their efforts in promoting freedom of religion in a modern and secular State, the Office of the President, the Government, the Jogorku Kenesh, law enforcement agencies, academia and civil society can count on the OSCE's support. The OSCE was chosen as a partner in implementing several projects in line with the "State Policy on Religious Affairs" - in the field of education, the role of media, preventing radicalization and increasing the participation of women. The aim is to strengthen the role and the rights of the Kyrgyz citizen and the Kyrgyz institutions.

The last year conference's Declaration led to the establishment of an inter-confessional dialogue. The launch of this interfaith and inter-religious dialogue between leaders and peoples of different faiths and beliefs is currently ongoing in all provinces of the country and is a success. It illustrates the importance of open and constructive exchanges in maintaining tolerant and respectful relationships. Such dialogue is essential for countering stereotypes and prejudices, shaping positive narratives, as well as countering radicalisation and extremism in all its forms that can unfortunately be

found in many places around the world.

The OSCE is also supporting the educational pilot project called “Basic History of Religious Culture”. The course introduces to secondary school students the history of world religions. A special mention should be given to the state authorities for making this education mandatory for all schools in 2019.

Distinguished Mister President, distinguished participants,

This conference shows the success of Kyrgyzstan in embracing its multi-faith identity that exists in a secular context, with respect of the rights of every citizen to profess a faith of his or her choice, or not to profess any at all, as anchored in the “Concept of the State Policy in the Religious Sphere”. The freedom of choice is something that Kyrgyzstan can be proud of, and is part of its national identity.

This conference will deliver precious recommendations which will facilitate to cooperation between state partners, civil society, religious leaders and academia in promoting the freedom of religion and beliefs, as well as fundamental freedoms across your beautiful country.

Thank you for your attention.

Speech by the Federal Minister of Religious Affairs and Interfaith Harmony of the Islamic Republic of Pakistan Noor-Ul-Haq Qadri[2]

Excellencies,

Assalam o Alaikum wa Rahmatullahi Wa Barakatuhu!

It is a matter of great pleasure for me to join you all at this auspicious event and speak on the subject of "Islam in the modem secular state". I want to begin by thanking Mr. Sooronbay Jeenbekov, the President of the Kyrgyz Republic, for hosting such a memorable event and for extending the Invitation to the Government of Pakistan.

Ladies and Gentlemen,

Islam is a religion of peace, mercy, tolerance, kindness and benevolence. It stands upright against all kinds of violence and brutality, in order to promote and protect justice and peace. It has greatly stressed upon the Muslims to show mercy and kindness to all people including their enemies captured during war. The Holy Prophet was the greatest champion of peace for all times, promoting the cause of peace for the whole of mankind.

But the current wave of religious extremism and terrorism in the name of religion, has affected the entire world, so it has become essential for the Muslims of present era to present the true image of Islam which can only be done by following the true teachings of Islam. As far as the Governments of Muslim Majority Countries are concerned, it has become crucial for them to develop interaction and communication between the states and Islam, in order to eradicate the elements of religious terrorism and extremism from these states, whether they are secular states or Islamic Republics. And that is why we all are here for a collective discussion on the approaches which need to be adopted by the State Governments to achieve this goal.

Ladies and Gentlemen,

A deep understanding of Islam is required to prevent extremism and radicalization because due to insufficient knowledge and shallow understanding of Islam, the radical organizations may exploit the Muslim youth to fulfill their destructive goals. So first of all, there is a dire need that the Muslim Majority Countries, especially the secular states, should initiate educational reforms to ensure the dissemination of true teachings of Islam as provided in Holy Quran and Sunnah. As if the Muslim Youth is aware of their religion, they will not be exploited by the extremists. So, the Governments must introduce the subject of Islamic studies in the curriculum whose syllabus should be finalized unanimously by the panel of influential Muslim scholars.

---

[2] The Federal Minister of Religious Affairs and Interfaith Harmony of the Islamic Republic of Pakistan Mr. Noor-Ul-Haq Qadri was going to participate to the Conference. But he could not come to Bishkek and his speech was read by the Ambassador of Islamic Republic of Pakistan in the Kyrgyz Republic Mr. Faisal Niaz Tirmizi.

Secondly, the religious scholars also influence the mindset of the youth as they play an important role in religious training of people. So, training of the trainers is the most important thing. The Governments should make arrangements for initiating training programmes for Ulema and Khutaba.They should be taught the policy of tolerance and endurance for themselves. So, they may teach the same.

Thirdly, the faith based organizations working in a Secular state need to be strictly monitored by the State agencies so that the proscribed or radical organizations may not take advantage of the innocent people. And for this purpose, the registration of the religious organizations should be ensured.

Fourthly, the print, electronic and social media should be used to disseminate the true teachings of Islam as media holds a strong ground within the world. Many people prefer to get information from news rather than researching on their own and unfortunately, the media in the western world has been mostly promoting Islamophobia. That is why; this powerful medium should be used to convey the true Islamic values, to discuss religious issues and to promote a culture of tolerance and dialogue. Religious programmes should be conducted via electronic media in which the influential and well educated Muslim Scholars and Muftis should deliver meaningful lectures on different issues in the light of teachings of Quran and Sunnah.

Ladies and Gentlemen,

Last but not least, the role of Muslim women exclusively those living in a modern Secular state, should not be ignored. Because the women play a great role in the growth and development of the society as a daughter, sister, wife and mother. And compared to the past, the women of today are professional, bread-earners for their families and independently thinking individuals of the society. So, it is very important to ensure that the muslim women should also be given an equal opportunity for religious education, besides men, as “if you educate a woman, you educate a generation”. The religious women should not be isolated in their houses and they should also be given worldly education to make them important members of the society and for better training of the Muslim children growing up in a modern world.

Ladies and Gentlemen,

In present times, a fear has been associated exclusively with Islam and the Muslims while in reality the extremist factions may exist in any society or any religion as these groups operate outside of normal religious practices. For example Ku Klux Klan, The Lord’s Resistance Anny, Central Africa Republican Christian Militias, Terror against Terror, Jewish Defense League and Jagaran Manch are world famous terrorist organizations which are associated with Christianity Judaism and Hinduism. While in reality, no religion in its pure form, can legalize or promote terrorism. And Islam is a religion of moderation, it does not command with such sort of activities. The Muslims of today only need to be enlightened with the true spirit of Islam.

Finally, I would like to say that the message of Islam is actually a message of peace for the whole of mankind. So let us all work together for the establishment of peace. May Allah Almighty give us all, the courage and strength to bring peace to the entire World and to revive the Glory of Islam, as it was in Ancient days.

Thank you.

Speech by the Minister of Islam Affairs and Waqfs of the Islamic Republic of Afghanistan Faiz Mohammad Osmani

Save Religious School, Save Life

Establishing and expanding religious schools in Afghanistan after having spent post-war migration period returns to those countries that were largely opposed to their rivals.

The interior of these schools was a pre-modern atmosphere that did not have any familiarity with the modern world and the accepted values of today's world. The atmosphere outside the Religious School, is the war-torn jihadist atmosphere, the hostility to the infidels, complained from current situation, and encouraged the ideal situation with the establishment of Islamic sovereignty.

One Decade after jihad began in Afghanistan, tens of thousands of young Afghans and a large number of Pakistani youth were trained in these schools. This energetic force was searching for identity and wanted to define a specific role for it.

This time the Taliban entered the political social life of Afghanistan with religious fundamentalist ideology, and after that, especially after the 11th of September, it became clear for the first time that the marginalized classes of society and schools could also ignore the world order with Shocking challenge.

After that, serious dialogue and discussions about the causes and factors of the growth and spread of extremism were made, and the status of religious schools in Pakistan, Afghanistan and the region was also seriously observed. But it was important to know if all the schools were the same or some of them?

Is the school itself a tendency towards extremism or other external factors, such as poverty, social exclusion, and the activities of political parties and...

Islamic School World:

1. Teacher

The teacher in the school system is the spiritual father, and since he possesses the legacy of the Prophet, he has a kind of holiness. He has the right to advise students on matters beyond his / her lesson, to give directions and even to determine his course of life. At the time of the Taliban›s rise, many of the teachers in these schools are keen to join this movement.

2. Student

Most school's students like their teacher come from rural areas and belong to poor and low income families. The reason for turning these people into religious schools is to provide free education services, free medical assistance and a kind of job security through medical insurance and so on.

3. The curriculum

The curriculum in religious schools does not follow a single pattern.

In terms of worldview and the promotion of high values, all school curriculums were similar, and so far, the modern philosophy of education has not been taken into consideration by school curriculum makers and designers.

4. Methodology

The teaching method is in the majority of the religious schools book-based, teacher-centered, and the teacher is in the eyes of the students the authority whose opinion is his last decision.

Lack of the permission of a critical discussion of topics, disapproving him to think differently, anti-Semitism, etc. are the reasons why students with mentality perfectly mimicked and do not give way to rationality in choosing how they behave.

Religious tendencies in Religious schools:

Religious schools are mainly divided into two sections of Sunni and Shiite, and in Afghanistan, there are both types, but due to the majority of Sunnis, there are more Sunni schools.

Schools in Pakistan, which are a reference example for Afghan schools, are divided into different ideas. But in Afghanistan, these boundaries have not yet come up with a very clear and well-defined face, which makes it hard for analysts to recognize and anticipate.

Propagation methods:

One of the messages that religious students give to their disciples is that they are the heirs of the prophets, and the most important thing to do in this field is to promote religion.

The most traditional method of editing the lecture on Fridays is under the title of sermon, which focuses on the teaching of religious affairs.

But many people do not care about religious affairs; they also deal with political, social, and artistic issues, and often attack critical positions against their opponents. If a person has no other grounds for learning religious matters, the same contribution in Friday›s speeches is enough to provide him with a great deal of knowledge of religion, since this is not limited to a specific time period and continues until the end of his life. In fact, in addition to performing and proclaiming religious ceremonies, Khatib simultaneously acquires the intellectual leadership of society and plays a role in building a public mentality.

In recent years, with a lot of audio and visual media in Afghanistan and the region, in addition to traditional religious propaganda opportunities, other opportunities have been added to them.

Factors of tendency and thinking norms:

Religious schools and traditional scholars did not initially have a tendency of politics.

But contributing to the harsh ideas of some societies like Afghanistan, as a result of the severe crises that it has gone through or is struggling with now, has made it a significant political opportunity. The opening of the political footprint to the life of the public has also led to the advent of religious scholars. If in the past being far from virtuous politics was considered so high value, today it is attractive to engage in political conflicts for a large part of society.

This is a situation both people and religious scholars are unfamiliar with the political schools and theories behind them, and this theoretical vacuum is a good opportunity to attract ideas from political parties and radical groups in the field of politics Such as the revival of the caliphate, the implementation of the Sharia in the Middle Ages, the return to the early Islamic system of government, the opposition to the manifestations of new civilization and the struggle against Western countries.

What makes double their success is that moderate parties and liberal groups are heavily weak in these countries and they are not able to make alternative ideas And provide appropriate solutions to solve the problems of these communities; religious schools alone are not a factor in promoting extremism, but provide raw materials that can be absorbed into these groups; these groups are through ideological publications, internet advertising, And underground connections will succeed in attracting part of the schoolchild to their ranks.

Steps to radicalization:

Although there are no very precise and steps to radicalize a person, because this change depends on the psychological, social, traditional, and many other things, but these steps can be considered in relative terms.

Getting pure and orthodox recitation of religion: Many traditional Islamic religions emphasize that there is no more than a correct understanding of religion, and this impression is well summarized in the reading of that group of religion, the student with this mentality sees, everything White and black, and does not recognize the gray area in terms of religious understanding.

Awareness of the deprivation of Islamic societies: In the past, lack of mass communication has made every society and environment in its own local world, whether it was satisfactory or unpleasant, that it made the conditions of an area It did not extend to another region, and societies were like islands, although they could have been politicized under the domination of an empire or a vast political system, but the new era has changed this situation, one of the results has been this, that bad news spreads easily everywhere, and whenever the bitter and painful conditions for Muslims happen in one corner, the news spreads to others too, and parties that intend to incite

people's emotions, especially young Muslims, they can easily obtain enough material to stimulate thoughts. Meanwhile, incidents like the Palestinian state of affairs, and sometimes the events that are exaggerated in their narrative, such as the situation of Muslims in Burma, are an important point in brightening the minds of Muslim youths from anger and hatred, and for them to be recruited into Radical groups.

Broadcasting news or reports in some of the world›s media, such as the support of the United States and some other Western countries from Israel, and so on, provides a strong impetus to those who are calling for further expansion of this hostile outlook. It seems that many Western politicians are unaware of this, or do not care about changing this image in the public›s mindset of these societies. Muslim youths feel that their religion and identity are exposed to the brutal invasion by the West and that they have to fight with this. This situation makes the field more radical.

The result of the speech:

There is no doubt that religious schools have historically played a key role in teaching religious beliefs, religious worship and other sciences, cultural and social development of the nations of the world, and the creation of Eastern civilizations, and the existence of schools has been accepted in religious societies, but What is worrying is the type of teaching of some of these schools with the ideological approach, one through the professor and the other through the subject and the content of the lesson. This problem is not devoted only to Afghanistan and many other societies are also struggling with these.

Those who are trained in such a closed system are like raw materials that can be absorbed by radical ideologies.

Another concern is the lack of balance between supply and demand, from the perspective of social development and growth, with the increasing unbalanced religious schools. Because production exceeds the need in the field of human resources in any discipline beyond the «sufficient» level, it can create a problem, and if this happens in the field of religious education, because of the sensitivity of the position of the scholars of religion, the consequence can be more. And the simplest thing that happens is to form an unhappy queue, but it is equipped with weapons of worship, and the more dangerous it is when it is organized into war projects.

So what should we do?

Considering the wide range of these schools and their role in Islamic societies, given that in most countries and even in traditional societies, people in practice have no problems with peaceful coexistence and democratic values, and even Islamists in Turkey, Malaysia, some Arab countries have given secular values in the social arena, but when these values are presented with western terms and human courses, for various reasons, they conceive of their threat to their religious and national identity can be exploited by prominent thinkers. A major civilization attitude with deep intellectual-

philosophical support, a national discourse and awareness Aya turned out to make schools an opportunity, and whenever free rationale ruled and the monopoly of speech disappeared, and in our educational systems, instead of appearing, the meaning instead of the form, unity rather than divisiveness, replaced peace. War was given priority and radicalization motives were eliminated. Undoubtedly, peaceful coexistence with human beings is undoubtedly paved with humanity, and with the opening of the gate of dialogue, the critical rationality and novels look to grow, and anti-Semitic literature disappears.

Абу-Даби Аткаруу Кеңешинин мүчөсү, Абу-Дабинин Билим берүү департаментинин төрагасы Али Рашид Абдулла Альнуайминин сөзү

Расмий эмес котормо

Урматтуу катышуучулар сиздерге Аллахтын тынчтыгы жана ырайымы болсун!

"Ислам азыркы светтик мамлекетте" II эл аралык конференциясын өткөрүп жана бизге ушундай жакшы мүмкүнчулүктөрдү, мейман достукту түзүп берген Кыргыз Республикасына ыраазычылык билдире кетүүгө уруксат этиңиздер.

Дүйнө бүгүн террор, экстремизм, зомбулук деген сыяктуу кара күчтөрдүн курчоосунда калды да, ал күчтөр бейкүнөө адамдарга багыт алууда. Бул күчтөр адамзаттын цивилизациялык жетишкендиктерин жокко чыгарууда. Мындай реалдуулук, терроризмди, экстремизмди жана зомбулукту системалык түрдө жоопкериликтүү адамдар тарабынан аракеттерди координациялап жана бириктирип түп тамырынан бери жок кылуусун талап кылат. Динди жана саясатты ээлеп алуу максатында жасалган зордук-зомбулуктарга жана саясатташкан диндин идеологияларына каршы туруу керек. Ал үчүн учурда жана келечекте жалпы адамзаттын биригүүсү менен стратегиялык цивилизациялык жол катары глобалдык позицияларды координациялоо менен диалог түзүп, тынчтыкка жетүү зарыл. Бүгүн биз терроризм, экстремизм жана ичтен-сырттан келген коркунучтарды болтурбай турган толеранттуу дүйнөгө муктажбыз. Мындай чакырыктар менен күрөшүүдө бир гана өлкө же топтор же адамдар болбошу керек. Учурдагы зарылчылык артка калтырылып жатат. Биз жамааттык аракеттерди, эл аралык кызматташтыкты жана өнөктөштүк мамиле менен союздарды кеңейтишибиз керек. Ал эми аймактык коопсуздукту айта турган болсок, анда биз жергиликтүү Борбордук Азиялык аалымдарга басым жасашыбыз, акцент кылышыбыз абзел. Анткени экстремисттик жана террористтик идеологияга каршы күрөшүп, аны жеңүүдө алардын эл алдында, келечек муун алдында жана Алланын алдында жоопкерчиликтери чоң. Мамлекет ичинде мамлекет болушун каалабасак, анда "улуттук мамлекет" деген түшүнүктү бекем отургузушубуз керек. Бул аймак Советтер Союзу кулагандан кийин өткөөл учурга туш келип, улуттук аң сезим маселеси кечеңдеги белгилүү. Андыктан коомдун бардык институттары бири-бирине жардам беришип, улуттук иденттүүлүктү калыптандырууга колдоо көрсөтүүсү абдан зарыл.

Ислам дини Кыргызстанда кылымдардан бери жашап келет. Ислам динин бул жерде өзүнүн орду жана өзгөчө табияты бар. Ал үчүн, Урматтуу Президент мырза, Сиздерге кеңеш иретинде айта кетмекчимин: "Ата-бабаңыздардын тутунган Исламын карманыңыздар!" Ушул жерлерде кылымдардан бери

келе жаткан Исламды карманыңыздар! Ушул өлкөнүн сырткы чегинен келип “силерге Исламыңарды үйрөтөм” дегендерге жол бербеңиздер! Андыктан, Кыргызстандагы аалымдар жоопкерчиликти моюндарына алышып, тарых менен тастыкталган, кылымдардан бери келе жаткан, ата-бабаңыздар түптөгөн жана улуттук мамлекеттин алкагында “Кыргыз Исламын” калыптандыруу өтө маанилүү. Ошондой эле цивилизациялуу мамлекет, тынчтыктын жана сүйүүнүн негизи болгон туура Исламды колдоосу керек. Бүгүнкү күндөгү аймактагы жана жалпы эле дүйнөдөгү чакырыктарга каршы туруу үчүн эң алгач экстремизмге каршы күрөшүүнүн улуттук стратегиясын иштеп чыгуу зарыл. Ал үчүн коомдун бардык институттары мамлекеттик жана жарандык секторлор, окумуштуулар биргеликте болуп, билим берүүдөн баштоо керек, анткени тынчтык, сүйүү жана толеранттуулук мектептен башталат. Ал эми мамлекет ичинде мамлекет жаралуусуна жол бербеш үчүн, улуттук иденттүүлүктү жана лоялдуулукту бекемдөө менен катар “кыргыз исламын” сактап калууда аалымдардын жоопкерчилиги чоң болуш керек.

Бардыгыныздарга Жараткандын тынчтыгын жана берекесин каалайм.

Приветственная речь заместителя председателя Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан Нуриймана Абдурахима Абулхасана

Уважаемый Сооронбай Шарипович!
Уважаемые участники конференции, дорогие гости!
Дамы и господа!

Пользуясь данной высокой трибуной, разрешите мне от имени руководства Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан выразить искреннюю признательность Руководству Кыргызской Республики и Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики за приглашение принять участие в работе II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве».

Встреча с нашими коллегами из различных стран имеет большое значение, так как ее тема была и остается актуальной для всех времен, ибо на всех этапах истории человечества духовная культура поднимала человека, возвышала и поддерживала его, вела к органическому единству людей. Именно религия была первым ядром культуры, объединившим страны и континенты, независимо от национальной и расовой принадлежности, социального уровня, возраста и образования.

Сегодня как никогда на повестке дня мирового сообщества остро стоят вопросы противодействия радикализму и национализму, содействия гармоничной социализации молодежи и духовному развитию личности, а также, усиления межконфессионального сотрудничества и народной дипломатии, направленное, прежде всего, на воспитание подрастающего поколения образованными и в духе религиозной толерантности.

Именно образованная, просвещенная в религиозном отношении молодежь будет гарантированно отгорожена от влияния пропагандистов религиозного экстремизма и разжигателей межконфессиональной розни.

Необходимо констатировать, что невежество, нетерпимость, радикализм являются одними из основных факторов религиозного экстремизма. В этой связи, на 72-сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым была выдвинута инициатива по принятию специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: «Просвещение и религиозная толерантность». Основной ее целью является содействие утверждению толерантности и взаимного уважения, обеспечения религиозной свободы, зашиты прав верующих, недопущению их дискриминации. Инициатива главы нашего государства была горячо поддержана мусульманами мира.

Узбекистан издревле является страной соприкосновения и мирного

сосуществования различных народов, исповедующих разные религии.

В данном контексте, в последнее время Узбекистан вступил в новый исторический этап развития, характеризующийся глубокими трансформациями во всех областях общественной жизни. В сфере религиозных отношений приняты ряд мер, направленных на более широкое обеспечение свободы совести и вероисповедания, дальнейшее развитие межконфессионального сотрудничества, укрепления в обществе идей толерантности, а также глубокому изучению и пропаганде бесценного духовного наследия наших великих предков, совершенствованию профилактики религиозного экстремизма.

Как известно, научной общественностью мира однозначно признана бесценная роль ученых и мыслителей, проживавших на исторической территории Узбекистана, в развитии науки и культуры, исламских учений средневековья и последующих периодов, называемых «Мусульманским Ренессансом». В последнее время в Узбекистане проделана большая работа по продолжению данной исторической традиции - созданы Центр исламской цивилизации, Международный центр Имама Бухари, Международный центр Имама Термизи, Высшее медресе «Мир Араб», Международная исламская академия Узбекистана.

В Узбекистане также организованы школы хадисоведения при научном центре Имама Бухари в Самарканде, изучения науки калама - при центре Имама Матуриди, школы исламского права - в Фергане, тасаввуфа - при комплексе Бахоуддина Накшбанди, акыды - основ вероучения - при комплексе Абу Муина Насафи в Кашкадарьинской области.

Основными направлениями деятельности данных учреждений являются глубокое изучение на научной основе богатого и уникального наследия, связанного с исламской религией, формирование цельного представления о жизни и научно-творческой деятельности ученых и богословов Мавераннахра, раскрытие гуманистической сущности исламской религии, воспитание молодого поколения в духе национальной гордости, толерантности и общечеловеческих ценностей.

Во внешнеполитической сфере Узбекистан развивает и укрепляет сотрудничество, как с соседними республиками, так и другими мусульманскими странами, что качественно повысил уровень взаимного доверия и предсказуемости. Как отметил Президент Узбекистана Шавкат Мирзиеев на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», прошедшей 10 октября 2017 года в Самарканде: «Необходимо отказаться от деления угроз безопасности на «свои и чужие», на деле придерживаться принципа «неделимости безопасности».

Особая роль и ответственность государства заключается в использовании религиозных ценностей для укрепления национального единства, недопущения

радикализма и раскола общества.

Уверен, что обсуждение этих проблем станет ключом для решения многих актуальных вопросов современного мира.

Позвольте еще раз выразить свою благодарность за приглашение для участия в работе нынешней конференции, а также пожелать всем Вам больших успехов в дальнейшей ответственной деятельности по укреплению межконфессиональной и межкультурной толерантности в мире.

Выступление заместителя председателя Государственного комитета по работе с религиозными организациями Республики Азербайджан Саявуш Джамильоглы Гейдарова

Уважаемые участники конференции,

Прежде чем приступить к докладу хотел бы от имени руководства Государственного комитета Азербайджанской Республики по работе с религиозными организациями выразить признательность руководству Государственной комиссии по делам религий при Президенте Кыргызской Республики за приглашение на эту конференцию и оказанную высокую гостеприимность

Распространение в последние годы в глобальных сетях террористических и экстремистских материалов является особенно волнующим вопросом. Так, с использованием информационных технологий увеличилось число религиозных экстремистских материалов, которые могут нанести серьезный удар межрелигиозным и межконфессиональным отношениям. Различные сайты злоупотребляют религию, выводят священные писания из их истинного контекста и искажают их. Также ведется пропаганда ксенофобии и экстремизма, терроризма и религиозной вражды. Оставаться равнодушным к этому недопустимо. Крайне важно устранить угрозы информационной безопасности, содействовать свободе средств массовой информации, обеспечивать свободу слова и прессы, адаптировать носителей информации к современным стандартам и защищать информационную среду. Мы обязаны защищать наших граждан от этих рисков, а также использовать положительный опыт других стран, обеспечивающий свободу вероисповедания в соответствие с требованиями современности.

Я хотел бы обратить внимание на сложившуюся в Азербайджане атмосферу толерантности и мультикультурализма, отражающую высокий формат межрелигиозного и межкультурного диалога, который высоко ценится мировым сообществом, а также на стратегию, которая может служить примером миру в регулировании государственно- религиозных отношений.

В Азербайджане национальная и религиозная терпимость основана на наших исторических традициях, на протяжении столетий навыки сосуществования и толерантности в отношении носителей всех других религий составляли основу наших жизненных принципов. Азербайджан является мостом между Востоком и Западом, точкой воссоединения. На протяжении всей истории азербайджанское общество включало в свое социокультурное пространство исходящие из обеих сторон и соответствующие своим национальным особенностям ценности, исключало факторы, противоречащие критериям страны.

После восстановления независимости Азербайджана в соответствии с концепцией государственности и секуляризма отношения между религиями и

этническими группами в стране еще более укрепились, и эта сфера превратилась в один из приоритетов государственной политики, которая и по сей день успешно продолжается.

Наряду с мультикульрализмом, толерантностью, уважением к национально-духовным ценностям, основу существующей в Азербайджане социально-политической стабильности и гражданской солидарности составляют сильная правовая база и принципы государственности. Закон Азербайджанской Республики «О свободе вероисповедания», регулирующий отношения в религиозной сфере в нашей стране и основанный на принципах Конституции АР свободы совести и вероисповедания, является одним из самых прогрессивных законов современности.

В частности, Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики и принятие Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с религиозным экстремизмом» создали широкие возможности для гибких и скоординированных действий в борьбе с этой проблемой. Закон определяет права и обязанности государственных органов и граждан, осуществляющих борьбу с религиозным экстремизмом.

Кроме того, соответствующие дополнения к Кодексу об административных правонарушениях Азербайджанской Республики, Уголовному кодексу и Закону «О свободе вероисповедания» создали более эффективный механизм против религиозного радикализма и экстремизма, тем самым охарактеризовав конкретную тактику борьбы государства в данной области.

Хотелось бы отметить, что по сравнению с рядом стран, светская система в Азербайджанской Республике является более прогрессивной и справедливой. Хотя наша страна современная, светская, демократическая, необходимо учитывать, что она также является мусульманской страной. Поэтому следует учитывать исламский фактор, в частности отношение этой религии к секуляризму и государству.

Значение азербайджанской модели государственно-религиозных отношений проявляется в том, что государство придает значение далеким от экстремизма ортодоксальным и фундаментальным основам, а не религии, опирающийся на мазхабы. Политика, проводимая в этом направлении, носит особое значение как для государства, так и для общественности. Мы считаем, что эти факторы оказывают значительное влияние на эффективность борьбы с проявлениями религиозного экстремизма.

Провозглашение 2016 года «Годом мультикультурализма», а 2017 года – годом «Исламской солидарности», 10-летие с момента создания и развития межкультурного диалога под названием «Бакинский процесс», получивший статус глобальной платформы в борьбе против расовой дискриминации и

нетерпимости, являются глобальными призывами по поощрению взаимного уважения и взаимопонимания, сотрудничества и диалога между народами и культурами мира. Это также деятельность, направленная на использование мультикультуральных ценностей нашей страны, исторически дружественных традиций сосуществования нашей истории как международной модели в то время, когда усиливаются национальные, расовые, религиозные и культурные противоречия, а также получает широкий размах экстремистское мышление.

С целью изучения азербайджанского примера мультикультурализма, вносящего особый вклад в формирование внутрирелигиозного и межрелигиозного диалога, началось преподавание предмета «Азербайджанский мультикультурализм» в 20-ти престижных высших учебных заведениях мира. Это является подтверждением того, что наша страна всегда поддерживает независимую, прозрачную и честную политику.

Также создание Фонда пропаганды моральных ценностей и Азербайджанского института теологии в подчинении Государственного комитета является новым этапом в истории государственно-религиозных отношений нашей страны. Основные направления деятельности Фонда пропаганды моральных ценностей составляют усиление пропаганды моральных ценностей, реализация социальных проектов в этой области, организация просветительства в сфере государственно-религиозных отношений. В настоящее время более тысяча религиозным деятелям со стороны Фонда пропаганды моральных ценностей, а также немусульманским общинам со стороны Резервного фонда Президента оказывается материальная поддержка. Данная деятельность, являющаяся новым этапом в истории государственно-религиозных отношений Азербайджана, наряду с повышением эффективности религиозно-просветительской работы, также считается важным инструментом для решения ряда проблем в области религии.

Материальная поддержка религиозным деятелям в первую очередь приводит к улучшению их условий жизни и снижает риск попадания во влияние извне. Этот шаг также вносит вклад в совершенствование механизма контроля над религиозной средой. Финансовая поддержка повышает профессиональную ответственность религиозных деятелей, требуя от них работать по конкретному графику, что ограничивает вмешательство неофициальных лиц в деятельность мечетей.

Создание Азербайджанского института теологии способствует сохранению и развитию высокой религиозно-нравственной среды, основанной на исторических традициях азербайджанского народа и являющейся логическим последствием государственной политики, подготовке высококвалифицированных национальных кадров в организации религиозной деятельности.

В нашей стране борьба с религиозным экстремизмом осуществляется в трех основных направлениях: идеологическом, экономическом и правовом. Борьба ведется скоординировано с другими структурами.

В области идеологии с целью регулирования государственно-религиозных отношений в Азербайджане, предотвращения попадания населения, особенно молодежи, под влияние вредных религиозных течений, распространения под религиозными лозунгами чуждых национально-духовным ценностям и противоречащих национальным и государственным интересам идеологий систематически организуются просветительские мероприятия, семинары, конференции и тренинги с участием десятков тысяч граждан АР.

Учитывая тот факт, что средства массовой информации, в частности интернет-ресурсы и социальные сети, сегодня стали мощным инструментом, управляющим поведением и сознанием молодежи и способным повлиять на общественное мнение, наряду с предотвращением административным образом использования интернет-ресурсов, пропагандирующих радикализм, ксенофобию, религиозную дискриминацию, создание в виртуальном пространстве альтернативных этим ресурсам источников, пропаганда религиозных и моральных ценностей через интернет, особенно надежные источники, являются требованием современности. Со временем функция средств массовой информации по просвещению общества ослабевает, основное внимание уделяется обеспечению общества информацией. Однако с точки зрения формирования общественного мнения, средства массовой информации все еще сохраняют свою прежнюю функцию и позицию. В этом смысле средства массовой информации сохраняют свой огромный потенциал по привлечению общественного внимания на борьбу с религиозным радикализмом и экстремизмом. Мы должны максимально использовать данный потенциал.

Учитывая вышеуказанные способности средств массовой информации, Государственный комитет успешно осуществляет творческий подход в реализации процесса религиозного просвещения в борьбе против экстремизма. При поддержке Государственного комитета транслируются телевизионные программы для пропаганды традиционных исламских и национально-нравственных ценностей. Для того, чтобы довести до всех слоев общества последствия религиозного радикализма и экстремизма, снятые по заказу Государственного комитета документальные фильмы «Фитна» (провокация), «Шахадат» (шехидство во имя защиты родины), «Вахдат (внутрирелигиозное и межрелигиозное единство) - в нашей крови», ««Будущее в горизонте», которые повествуют о жертвах и последствиях религиозного радикализма, показываются не только на телеканалах, а также на встречах с молодежью.

Принимая во внимание тонкость религиозной сферы, осуществление необходимых мер по повышению квалификации и профессионализма работающих в этом направлении журналистов имеет первостепенное значение. С этой целью

Государственный комитет регулярно проводит просветительские семинары-тренинги представителям средств массовой информации. На этих встречах обсуждаются вопросы касательно религиозной политики азербайджанского государства, состояния религиозной толерантности в стране и роли средств массовой информации в борьбе против религиозного радикализма. Следует отметить, что после тренингов интерес журналистов к религиозной сфере увеличился, а анализ процессов и тенденций в религиозной среде расширился. Одним из важных моментов является то, что помимо раскрытия сущности возникновения причин и последствий экстремизма в средствах массовой информации, более эффективным является распространение информации об альтернативной и практически успешной модели.

Еще раз хочу отметить, что в борьбе с религиозным радикализмом и экстремизмом мы поддерживаем сотрудничество со всеми международными организациями, в том числе зарубежными странами. Исходя из этого, мы готовы поделиться опытом Азербайджана в сфере государственно-религиозной политики.

В ходе конференции были выдвинуты многочисленные конструктивные идеи, мысли и предложения, которые, несомненно придадут важный импульс противодействию религиозному экстремизму.

Спасибо за внимание!

Выступление заместителя председателя Комитета по делам религии и упорядочению традиций торжеств и обычаев при Правительстве Республики Таджикистана Фаррухулло Олимзода

Глубокоуважаемый Президент Кыргызской Республики Сооронбай Шарипович Жээнбеков!

Дорогие участники и организаторы II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве»!

Разрешите от имени делегации Республики Таджикистан выразить благодарность за приглашение для участия на данном мероприятии и пожелать самого наилучшего всем участникам данной научно-практической мероприятии. Для нас сотрудников уполномоченного органа в религиозной сфере, ученых, представителей религиозных объединений и представителей различных сфер, участие на этой конференции имеет весьма большое значение.

Рассмотрение вопросов, связанных с исламом как в историческом, так и в современном ракурсах, было и остается весьма актуальным и значимым. Культура, жизнь, быт и традиции народов Центральной Азии имеют много общего с исламом. Без учета исламских ценностей анализ и оценка исторических и культурных процессов, происходивших и происходящих на территориях центральноазиатских стран, окажутся неполными и фрагментарными. Сегодня приоритетная роль этих ценностей в формировании духовно – культурного сознания и их взаимодействие с государством с учетом всех реалий современного развития народов региона и глобализации ислама в современном мире вряд ли вызывают у кого сомнение.

В Республике Таджикистан в последние годы в сфере религии было осуществлены много работ и предприняты конкретные меры.

В 1990 году в Таджикистане был принят Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который действовал вплоть до 2009 года. А в 2009 году в целях совершенствования законодательных актов относительно вероисповедания, свободы совести и регулирования в области религии парламентом страны был одобрен Закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Одновременно принятие Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии была разработана с учетом нынешних условий свободы совести и вероисповедания в стране. А также для плодотворной реализации законодательных актов в сфере религии были разработаны и приняты многочисленные подзаконные документы (порядки и нормативы).

Благодаря созидательной, миролюбивой и гуманной политике Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан

уважаемого Эмомали Рахмона Таджикистан в период своей независимости достиг значительных результатов в реализации свободы вероисповедания граждан, и в целом религиозную ситуацию в республике можно оценить, как стабильной и нормальной.

Если за период советской власти в Таджикистане было всего лишь 7 мечетей и в конце советской власти всего 34 религиозных объединений, то ныне в республике действуют более 4 тысяч религиозных объединений, 67 из которых являются религиозными объединениями неисламского характера. Следует отметить, что согласно с данными некоторых исследовательских центров Таджикистан входит в число государств, где большинство населения исповедует ислам, но при этом представителям других религий и конфессий предоставляется равные права и свободы. Важно подчеркнуть, что если за более 74-летный период советской власти совершили паломничество всего лишь более 30 граждан республики, то за 27 лет независимости свыше 200 тысячи гражданам была предоставлена возможность реализовать это религиозное право, что свидетельствует об огромных достижениях в деле обеспечения прав и свобод граждан. Факты и цифры говорят сами за себя и свидетельствуют о том, что гражданам республики в период независимости было предоставлено намного больше возможности реализации право на свободы совести и религии чем в былые времена. Вот только нам надо их правильно и объективно оценить.

Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» охватывает все аспекты свободы совести и свободы вероисповедания, от определения отношения человека к религии до учреждения религиозных объединений. Свободное определение отношения человека к религии исходит из смысла статьи 1 Конституции республики, которая объявило Республику Таджикистан светским государством.

В последние годы все более актуальной становится проблема участия молодежи в экстремистской деятельности. Каждому ясно, что взгляды и учения, категорически отрицающие существующий и общепринятый комплекс этических ценностей и при этом выступающие за грубую смену ценностных ориентаций несут в себе опасность для общества. На одном из своих выступлений на встрече с представителями общественности страны Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон отметил, что: «В современном мире терроризм и экстремизм всё больше распространяются в различных регионах и странах мира и ежедневно становятся причиной гибели сотен мирных жителей и скитания тысяч невинных людей по миру. Это явление в результате политизирования Ислама превратилось в большую мировую угрозу». Исходя из этого и других негативных проявлений, которые мы видим не только в исламском мире, но и в большинстве других странах, прежде всего мы должны не упускать политическую бдительность и во благо будущего мирного сосуществования

человечества осуществлять свои миролюбивые шаги.

На этом фоне я желаю плодотворных результатов работе II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве»!

Благодарю за внимание!

Выступление начальника управления по укреплению общегражданского единства и профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации Абдулгамида Османовича Булатова

Уважаемый президиум!
Уважаемые участники!

От лица Федерального агентства по делам национальностей и от себя лично рад приветствовать организаторов и участников II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве».

Конец XX - начало XXI вв. ознаменовал начало новой эпохи – эпохи многополярного мира и разновекторного развития. В этой нестабильной меняющейся реальности важную роль приобретает религиозный фактор, становящийся, в том числе, одним из индикаторов цивилизационной идентичности. Глобализационные процессы, приводящие к нивелированию этнокультурных особенностей, зачастую вызывают обратную реакцию в виде ревитализации ценностей традиционных культур и религий, а массовые миграции, сопровождающие их, приводят не только к расширению территорий межэтнического и межкультурного взаимодействия, имеющему, в том числе, конфликтное измерение, но и изменению исторически сложившихся ареалов распространения религий, территорий их традиционного бытования. С учетом существующих диспропорций в мировом экономическом развитии, также стимулирующих миграционные процессы, все указанные выше факторы в той или иной степени обусловливают возрастание роли религиозной идентичности и ее мобилизационных возможностей.

Все сказанное выше в полной мере относится к исламу, наиболее активно из всех традиционных религий позиционирующему себя в лице своих последователей различных толков, в том числе прямо противоположных и враждебных друг другу, в общественно-политической сфере. Одним из наиболее актуальных в этом отношении является вопрос его существования в светском государстве, роли и места в светском обществе.

Россия является одним из убедительных примеров возможности полноправного сосуществования и взаимодействия на протяжении многих веков разных религий, в том числе ислама и христианства, при сохранении светского характера государства.

В настоящее время в Российской Федерации действует План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама до 2020 гг. В рамках его исполнения была создана Концепция исламского

образования в России, нацеленная на приведение исламского образования в соответствие с отечественными и мировыми стандартами. В реализации Плана участвуют 5 государственных и 7 исламских вузов, включая Булгарскую исламскую академию в Татарстане. Целью реализации Плана являются снижение уровня религиозного экстремизма, формирование отечественной исламской богословской школы, поступательное развитие образовательного процесса в медресе и колледжах.

Религиозные, в том числе исламские, организации тесно сотрудничают с государственными органами власти и различными общественными организациями в решении как стратегических, так и локальных, повседневных задач.

Во всех субъектах Российской Федерации, в том числе на муниципальном уровне, действуют общественные советы, куда обязательно входят представители религиозных общин. Представители централизованных исламских организаций входят в Совет при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями, в Общественную Палату Российской Федерации, достойно представляют Российскую Федерацию вместе со своими собратьями по другим традиционным для России религиям на различных международных форумах.

Мы готовы делиться накопленным опытом межрелигиозного и межконфессионального взаимодействия. Нам также интересен опыт наших зарубежных партнеров и коллег.

В заключение хочу выразить благодарность организаторам международной конференции и пожелать всем ее участникам успешной работы!

Бүткүл дүйнөлүк Ислам Лигасынын өкүлү Абдулрахман Альхазаминин сөзү

Расмий эмес котормо

Ырайымдуу жана мээримдүү Аллах Тааланын аты менен баштаймын

Урматтуу Кыргыз Республикасынын Президенти С.Ш.Жээнбековго жана Конференцияны уюштурууда башында турган Кыргыз Республикасынын Дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясынын директору З.Ж.Эргешовго өзүмдүн атыман жана Бүткүл дүйнөлүк ислам лигасынын (БИЛ) жетекчиси Мухаммед Абдулкарим Ал-Иисанын атынан ыраазычылык билдирем.

Барыңыздар менен ислам маданиятынын саламдашуусу болгон Аллах Тааланын Сиздерге саламы, тынчтыгы болсун деп саламдашмакчымын.

Албетте БИЛ жетекчиси Мухаммед Абдулкарим Ал-Иисанын ордуна бул эл аралык конференцияга катышып жатканыма кубанычтамын жана бул конференцияга катышууга мүмкүнчүлүк бергениздерге БИЛнын жетекчиси Мухаммед Абдулкарим Ал-Иисанын ыраазычылыгын, салам-дубасын сиздерге жолдоймун.

Бул конференциянын аталышы кабарлап тургандай Ислам бул асмандан, Кудайдан тараптан вахий болуп жалпы адамзатка түшкөн дин. 14 кылымдан бери Аллахтын үйү, харам мечити орун алган ыйык Мекке жана нурлуу Мадина шаарларында бул диндин нуру жайылып, жалган кудайларга сыйынуу дооруна чекит койгон. Андан соң ырайымдуулукту камтыган бул дин чыгыш-батыш тарапка жайылып, көптөгөн элдер кабыл алышып, дүйнөлүк динге айланды. Куранда “Биз сени бүткүл аалам үчүн ырахмат катары жөнөттүк” (Анбия сүрөөсү 72).

Кыргыздар Ислам динин кабыл алгандан тартып, ислам үммөтүнүн бир бөлүгү болуп калды. Орто Азиядан анын ичинен кыргыздардан улуу аалымдар, билимдүүлөр чыгып баштады. Алар:

- Мухаммед ибн Сарахсий 490 хижрий жылында каза болгон жана эң белгилүү ханафий мазхабы боюнча китептин “Мабсут” автору;

- Сирожидин Али ибн Усман аль-Оший аль-ханафий 575 хижрий жылы каза болгон. Ал акыйда илими боюнча жазган касыйдалар менен таанымал болгон. Белгилүү эмгеги катары “Фатава сироожия” китеби.

Азыркы учур системаларга, мекемелерге негизделген укуктарды, жоопкерчиликтерди камтыган улуттук мамлекеттин доору. Бир эле мамлекетте ар кандай диндин өкүлү орун алган алар бир эл, бир коомдун бир мамлекеттин жараны. Албетте бул Кыргызстандын мисалында. Эгер мусулман эместер алсыз болсо мамлекеттик жетекчилер, коомдук жана диний лидерлер тарабынан мамлекеттин биримдиги, бүтүндүгү, коопсуздугу үчүн ынтымактуу мамиле

түзүүгө аракет кылуулары керек. Мусулмандар ар кандай заманда, орунда мекендештери менен болгон мамиледе, тынчтыкты орнотуу башкаларга үлгү болуусу керек. Ошондой эле, адеп-ахлактын, жакшы кул мүнөздүн туу чокусун карманып, динибиз үйрөткөн башка бирөөгө жакшылык кылуу, каалоо сыяктуу сыпаттарды өзүбүзгө алып келүүбүз зарыл. Азыркы мезгилде мамлекет муктаж болуп жаткан ар кандай тармактарда жоопкерчиликтүү, натыйжалуу иштер менен алек болуубуз зарыл.

Кыргыз Республикасы көз карандысыздыгын алгандан кийин адам укугу эске алынган демократиялык жол менен саясий турмушунда ийгиликке жетишти. Көптөгөн өлкөлөр Кыргызстанда жаңы доор пайда болгонуна күбө болушту. Мамлекеттик саясаты өнүгүп, ислам ааламы менен бардык тармакта тыгыз кызматташууга өттү.

Ыйык Курандакелгендей "Чындыгында, Аллах-адилеттүүлүктү, жакшылыкты жана тууган-урукка кайрымдуу болууну буюруп, уятсыздыктан, каапырлыктан жана чектен ашуудан тыят" Нахл сүрөөсү 90 аят. Пайгамбарыбыздын сөзүндө "Улуу адеп ахлакты торлуктоо үчүн жиберилдим". Сахаба Жафар ибн Аб Тоолиб Нажаший деген падышага жолуккан учурда "Өлүктү жеген, жаман жоруктарды жасаган, туугандар менен мамилени үзгөн, кошуна менен мамиле кылбаган, күчтүүсү алсызды куураткан Биз сабатсыз будтарга сыйынган коом элек. Анан Аллах Таала өзүбүздөн чынчылдыгын, аманатка бекем болгон, ата-теги бизге маалым болгон пайгамбарды жиберди жана ал бизди Аллахка сыйынууга чакырып, чынчыл болууга, бир туугандар менен мамилени курууга буюруп жана кан төгүп арам жолго түшүндөн кайтарды". Динибиз дүйнөгө адеп ахлактын жайылышына себеп болуп, илим менен амалдын, теория менен тажрыйбанын бири-бирине шайкеш экенине каршы чыкпайт. Адам баласынын жеке адеп ахлакына, жүрүм-турумун көңүл буруп, жогорку кооз кулк мүнөздө болууга үндөйт. Диндин адамды жөнөкөйлүк, ырайымдуулук жана башка адептүүлүкө багыттаган өзгөчө системасы тууралуу Аллах Таала Куранда "Аллахтын ырайымы менен сен аларга жумшак мамиле кылдың. Эгерде сен катуу жүрөк, орой болгонуңда, анда алар сенин айланаңдан качып кетишмек" Али Имроон сүрөөсү 159 аят. Пайгамбарыбыз айтты "Кечиримдүү таза дин менен жөнөтүлдүм" жана "бул дин жеңил динди эч ким жеңе албайт, бекем болгула, сүйүнчүлөгүлө", "жеңил кылгыла оор кылбагыла, сүйүнчүлөгүлө качырбагыла".

Терроризмге алып барчу көкбеттүүлүк, аша чабуу, радикализм сыяктуу жаман саппаттарга динде орун жок. Дүйнөлүк ислам лигасы ар дайым экстремизм жана терроризмди алдын алуу маселесинде олуттуу көңүл буруп келет. Ошондой эле, эл аралык жана жергиликтүү иш-чараларда экстремизм, терроризм алдын алуу боюнча өз позициясын билдирип, алардын идеологиясы ислам үммөтү үчүн жат көрүнүш экени тууралуу кабарлап келет. Экстремизм, терроризмге каршы ар кандай программларды иштеп чыгуу, коомдук иш-чараларды өткөрүү, массалык

маалымат каражаттарында, интернет тармактарында маалыматтык түшүндүрүү иш-чараларын өткөрүү менен жалпы бирдиктүү кадамдарды, иш-аракеттерди жүргүзүүбүз зарыл.

Сөзүмдү жыйынтыктоодон алдын конференцияга тиешелүү кээ бир сунуштарды сунуштап кетээр элем:

1. Ислам иштеринин бардык тармактарында дүйнөлүк жана жекелик тынчтыкты орнотууга салым кошуу үчүн ачыктыка, айкындыка көңүл буруу зарыл. Бул тарапка көңүл бурбоо алдын ала пландалган иш-чаралардын кемчилдигинен кабар берет;

2. Мусулман эмес өлкөлөрдөгү жашаган мусулмнадардын маалыматтык үгүт-насааттарын көзөмөлгө алуу керек. Ал мамлекеттин мыйзамдарына, маданиятына каршы келбестен түшүнүү менен мамиле кылуусун түшүндүрүү зарыл;

3. Ислам маданиятына ылайык адамдарын патенциялын өнүктүрүүгө багытталган тиешелүү материалдарды дайындоочу илимий изилдөө борборлорду, уюмдарды түзүү зарыл;

4. Араб тилин үйрөтүүгө көңүл буруу, билим берүү мекемелерин түзүү, кеңейтүү, аларды заманбап илимдер, методтор менен камсыз кылуу жана теория менен практиканы айкалыштыруу;

5. Айлана чөйрө менен кооз сый-урмат мамиледе болуу, бирөө тууралуу аша чапкан өкүм чыгаруудан сак болуу.

Сөзумдүн аягында ушул Конференциянын демилгечиси Кыргыз Республикасынын Президенти С.Ш.Жээнбековго, уюштуруучусу КР ДИМК директоруна ыраазычылык билдирем. БИЛ ар дайым Кыргызстан тарап менен ислам динине кызмат кылууда эки тараптуу кызматташууга даяр экенин билгилеймин. Ошондой эле, бул Конференция өз мөмөсүн берип, жыйынтыгы ийгиликтүү, натыйжалуу болот деген үмүттөмүн.

ПЛЕНАРДЫК ОТУРУМ
PLENARY SESSION
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Religious Education for Pluralistic Societies

Ednan Aslan,
Professor, Dr.
Head of Institute for Islamic Theological Studies,
University of Vienna,
Vienna, Austria

Plurality as the Will of God

Muslims, throughout their history, have developed diverse conceptions of how they should live together with representatives of other religions or for what position different religions should have in predominantly Muslim countries. The rights and obligations of the Jews and Christians have been discussed in detail in the most diverse theological works. In all of these works, the attention is exclusively on how the religious minorities should be handled, with not a single thought being articulated concerning their participation in the wielding of power. Apart from in some Sufi literature, the special status of religious minorities and the exceptional position of their inferior value conceptions in relation to institutionalized Islam were dealt with from a theological perspective only with regard to those two aspects[3].

The conceptions of the status of religious minorities developed by Muslim scholars can no longer meet the challenges of the people living under the conditions of globalized, pluralistic societies. This is because the objective is longer to determine how religions can tolerate one another, but rather to discover how we can increase the pluralizing capacity of religions in such way that we can succeed in living together in peace without any particular religion or worldview claiming absolutism, which would constitute the next step toward a highly developed society. Just as Christians are questioning their theological history in the face of these developments, Muslims living under these new global conditions are challenged to question their position towards other religions and, in the spirit of the Qur'an and the Prophetic Tradition, to expand their thinking.

In this process, the expectation of Muslims that they can recover solid, ready-made conceptions from their history can only lead to disappointment or insolation, namely because the current situation of Muslims cannot be understood through the lens of their

[3] Aydın, M. (2005). Dini çoğulculuk üzerine bir müslüman mülahazası. İn: Aydın, M. (2005). Dinsel çoğulculuk ve Mutalklık iddaları. Ankara: Ankara Okulu Yayınları. P. 92.

history, just as their history cannot be held responsible for the current situation.

"We do not see our faith as something that is continually changing. We are constantly looking for solid conceptions such as the conception of Medina and that of Mecca. However both are overly simplistic: before the hijrah *and after the* hijrah*. In the conception of Mecca we were the victims; in the conception of Medina we won and were the rulers. But both are not suitable for an open and pluralistic society, because there the attention is always on a give and take"*[4]

The Muslims living in Europe, who are constantly confronted with religious and cultural diversity, are face with the task of rethinking their own theology from within the pluralistic conditions in Europe much more so than Muslims in Muslim majority countries, because the future of Islam in Europe depends decisively on the success of such a society. In this process, Muslims cannot allow themselves to be simply dependent on the performance of other religions, but instead they should reshape their own theology in active dialogue with other religions in the European context. In that way, Islam could serve as the basis for explaining the contradictions between Islam and the pluralistic society from the perspective of its own philosophical tradition and for transmitting impulses to Muslim majority countries, as a kind of proof that a pluralistic society can be substantiated through a Qur'anic approach.

Muslims for their part make the new experience of living as a minority group within a pluralistic secular society and to try and maintain their own identity within plurality. Under these special circumstances in Europe the education of Muslim children plays an important role in the process of settlement in order to assist adolescent Muslims to merge with the European community of values.

Islamic education in Europe has been set up with the task to help interpret this change to children in order to facilitate an open debate from which a European identity can arise that can coexist in a secular society alongside own traditions.

What are the Main Features of Pluralism?

I believe that it is useful to first differentiate between the terms "plurality" and "pluralism." Plurality describes a superior and comprehensive diversity in society. This term is widely used in various scientific disciplines such as political science, psychology, etc. A central role in the scientific debates on plurality is taken by religious and cultural plurality with its many facets[5].

A pluralist is different from a relativist in that he is always prepared to question his own tradition, to which he feels obligated, and his identity, which is related to it. Both

[4] Esack, F. (2014). Deutsche Muslime sind nur Mitreisende. In: http://de.qantara.de/inhalt/interview-mit-dem-islamischen-theologen-farid-esack-deutsche-muslime-sind-nur-mitreisende. (Consulted: 10.04.2015).

[5] Schweizer, F. Ethische Erziehung in der Pluralität, In: Loccumer Pelikan 3/1999. http://www.rpi-loccum.de/material/pelikan/pel3-99 (Consulted: 21.08.2015).

resources, tradition and identity, are essential sources for dealing with plurality – unlike a relativist, whose attitude is characterized by rigidity of perception, a pluralist will endeavor to define and justify his own position within certain limits.

Fundamentals of Islamic Pluralism

When discussing the foundations of a pluralist-Islamic education, it is important to consider three inter-related fields that are of major importance to curriculum development:

- What is the topic?
- Who is learning?

Where is the learning taking place (milieu)?

The main responsibility for the proper implementation of this concept, of course, falls on the teachers, who in turn are in a constant relationship with these fields. Taking these prerequisites into account, the foundations of an Islamic religious pedagogy can now be worked out[6].

What is Dīn (Religion)?

"Dīn"[7] as a concept is described in the Qur'an more than 90 times in four dimensions. In the first dimension *din* is described in relation to the lived context, such that *din* in this case defines the traditions and customs of a culture and society (*ittakhadhū dīnahum lahwan iwa-la'ban*)[8]. Apart from this contextual reference, the term is understood to comprise the sustainability of a society, because it encompasses the orientation not only of a society, but also of a person (*al-dīn al-hanīf, ṣirāṭin mustaqīmin dīnan, šara'a lakumu 'l-dīn*). *Din* also embraces a human's reference to God, in that, through that term, the human can give expression to his relationship to and trust in God. (*al-dīn al-qayyim*[9]*). Within society, in addition to the meanings elucidated above, the term can describe social and legal relationships (yawm al-dīn, ahlu'l-dīn*).

From these portrayals it is possible to infer that the term *din* cannot be claimed to signify Islam as it was institutionalized and proclaimed by Prophet Muhammad as a religion, since the *ayah* from the Qur'an: *"Unto you, your moral law, and unto me, mine" is to be understood such that the Qur'an also refers to the way of life and moral attitudes of non-Muslim in Mecca as din".*

In the teachings of the Qur'an, all religions that invoke God are characterized in

---

6 Muszkat-Barkan, M, Marmur, M. Plurality, Identity and Community in Pluralistic Jewish Education, studies in Jewish Education (Serial Online). January 2014: 14:123-144. Available from: Education Research Complete, Ipswich, MA. (Consulted: 21.08.2015).

7 More about religion: Esack, F. (1997). The Qur'an, Liberation&Pluralism: An Islamic Perspective of interreligious Solidarity against Opression. Oxford: Oneworld, S. 128., Asad, M. (1980). Message of The Quran translated and explained by Muhammad Asad. Gibraltar: Dar Al-Andalus, Footnote: 249)

8 Qur'an: 7/51

9 Qur'an: 30:30.

their essential core as *din*. The divergences that do not concern this essential core of religion are referred to, beyond the core essence, not as *din*, but rather as theological wishful thinking.

Against the backdrop of this albeit brief presentation of the term *din*, we will now investigate the term "Islam."

What is Islam?

The fact that the term "Islam" is attributed to a particular religion and the term and "Muslim" to its adherents is apparent not from the Qur'an, but instead from the theological history of Islam. The Qur'an defines these terms as godly devotion and as those people who are conscious of God, respectively. According to the Qur'an, godly devotion is not be understood as blind obedience, but rather as a responsible God-human relationship. Evidence can be found in the example of Abraham who does not view responsible religious affiliation or meticulous obedience as godly devotion.

"Abraham was neither a "Jew" nor a "Christian", but was one who turned away from all that is false, having surrendered himself unto God; and he was not of those who ascribe divinity to aught beside Him"[10].

According to Qur'an, being a Muslim should to be understood, beyond religious affiliation, as an expression of a just life, which forms a foundation of faith and righteous acts for all people. These righteous acts can manifest themselves in rituals, which happens differently in different religions. Crucial, however, is what emerges from the rituals, or how the rituals elicit an effect. Linking faith to prescribed rituals enables its indentification with a particular religious affiliation, but not with the desired impact on society that God requires of its adherents, as the following Qur'an chapter articulates:

"HAST THOU ever considered [the kind of man] who gives the lie to all moral law? Behold, it is this [kind of man] that thrusts the orphan away, and feels no urge to feed the needy. Woe, then, unto those praying ones whose hearts from their prayer are remote - those who want only to be seen and praised, and, withal, deny all assistance [to their fellowmen]!"[11].

Plurality as an Islamic Conception of Society

In the early days of Islam, through the encounter with other cultures and religions, Muslims were challenged by their religious understanding to determine how the position of people who believe and think differently should be defined in theological terms.

Apart from the Qur'an, the first references to the status of Jews, Christians and the heterodox are furnished by the Constitution of Medina, which included the heterodox as a part of the Muslim community "*ummah*" and ensured them the same rights as Muslims.

10 Qur'an: 3:67.

11 Qur'an: 107.

"They are one community (ummah) to the exclusion of all men."[12]

This inclusion did not bind the heterodox to obedience to the Islamic way of life, but instead assured them of their right to a way of life in keeping with their own morality (moral laws). The Prophet Muhammed saw himself as the guardian not only of Islamic morality (law), but also of Jewish and Christian morality[13].

Plurality as a Social Concept of Islam

In light of these principles, the justification for plurality from the Qur'an is not only possible but also necessary. As can be seen from the Constitution of Medina, the prophetic implementation of the Qur'an did not designate those of other faiths as the "others" but instead as part of his community (*ummah*).

Another *ayah* from the Qur'an, which formed the basis of the Prophet's actions, affirms the social responsibility of Muslims to commit themselves to the presence of religions in public so that that the understanding of religious diversity as the will of God remain visible:

"... For if God had not enabled people to defend themselves against each other, (all) monasteries and churches and synagogues and mosques – in (all of) which God's name is abundantly praised - would surely have (already) been destroyed ... "[14].

The fact that, in the theological history of Islam, those of other faiths were treated like members of an inferior religion based on special laws, is to be regarded as a departure from the Qur'anic tradition. In order to justify this discriminatory and polarizing theology, many theologians have taken part of the Qur'an as abrogated from the lives of Muslims in order to divide the world into good and evil. In this way, they actually initiated a civilizational regression, which is contrary to the revolutionary liberation of man from the liability of the group, clan, race or nation.

Plurality as a Fundamental Property of Islamic Theology

In the course of the history of Islam, various schools of thought and action, or scholarly traditions, emerged, which were not always in line, but the above-mentioned horizontal plurality was always part of this story. The civilizational history of Islam is characterized by various opinions (*ijtihād*) or communal positions (*ijmā'*).

That is also the reason that Islam, in its historical impact, can be understood only from this empirical historical perspective. This does not mean that all aspects of Islam were pluralistic. A differentiation must be made as far as Islamic plurality is concerned. Exclusivist theological positions can be found throughout history. Islamic theology includes numerous privileged, but also pluralistic theological interpretations of Islam.

---

12 Guillaume, A. (1955). *The Life of Muhammad — A Translation of Ishaq's Sirat Rasul Allah*. Karachi: Oxford University Press. pp. 231-233.

13 For more details see: al-Wāhidī, Alī ibn Ahmad (2008). *Asbāb al-Nuzūl*. (Translated by Mokrane Guezzou). Amman, Jordan: Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought. p. 69.

14 (Qur'an 22/40.

In spite of the different epochs, the history of Islam cannot be understood without inner-Islamic plurality.

How is Plurality Taught?

This undertaking includes opportunities, but also conflicts and risks, in as much as students may feel uncertain and confused by this variety of possibilities and consider their faith meaningless and non-binding. Despite this risk, Islamic education has no alternative other than to confront the learners with this plurality. After all, pluralistic thinking is an indication of mental maturity and self-reflection, and thus also of social progress, because it aims at the personal responsibility of man.

Search for an Individual and Dynamic Islamic Identity

The introduction to (inner-Islamic) plurality inevitably leads to some uncertainty and confusion among students. It should not be concluded, however, that this is the case because the learners are passive consumers who are inclined to look for something in this diversity – as if they were deciding to support a football team because it just won a championship or because Ronaldo or Messi plays on this team. A teacher would only have the technical task of introducing the teams and leaving the learners to decide on one. Then there would be a risk that religions or cultures would be reduced to a market product, as one of many offerings in the spiritual supermarket, which would certainly be detrimental to the nature of religions, which are considered to be a traditional and ethical source of human action. The promotion of freedom from obligation, or absence of commitment, as a result of misunderstood pluralism cannot be the goal[15].

The fact that learners are confronted with and challenged by plurality in order to form their own opinions is the focus of pluralistic education. Psychological, cognitive, and ideological factors play an important role in this process. Taking such factors into account can transform plurality from a commercial into an educational paradigm and lead students from passive consumerism into an active learning role. This process is about learning that plurality is not a mere fact, but part of the personality that challenges them to make decisions that are both self-critical and critical of society and put forward justifications for those decisions.

In religious education, the learners are challenged not only cognitively, but also emotionally. Ghazzali pointed out very early on the role of the heart (emotional sensations) in the learning process and meant that a cognitive learning process is always encouraged or hindered by the heart. Thus, pluralistic education is also understood as a contribution to developing the personality, to training the conscience and to encountering the numerous uncertainties that everyday life may have in store.

From prophetic education, we know that internal contradictions can give rise to those capacities that allow us to deal with socially complex issues and to make individual decisions and develop empathy and tolerance in the context of competing truths.

[15] Muszkat-Barkan, M, Marmur, M. (2014).

Through this ability, as already indicated, a pluralist differs from a relativist because he sees criticism as an instrument on the way to truth. This criticism spares neither the learners nor the tradition, in which they grow up and from which they derive their intellectual resources or conditions. It is based on their own situations and preferences that students ultimately make decisions for their lives. This process should not be viewed as a method for doubting, but instead as the basis for the *īmān* and *'ibāda* of their religiosity.

It is also possible that students will continue to make new decisions along the way. To look at the world again and again from different perspectives should also be viewed as a humane quality or a sign of maturity. For without these capabilities, plurality would be a buzzword, an empty confession, to which no action corresponds. Plurality needs people who are capable of handling it. Otherwise it results in relativism or extremism.

The question raised at the outset, how an individual and dynamic Islamic identity can emerge, must therefore be answered in such a way that a healthy and balanced identity can emerge only from serious confrontation with one's own tradition, with one's own environment, and with oneself.

Islamic religious instruction provides the appropriate atmosphere, in which the learners deal not only with concurring, but also with competing ideological histories of Islam and, based on them, seek their orientation. This inner-Islamic plurality and societal diversity are not always to be regarded as a harmonious mosaic.

The confrontation with the post-Prophetic wars, the self-destruction of the Prophet's *ṣaḥābah*, the *mihna*, and many other events may shock, disappoint, distress, or retrain many students, depriving them of their glorified vision, with which they grew up, which threatens to collapse like a house of cards, and which, in the worst case, they doggedly defended. But without this dynamic encounter, it is impossible to internalize the *īmān* that is simply trying to understand things freely and soberly, without losing its own responsibility. It is important that the teacher is always aware of his or her own self-image and position at each stage of the process and that these are visible and transparent.

Context of the Learners

The two foundations presented here concern individuals who are trying to find their own way. In contemporary Islam, the individual cannot be conceived of as independent of his or her family, social, and community membership in Europe. How do I stand as an individual in my community and how do I reflect on my own community? Where are the interfaces between pluralism and my community, and how does my community define its relationship to plurality? These are basic questions that need to be clarified.

In our case – in Europe, Austria, or Germany – community membership plays a greater role among the students attending Islamic Religious Instruction than in the Islamic countries. Here the information that one is Muslim is always supplemented by

indication group affiliation: “I go to the ATIB or the DITIB mosque.” for example.

This includes the very private attitude in the family where plurality is lived and practiced. This goal of community education enables the transition from cognitive to normative learning in society. All theoretical skills are tested in practice for their feasibility. By this I would like to say that plurality can hardly be experienced without this community belonging – where one learns to assert him or herself as an individual in encounters with others, only there can he or she also learn whether the community is willing to support the values and attitudes that he or she has adopted or whether he can handle specific tensions in the community[16].

This is certainly not an easy task for the pluralists in the community because, particularly in Europe, many communities only define themselves by their boundaries. Islamic Religious Instruction is a place where many voices can be heard. And if these many voices are often experienced as unbearable, they must not be perceived as a disruption of instruction or even relativized, because only in such an atmosphere can pluralistic learning arise.

This plurality of group affiliation, which is still growing, can put pressure on the Islamic Religious Instruction – in terms of how to maintain balance between individuality and group affiliation. Also, pluralistic Islamic education can create existential fears, such that learners perceive their affiliation as endangered. It is up to the teacher to decide whether to attempt to preserve the old order or to dare to undertake such a journey together with the learners.

References

al-Wāhidī, Alī ibn Ahmad (2008). Asbāb al-Nuzūl. (Translated by Mokrane Guezzou). Amman, Jordan: Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought.

Asad, M. (1980). Message of The Quran translated and explained by Muhammad Asad. Gibraltar: Dar Al-Andalus,

Aydın, M. (2005). Dini çoğulculuk üzerine bir müslüman mülahazası. İn: Aydın, M. (2005). Dinsel çoğulculuk ve Mutalklık iddaları. Ankara: Ankara Okulu Yayınları. P. 92.

Esack, F. (1997). The Qur’an, Liberation&Pluralism: An Islamic Perspective of interreligious Solidarity against Opression. Oxford: Oneworld.

Esack, F. (2014). Deutsche Muslime sind nur Mitreisende. In: http://de.qantara.de/inhalt/interview-mit-dem-islamischen-theologen-farid-esack-deutsche-muslime-sind-nur-mitreisende. (Consulted: 10.04.2015).

Guillaume, A. (1955). The Life of Muhammad — A Translation of Ishaq’s Sirat Rasul Allah. Karachi: Oxford University Press.

Muszkat-Barkan, M, Marmur, M. Plurality, Identity and Community in Pluralistic

[16] Muszkat-Barkan, M, Marmur, M.(2014), 129.

Jewish Education, studies in Jewish Education (Serial Online). January 2014: 14:123-144. Available from: Education Research Complete, Ipswich, MA. (Consulted: 21.08.2015).

Schweizer, F. Ethische Erziehung in der Pluralität, In: Loccumer Pelikan 3/1999. http://www.rpi-loccum.de/material/pelikan/pel3-99 (Consulted: 21.08.2015).

Влияние угрозы радикализма и терроризма на развитие академических исследований ислама во Франции и в Центральной Азии

Катрин Пужоль,
Доктор исторических наук, профессор,
Директор Французского института исследований
Центральной Азии в Бишкеке

Усиление угроз и террористических акций в мире, особенно после 11 сентября 2001 года, оказало сильное влияние на развитие гуманитарных наук занимающихся проблемами политического ислама, радикализации во имя ислама и террористические акты как в форме, так и в содержание после того, как президент Буш объявил войну с терроризмом[17].

Создание многочисленных антитеррористических центров во всем мире, в США, Европе, на постсоветском пространстве, в Китае ... Появление новой парадигмы в конфликтных исследованиях, « секьюритизации »[18] на английском языке, разработанный Парижской школой, Дидье Биго и Копенгагенской школой международных отношений. Я должна сказать в преамбуле, что я не рассматриваю в этом докладе вопрос об огромном развитии исследований в области безопасности, борьбе с терроризмом, но это тема сама по себе[19].

Это факт, что усиление угроз и террористических акций в мире повлияло на оформления, назначения, суть и финансирование исследований, но также вызвало навязчивый фокусный подход наряду с широким течением оппортунизма, все это питаясь средствами массовой информации.

Навязчивый фокусный подход

Необходимость в экспертных знаниях началась уже в результате нападений 11 сентября 2001 года. Однако обзор интернет-публикаций о США и мусульманском мире после этих нападений должен был привлечь внимание исследователей, политологов, социологов, исламоведов. Очевидно, что специалисты политического насилия, международных отношений, «столкновения цивилизаций»[20] не теоретизировали переход к акту Бен Ладена.

---

17 https://www.newamerica.org/in-depth/terrorism-in-america/, https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2053168017739757

18 *Kathrin Lenz-Raymann,* Securitization of Islam: *A Vicious Circle, Counter-Terrorism and Freedom of Religion in Central Asia*, November 2014, 324p.

19 (Global Terrorism Database (GTD) http://www.start.umd.edu/gtd/ • Association of Religion Data Archives (ARDA) http://www.thearda.com/internationalData/).

20 Самюэль Хантингтон, *Столкновение цивилизаций* (Samuel P. Huntington, 1996), Перевод. Т.

Существует какое-то изумление в мире исследователей и экспертов, подталкивание некоторых специалистов или утверждение себя как такового в реальное отрицание неслыханных событий, которые имели место. Затем, по мере увеличения числа атак, мы привыкли к этой ситуации, и мы начали видеть эффект от новых финансовых возможностей.

В то же время экспертные или прикладные исследования были в значительной степени переданы местным НПО, для рассмотрения неотложных действий[21] по сравнению с относительно длительным временем фундаментальных исследований. Эти небольшие структуры, которые были априорно более эффективны, поскольку они действовали на местах, не имели методологического или аналитического опыта. С другой стороны, они очень быстро сосредоточились на финансовые ресурсы, которые никак не похожи на бюджеты, выделяемые на фундаментальные исследования в области гуманитарных наук, исходя из моего собственного опыта в качестве директора исследовательского центра IFEAC в Бишкеке. Эта ситуация рано или поздно приведет к структурной проблеме, которая повлияет на анализ текущих процессов.

Действительно, эффект оппортунизма не может долго заменить профессионализм исследователей. Но здесь мы должны признать, что среди исследователей многие будут направлять свои исследования по политическому исламу с точки зрения возможного финансирования.

Течение оппортунизм

Всюду, в каждой стране были сформированы группы экспертов, аналитические центры, обсерватории радикализации, ассоциации дерадикализации. Они росли, как грибы, концентрируя огромное финансирование, но в то же время навязывали предопределенное политическое и идеологическое видение, которое вскоре породило явления самоцензуры и политкоректность, чтобы получить средства.

В каждой стране, согласно ее повестке дня, определение радикализации и терроризма может иметь разные формы. Например, в Китае, России, Турции, Казахстане и Таджикистане люди, которые выступают против центрального правительства, такие как уйгуры, чеченцы, курды или просто противники, могут быть названы террористами. Это страны, которые занимаются проблемой терроризма, особенно с помощью подхода секьюритизации.

Роль средств массовой информации: Информация или болезненное наслаждение?

Велимеев, 2006, Издание на русском языке AST Publishers, 2014, помним, что Хантингтона очень критиковали при публикации его книги.

[21] Kate Mackintosh, Patrick Duplat, *Study of the Impact of Donor Counter-Terrorism Measures on Principled Humanitarian Action*, July 2013, https://www.unocha.org/sites/unocha/files/CounterTerrorism_Study_Full_ Report.pdf

Средства массовой информации захватили этот предмет, чтобы он стал центром их деятельности, особенно в случае террористических актов, затрагивающих западную страну или страну, в которой много западных жертв.

В популярных журналах, особенно в психологии, были затронуты темы терроризма, путь молодых поколений, которые радикализировались в интернете и, таким образом, присоединились к исламскому государству. Иногда даже СМИ связывались с террористами, рискуя еще большими потерями, как это было в случае с захватом заложников в гипермаркете Кошер в Париже 9/01/2015[22].

Здесь мы далеки от исследований в области социальных наук, но мы понимаем чувствительность предмета, который касается всех граждан, и который требует от исследователей конкретных и полезных результатов. Остается увидеть, как политики будут использовать их или нет.

4. Распространения вопроса о радикализации и угрозе терроризма во всех сферах социальных наук.

Почти 17 лет исследования по джихадизму и радикализации были распространены среди многих направлений в области гуманитарных наук. Мы наблюдаем это явление в глобальном масштабе, в США, во Франции, в Швейцарии, как и в России.[23]

Такое явление произошло путем диверсификации участников экспертизы и создания очень разнообразной палитры учреждений, ассоциации, аналитических центр, НПО, претендующих на теоретические решения как на практическом и на правительственном уровне, а также на неправительственном, не говоря уже о национальных и международных агентствах безопасности[24].

Таким образом исследования о радикализации и терроризма сильно повлияли на исследования области исламоведения, политологии, философии, социологии, психологии, психоанализа, психиатрии, криминологии, права, и вообще в гуманитарные науки в Европе, в США, в России и в разных странах Центральной Азии.

Значительно возросло число книг, статей, отчетов, меморандумов, конференций, лекций в школах, в колледжах, в университетах, во всех стран, на всех уровнях обшества и возросло число деклараций посвященных проблеме джихадистского терроризма, джихада в современную эпоху и радикализации молоде-

[22] 6 СМИ: захвативший заложников в кошерном магазине Парижа убит https://ria.ru/world/20150109/1041906193.html

[23] https://www.tandfonline.com/loi/rter20; https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2016/272241.htm; https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877705814017962; https://www.rand.org/topics/terrorism.html;

[24] Смотрите например: http://www.cisatc.org/http://knb.gov.kz/ru/news/sozdanie-antiterroristiceskogo-centra-respubliki-kazahstan-nastoatelnoe-velenie-vremeni http://antiterrortoday.com/ekspertnoe-soobshchestvo/organizatsii/3510-antiterroristicheskij-tsentr-gosudarstvennyj-komitet-natsionalnoj-bezopasnosti-atts-kyrgyzskaya-respublika

жи, проблеме ислама в светском государстве, как в Кыргызстане в 2017 году[25], а затем в 2018 году, 16 ноября.

Пример Франции

Эксперты по всему миру ставят под сомнение обоснованность своих аналитических рамок и спорят об определениях понятий. Если вы возьмете британского исследователя Шарлотту Хит Келли, ее научная позиция очень оригинальна. Она деконструирует современное увлечение терроризмом, также рассматривая его влияние на британскую систему здравоохранения. Это даже доходит до того, что критикуются сами концепции радикализации и дерадикализации до отказа в их существовании.

Во Франции дебаты по этому вопросу в течение двух десятилетий волновали политический класс и общество в целом, причем первые случаи ношения хиджаба в школе[26] и до использования вопроса о мусульманских мигрантах возможное лишение гражданства для французских террористов мусульманского происхождения[27].

Исследователей социальных наук регулярно просят в средствах массовой информации прокомментировать повседневные проблемы, но также и повторяющиеся атаки.

Ссора слов и понятий охватывает все сообщество исследователей, экспертов и журналистов.

Понятие «исламизм» подверглось критике, особенно Томасом Дельтомбом, который описывает его как «бесконечно эластичную категорию», «что ни один эксперт не может рисковать иначе, как пустые формулы» и который «позволяет объединить целую серию движений, течений или личностей под одним знаменем, независимо от их целей, условий их действия и политического, исторического и географического контекстов, в которых они действуют »[28].

В статье под заголовком «Об исламском терроризме » Франсуа Бургат рассматривает «категории, созданные для представления конфронтации» как «аналитические ловушки».[29] Для Эдгара Морина эти термины имеют особое значение для «западных СМИ, которые хотят уменьшить всех исламистов и любого исламиста потенциальному террористу, что мешает воспринимать сложное лицо ислама».

---

25 Islam in a Modern Secular State, collection of the reports, of the International Conference (Bishkek, Sptember 28-29, 2017, Bishkek, 2017, Altyn Print, p. 303.

26 https://www.cnews.fr/france/2018-10-11/burqa-voile-hijab-de-quoi-parle-t-et-que-dit-la-loi-737077

27 https://www.lexpress.fr/actualite/societe/decheance-de-la-nationalite-francaise_1641878.html

28 Thomas Deltombe, *L'islam imaginaire*, (*Воображаемый ислам)*Paris, Poche, octobre 2007.

29 François Burgat, « A propos du terrorisme islamiste » («Об исламистском терроризме), https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00132543/document

Он действительно теоретик сложности[30].

Следующие специалисты являются одними из наиболее известных исследователей, которые сегодня работают над этими темами. Мы указываем их последние книги, опубликованные в этом списке.

-Фархад Козрокавар, социолог[31],

-Оливье Руа, философ[32],

-Фетти Бенслама, психоаналитик[33],

-Жиль Кепель, исламовед[34],

-Франсуа Бургат, исламовед,[35]

- Жан-Пьер Филиу, исламовед[36].

Но предоставление списка имен скрывает глубокие разногласия, которые отмечают это сообщество исследователей, будь то светское или религиозное. Дискуссии жесткие происходят постоянно между мусульманами и исламоведами, а также между мусульманами и между специалистами.

Теологи, такие как Тарек Оубру и Тарик Рамадан, создают глубокую трещину в исламе Франции. Многие исламоведы во Франции спорят с мусульманскими организациями. Существует даже веб-сайт, islamologues-de-france который перечисляет список так называемых исламофобских исламологов в своих работах. Они представлены черной полосой на глазах.

---

30 Edgard Morin, *Introduction à la pensée complexe*, (*Введение в сложное мышление*) Paris, Seuil, 1990.

31 Farhad Kosrokavar, *Le Jihadisme des femmes. Pourquoi ont-elles choisi Daech ?(Джихадизм женщин. Почему они выбрали Даэш ?),* avec Fethi Benslama, Paris, Le Seuil, 2017, 112 p. *Le nouveau jihad en Occident (Новый джихад на Западе)*, Paris, Robert Laffont, 2018, 592 p.

32 Olivier Roy*, Le djihad et la mort, (Джихад и Смерть*), Paris, Le Seuil, coll. «Débats», 2016.

33 Fethi Benslama, *L'idéal et la cruauté, subjectivité et politique de la radicalisation (Идеал и жестокость, субъективность и политика радикализации*), Fécamp, France, New Editions Lines, 2015, *Un furieux désir de sacrifice, le surmusulman (Яростное желание жертвовать. Сурмусульман)*, Paris, Le Seuil, 2016.

34 Gilles Kepel, Djihad, trad russe, Джихад. Экспансия и закат исламизма*, 2004, Sortir du chaos*, (*Чтобы избежать хаоса)*, Paris, Gallimard, 2018.

35 François, Burgat, *Comprendre l'islam politique: une trajectoire de recherche sur l'altérité islamiste, (Понимание политического ислама: научное путешествие по исламистской инаковости*, 1973-2016, Paris, La Découverte, 2016.

36 Pierre Filiu, *Qui est Daech*, avec Edgar Morin, Régis Debray, Gilles Kepel, Michel Onfray, Olivier Weber, Jean-Christophe Rufin et Tahar Ben Jelloun, Philippe Rey (*Кто такой Даэш?* », с Эдгар Морин, Режис Дебрей, Жиль Кепель, Мишель Онфрей, Оливье Вебер, Жан-Кристоф Руфин и Тахар Бен Желун, Филипп Рей), 2015, *Généraux, gangsters et jihadistes : histoire de la contre-révolution arabe*, (Генералы, гангстеры и джихадисты: история арабской контрреволюции), La Découverte, 2018.

Вот что они пишут на первой странице сайта[37] :

«Сегодня исламологи ведут де-факто интеллектуальную ветвь исламофобской кампании во Франции, которая проводится под видом борьбы за светские ценности. Вот почему важно подчеркнуть оккультное и пагубное влияние этих «экспертов» ислама на формирование общественного мнения посредством анализа их категоризации мусульман».

Дебаты позволили спровоцировать появление нескольких фронтов в соответствии с политическими соображениями, но также в соответствии с мобилизационной способностью исследователей. Эти лагеря иногда организовывались в соответствии с различными определениями, обозначаемыми термином «исламизм», терроризмом, радикализацией, салафизмом или вокруг личности, как во Франции, если мы рассматриваем ссору между Жилем Кепелем и Оливье Руа.

Первый защищает тезис о радикализации исламизма, а второй - о исламизации радикализма.

У двух исследователей также есть противоположные взгляды на состояние французских исследований в этой области. «Между университетом и политиками существует полный разрыв. « Мы потеряли много времени. Был полный провал «третьего поколения джихадизма», основным идеологом которого является сирийский Абу Мусаб ас-Сури, с 2005 года» внес Жиль Кепель. Спец службы очень хорошо поняли пирамидальное строение второго поколения джихадизма. Вот почему в период с 1995 по 2012 год нападения не было. Проблема в том, что мы не понимали, что тюрьма станет «Национальной школой администрации ENA джихадизма» и что они собираются сделать сумасшедший прозелитизм с обычными преступниками.

Пирамидальный джихадизм Бен Ладена был заменен сдержанным джихадизмом, основанным на молодых людях, культурно отработанных салафизмом. Политолог также поражен крахом арабских исследований и умением анализировать то, что думает ДАИШ. «Оливье Руа считает бесполезным знать арабский язык, чтобы работать над французскими пригородами. Он одобрил крах арабских исследований. Для меня это эпистемологическая катастрофа [...] Часть французского университета теперь наполнена «полит-корректностью».

Следует отметить, что в этом обсуждении идет третий путь, представленный Франсуа Бургатом, который критикует Кепеля за его культурный подход, а Руа - его подход, отрезанный от истории и контекста[38]. Франсуа Бургат выступает за историческую ответственность обществ которые являются жертвами террориз-

---

37 http://islamologues-de-france.com/obs/ACCUEIL.html

38 François Burgat, «Réponse à Olivier Roy : les non-dits de ‘’l’islamisation de la radicalité’’» («Ответ на Оливье Роя: невысказанная «исламизация радикализма»), [archive], sur *rue89.nouvelobs.com*, 1er décembre 2015.

ма, особенно западных обществ, которые проводили колониальную политику и оказывают большое вмешательство на Ближний и Средний Восток.

Восток и Запад, два разных подхода к глобальной проблеме

Восток: В Центральной Азии подход к проблеме двоякий, начиная с решительно прагматичной позиции: максимально использовать профилактику среди уязвимых групп населения и использовать идеологический инструмент «терроризм» для решения внутренних проблем.

Обращение к этой проблеме в Центральной Азии, Китае, России, происходит через концепцию «секъюритизации»,[39]

Во всех странах Центральной Азии наблюдаются следующие явления: урегулирование угроз терроризма, профилактика, социальные меры для самозащиты населения, работа среди молодежи, контроль вебсайтов и социальных сетей, вовлечение спецслужб в работе с населением, профилактиках в «зелёных тюрьмах».

Запад: Особое внимание было уделено на Западе вопросу о современности, в отличие от подхода, используемого в Центральной Азии и в бывшем Советском пространстве.

Вопрос современности, с которой сталкивается мусульманский мир на рубеже XXI века, до сих пор был захвачен лишь небольшим количеством исламоведов и ученых в области религиозных наук.

Вопрос о безвременности проповеди Корана встречается с вопросом о необходимости возобновить «двери интерпретации», чтобы адаптировать его к настоящему времени. Он определяет линию разрыва между теми, кто выступает за возвращение к оригинальной чистоте Ислама и тем, кто хочет включить его в современности и даже в постмодернизме.[40]

Кроме того, очень интересным моментом является изучение исламизма как тоталитарной идеологии. Таким образом, все больше и больше сравнений между нацизмом, коммунизмом, фашизмом и исламизмом, а также между революционными авангардами, теоретизированными Лениным и Саидом Кутбом, или основателем Хизбута Тахрира, Аль Набхани.

В этой связи исследование, иллюстрирующее эту тенденцию, - «Что такое исламизм? История и определение понятия» Мехди Мозаффари[41]. Следовательно, исламизм как тоталитаризм и антисовременная революция: отсюда, возможно, также успех французского журналиста Вассима Насра и других неакадемических

---

[39] Смотрите сылку номер 2, на книгу об исламе в Центральной Азии, Kathrin_Lenz_Raymanna. (2014).

[40] Тарек Убру, (2018). Ислам и Республика (*Islam et la République*), *DIAC n 1,* Французский Институт исследований Центральной Азии (IFEAC), https://ifeac.hypotheses.org/3612, pp.1-14.

[41] Mehdi, Mozaferi, Totalitarian Movements and Political Religions, Vol. 8, No. 1, 17–33, March 2007 Taylor & Francis, What is Islamism? History and Definition of a Concept.

писаний, таких как «Джихадизм - дело века»[42].

Заключение

Несмотря на неконсенсуальный подход к определению концепций исламизма, салафизма, радикализации, экстремизма, было сделано много размышлений с 2000-х годов, чтобы понять взаимосвязь между джихадизмом и современностью в той мере в какой исламистский терроризм основан на глубоко антисовременной религиозной базе. Тем более, что это движение, столь противоречащее современности где хотелось бы вернуть мир на тысячу лет назад при помощи столь увлекательных средств цифровой технологии.

В этом докладе, хотелось бы предоставить концепцию «множественной современности» С. Н. Эйзенштадта как концептуальный инструмент,[43] используемый для понимания глобализации, особенно отказ от глобализации, как повторяющаяся тема радикальной исламистской идеологии.

И наконец среди массы рассматриваемых предметов есть некоторые, которые реже изучают, например, вопрос о сексуальности и исламизме.

В статье Брэдли А. Тайера и Валери М. Хадсона «Секс и шахид: взгляд из наук о жизни в отношении терроризма террористов-самоубийц»[44] мы находим подход, который объединяет объяснительную силу социальных наук и наук о жизни.

Это помогает понять контекст исламистского суицидального терроризма, мотивацию террористов-самоубийц и эффективные подходы к изменению этой формы терроризма.

Здесь ясно, что еще одна тенденция в этом секторе и что многие социологи осознают пределы гуманитарных наук, чтобы объяснить радикализацию и попытаться сформировать гибридные отрасли, как в этом случае, биологии и социология. Очень интересная тенденция и внимательно следит за развитием гибридных исследований.

Эта тенденция начинает развиваться во Франции и, вероятно, в других странах мира, испытывающих те же проблемы.

---

42 Wassim Nasr, *Etat islamique, le fait accompli,* (*Исламское государство, свершившийся факт)*, Paris, Plon, 2016.

43 S N Eisenstadt, «Multiple modernities», Daedalus; Winter 2000; 129, 1; Research Library Core pg. 1, Silke Steets, «Multiple Realities and Religion a sociological Approach», pdf published online, 14 february 2014.

44 Bradley A. Thayer and Valerie M. Hudson, «Sex and the Shaheed: Insights from the Life Sciences on Islamic Suicide Terrorism », International Security, Volume 34 | Issue 4 | Spring 2010, p.37-62.

The Role of Muslim Women in Preventing Violent Extremism in Indonesia

Alimatul Qibtiyah,
Ph.D, Lecturer and Vice Dean,
Da'wah and Communication Faculty,
Islamic State University,
Yogyakarta, Indonesia

Abstract

Within the discourse of Islamic extremist movement, Muslim women are no longer seen as supporters. There are cases in which women are behind the violent action. Between 1985 and 2010, female bombers committed over 257 suicide attacks (representing about a quarter of the total). In 2017 there are 420 Indonesian returnees from Syria who joined ISIS, 70 percent of them women and children. At least 45 Indonesian women migrant worker has suspected involved at ISIS. Social Media have a big contribution for recruiting the extremist member. The power of social media is to influence netizen by emphasizing feeling instead of thinking which reinforces gender stereotypes that women are more emotional than rational.

Although more women have been actively involved in intolerant activities recently, women's roles as policy shapers, educators, community members and activists in Countering Violent Extremism (CVE) have started to be recognized. Women, Peace and Security (WPS) agenda from UNSCR 1325 also asserts that women's role in CVE is significant important. There is a strong correlation between gender inequality and the status of women and violent conflict. Promoting gender equality is included in the recommendations in the UN's Preventing Violent Extremism Plan of Action. Violent extremism is most effectively countered through increased education, better critical thinking and enhanced opportunities for women. There are at least 23 organizations in Indonesia contribute to a national CVE strategy for Indonesia. One of them is 'Aisyiyah, a woman's wing organization of Muhammadiyah, one of two biggest Islamic organizations in Indonesia. This paper discusses the experience of 'Aisyiyah promoting Peace of Islam through training which encourages women to be an agent of active tolerance. 'Aisyiyah implements active learning and uses media such as religious animation and poster as a training strategy.

Introduction

The issues of violent and extremist ideology have been growing at international and national levels. According to Tibi (Tibi Bassam 2012), extremist ideology can be seen from the level of Islamism which consist of purivication, formalization

of religioous belief, anti democracy, anti system, anti other religious beliefs, anti western, and agree on violent.

Currently within the discourse of Islamic extremist movement, Muslim women are no longer seen as supporters. There are cases in which women are behind the violent action. Between 1985 and 2010, female bombers committed over 257 suicide attacks (representing about a quarter of the total) (Bloom, M. 2011, 2). Ness (Ness, C. 2007) estimates that girls and women now make up 30 to 40 percent of the combatants in numerous ethnic separatist/guerrilla struggles. In 2017 there are 420 Indonesian returnees from Syria who joined ISIS, 70 percent of them women and children (Noor Huda Ismail 2017).

Social Media have a big contribution for recruiting the extremist members. According to Clay Shirky (Clay Shirky 2009), the power of social media is to influence netizen by emphasizing feeling instead of thinking which reinforces gender stereotypes that women are more emotional than rational. There are at least three reasons why women involve in intolerance activity, *first* declining number of male combater, *second* perceiving women only as passive victims reinforces gender stereotypes (Fink, N., Zeiger, S. and Bhulai, R. 2016; OSCE 2013), therefore it will be an effective to use them for reaching the mission, and *third* like in case of women migrant worker they usually face physical and psychological pressure then become vulnerable. A vulnerable person need a someone who can give more intense attention to her/him.

According to Wahid (2008), Indonesian Islam is comprised of diverse streams of thought and activities. Conflict, tension, dialogue, and harmony contribute to this diversity. Nonetheless, Wahid (2008) divides Islamic thought and practices in Indonesia into two orientations: those Muslims who believe that Islam is *izzul Islam wal muslimin* (the winning of Islam and Muslims), and those who believe it is *rahmatan lil'alamin* (mercy for all creatures). Muslims in the first category are orientated towards exclusivism; they are usually made up of members of Dewan Dakwah Islam Indonesia/ DDII, Lembaga Dakwah Islam Indonesia/LDII, Front Pembela Islam/FPI, Majelis Mujahidin Indonesia/MMI, Hizbuz Tahrir Indonesia/HTI, and Persatuan Islam/Persis, as well as some Muhammadiyah followers. Muslims in the second category tend to be more inclusive; they are usually affiliated with NU, Muhammadiyah, al-Washliyyah, Persatuan Tarbiyah Islamiyah/Perti, al-Khairat, and Nahdlatul Wathan. However, it is important to note that a person's affiliation and their orientation towards Islam do not always coincide. For example, not all NU affiliates adopt the more inclusive orientation.

Wahid (2008) explains that Muslims who are exclusive tend to understand Islamic texts like the Qur'an and Hadith in a literal manner, rejecting hermeneutic methods. They also tend to oppose multiculturalism, democracy and gender equality, supporting the Indonesian Islamic State and rejecting syncretism. They are usually rigid in their use of Islamic symbols and define Islam as Arab. Conversely, more inclusive Muslims tend to be open to hermeneutic methods and contextual interpretations of the Islamic

texts; they support multiculturalism, pluralism, democracy and gender equality. They tend to be critical of the Indonesian Islamic State and give more attention to substantive issues rather than rigidly use Islamic symbols. They do not define Islam as necessarily Arab. Most inclusive groups were established before Indonesia got independence. In contrast, organizations which tend to be exclusive emerged around the 1970s (Zuly Qodir 2008).

Observation data explained by The National Agency of Counter Terrorism (BNPT) reported that ex-extremist has performed similar with Muhammadiyah's[45] ritual activities. Muhammadiyah is more selective in terms of responding the goverment's program relating to the issue of radicalism compare to other organization such as Nahdatul Ulama (NU)[46]. This does not mean that Muhammadiyah including 'Aisyiyah[47] does not concern on the issue of preventing extremism. Based on the organization principles of Muhammadiyah, it does not tell that Muhammadiyah agree with the idea of radicalism and extremism. For example, Muhammadiyah does not agree with the extremist's ideas of anti system and anti government. Extremists believe that Indonesia is unislamic state and appropriate to be attacked. Muhammadiyah and 'Aisyiyah believe Indonesian government is Islamic (Darul Ahdi wasyahadah) and encourages "Cosmopolitant Islam" which is an "awareness that the followers of Muhammadiyah is part of global community who have solidarity and responsibility toward others" (Abdul Mukti, 2016). Muhammadiyah-'Aisyiyah is non madzab organization, open minded, tolerant whereas extremists' doctrines are more exclusive, close minded and being intolerant as well as violent.

I argue that the core values (*manhjad*) of Muhammadiyah and 'Aisyiyah promoting peace, inclusism and avoid *takfiri* or judging others as a kafir or deviant. One of strategies to institusionalize those core values in the community, 'Aisyiyah in National level through *Madrasah Perempuan Berkemajuan (MPB)* [progressive women school] initiated by the research and developmen of 'Aisyiyah division. This program has been encouraged to be implemeted in lower level across states (34 provincies) and 'Aisyiyah branches in abroad. MPB is a strategic and potential program to make a better life in peace and harmony. MPB concists of socialising the core values (*manhaj*) of Muhammadiyah-'Aisyiyah, characteristic of progressive women, gender in Islam, feminism and da'wah through media. As mentioned before, Muhammadiyah-'Aisyiyah

[45] The Nahdatul Ulama (NU) and Muhammadiyah are the two largest Islamic organisations in Indonesia, with approximately 40 million and 30 million members respectively (Saeed, 2005). Muhammadiyah was established in 1912 and has almost 10 thousand of schools, 171 universities, 2.119 hospitals and 6.118 mosques and other institution. http://www.muhammadiyah.or.id/content-8-det-amal-usaha.html

[46] Nahdatul Ulama was established in 1926 and has 209.986 schools, 14.350 Kindergarten and 59.650 Majlis Ta'lim (gathering). http://www.nu.or.id/post/read/52377/inilah-puluhan-ribu-amal-usaha-muslimat-nu

[47] Women wings of Muhammadiyah which established in 1917 and also has lots of scholls and hospitals and other social and economic organizations.

tends to be in the second group who see Islam as Rahmatal lil'alamin or Islam as blessing for all creatures. 'Aisyiyah as a women wings of Muhammadiyah organization promoting Peace of Islam through training which encourages women to be an agent of active tolerance. 'Aisyiyah implements active learning and uses media such as religious animation and poster as a training strategy. This paper discusses the 'Aisyiyah's program in promoting peace and preventing violent exstremism in the community.

Manhaj Muhamadiyah-'Aisyiyah

Manhaj Muhammadiyah is a perspective, ideology and strategy to do the da'wah program for Muhammadiyah-'Aisyiyah. The founder of Muhammadiyah, K.H. Ahmad Dahlan who studied the religious and general knowledge together (Jaenuri, 1981) was known as a great leader who have inclusive attitude, respect others and have many non muslim friends (Fuad Facrudin, 2006) and a hard worker (Ahmad Syafi'i Ma'arif, 1985). Since the establisment, Muhammadiyah-'Aisyiyah has focused on education, health, social and economic activities. After then it has become the progressive movement (Muhammad Damami, 2004). The Muslim thinkers who inspired the establishment Muhammadiyah-'Aisyiyah are Muhammad Abduh, Jamaludddin al-Afghani, dan Ibnu Taimiyyah.

There are eight manhajs of Muhammadiyah to understand the Islamic teachings employed by Muhammadiyah-'Aisyiyah namely (Pimpinan Pusat Muhammadiyah, 2009):

1. The source of Muhammadiyah's manhaj are Al Qur'an dan Sunnah Maqbulah. (الرجوع الى القرآن و السنّة). It employes ijtihad and uses Bayani, Burhani, dan Irfani approaches (MTT PPM, 2000). Bayani means asserting the textual sources from the Qur'an and hadith. Burhani approach focuses on the source from general knowledge such as social and natural scinces and the methological and logical framework for getting knowledge. Last is 'Irfani approach which considering the heart, humanity values and intuition to decide something.

2. Muhammadiyah-'Aisyiyah do not affiliate to a certain Islamic school of thought. It is an independent in term of having fatwa or guidance for community. However, it considers the four mazdahs's teachings (Muhammad Hasyim Mannan, 1995).

3. Muhammadiya's Islamic identity is on Moderat-progressive Islam or Wasathiyyah, Modernis-Reformis and its ideology is in the midle, it is not liberal-leftist and also not conservative.

4. For aqidah (belief) and ibadah (ritual) Muhammadiyah-'Aisyiyah backs to the original of Islamic teaching and doing purivication from local cultures.

5. Relating to human relations (muamalah) Muhammadiyah is dinamic and rasionalistic. Contemporary issues are discussed by inviting experts in the fields.

6. Muhammadiyah-'Aisyiyah's attitude and behavior (*akhlak*) refers to the

Prophet Muhammad but the styles or forms could be different from the Prophet Muhammada era. It is not necessary wearing niqab for women and long bear for men.

7. Muhammadiyah-'Aisyiyah believes that Indonesia is *Darul Ahdi Wasyahadah*. It means that Indonesia is Islamic country because the basic foundation of Indonesia, Pancasila, is not conrast to the basic principles of Islam. Also because most leaders are muslims, it is belived that the laws also inspired by Islamic Teachings.

8. Muhammadiyah-'Aisyiyah againts Takfiri attitude. It means that judging others as kafir or deviants is not allowed in Muhammadiyah-'Aisyiyah.

The Characteristics of Progressive women

One of the content delivered in MPB is the cahracteristic of progressive women. There are 15 characteristics for progressive muslim women in personal, profesional and social levels (Alimatul Qibtiyah et.el, 2018). Tabel 1 explaines those characteristics that 'Aisyiyah members should be implemeneted in thier lives.

Table 1. **The Characteristics of Progressive Women**

NO	Characteristics	Example attitudes and behaviors
1	Engaging	Perform ritual activities, self care; responsible for the assigments, able to work in team, help others;
2	Muhsin	Self control, honest, fit body, stay healthy, anti corruption, having good integrity
3	Responsif	Self respect, not delay the work and having good commitment, updating current and strategis issues
4	Taisir	Not put burdent, not overhelm for make up, for dressing including on putting hijab; not making others in trouble

5	Respect to women	Feeling self worthy and self dignity; having a good gender sensitive
6	Love knowledge and science	Love reading, spent time for reading regulerly, having critical thinking, stop hoax; argue based on data, having motivation to develop carrieer and spend time for academic meeting, having family library
7	Economically independent	Having capability to arrange persoanal and family needs wisely, having an economic creative, avoid loan, good arrangement on spending money, intiate enterprenuer group
8	Being Involved in Politics	Ready for an active core member in social and profesional organizations, having smart politic awareness, willing to give good ctitique for policy makers, giving enlighment of smart politic in the society
9	Generous	Always spent some income for charity, care for others, love sharing a goodness, active in social charity organization
10	Family is a core of movement	Marriage is part of mandatory, aware of family members as cadres, trust on education to the experts, work-family balance
11	Resilients	Not easily giving up, not resistant on crtique, try to be the best, having a good conflic management.
12	Having a good on media literacy	Having good adaptation on new media and technology, understand ethic of conduct for using media and using media for a better life, pay attention for different perspectives, employ an asertif communication
13	Initiator	Become a reference for others, happy getting crtiques from others and being influencer in society
14	Not Arrogant	Respect othes, not look down and assault others, humble, giving and prying goodness for other
15	Egaliter	Having egalitarian perspective and not discrimante others

Gender in Islam and CVE

There is a strong correlation between gender inequality and the status of women and violent conflict (Oudraat in Fink et al, 2016: 28). Promotion of gender equality was included in the recommendations in the UN's Preventing Violent Extremism Plan of Action (UN, 2015). 'Violent extremism is most effectively countered through increased education, better critical thinking and enhanced opportunities' for women (Couture, 2014: viii; Iffat Idris with Ayat Abdelaziz, 2017). There is a women's potential for P/CVE in relation to the family – spotting signs of radicalization and delegitimizing extremist narratives – as well in their communities (Majoran, 2015; Calfas, 2016). Women's roles as 'policy shapers, educators, community members and activists' (OSCE, 2013, p. 2; Becky Carter 2013) in countering violent extremism have started to be recognized. Women, peace and security (WPS) agenda from UNSCR 1325 also asserts that women's role in CVE is significant important.

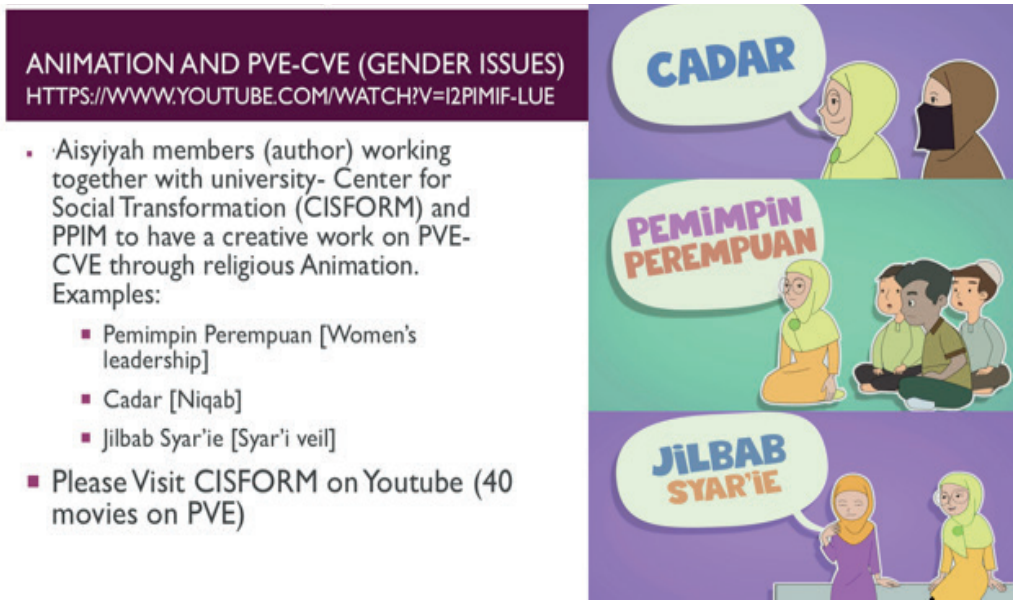
The concept countering violent extremism (CVE) which is PVE is part of CVE is thereby divided into three levels of emphasis (Cameron Sumpter, 2017): Primary preventions aim to dissuade the general population from becoming attracted to extremist narratives, and particularly those who may be susceptible to influence. Secondary interventions more specifically target those identified as having concerning views and may be treading a pathway to violence. And tertiary interventions manage individuals who have been involved in violence and are now either in prison or reintegrating with society. Some key players from civil society in Indonesia are working on CVE in Indonesia named Civil Society against Violent Extremism (C-SAVE). There are at least 23 organizations in Indonesia contribute to a national CVE strategy for Indonesia. They are generally concerned with promoting constructive personal development. It is the ability to gain legitimacy and trust among the people they seek to engage which make civil

society organizations potentially more suited to conducting CVE initiatives than security-mandated state agencies. ‘Aisyiyah one those groups also concern on promoting Peace of Islam through training which encourages women to be an agent of active tolerance. ‘Aisyiyah implements active learning and uses media such as religious animation and poster as a training strategy on the issue of gender and other relevant issues.

There are nine contentious gender issues that have sparked controvercial in the society.

Table 2. **The Contentiaous Gender Issues**

Gender Issues in Islam on Individual level a. **Poligamy** b. **Equal Sexsual Rights and Expression** c. **Women’s Creation**
Gender Issues in Islam on Family level a. **Equal Rights on Inheritance** b. **Equal Responsibility for Earning Income (Nafakah)** c. **Making Equal Decesion in the Family**
Gender Issues in Islam on Community level a. **Equal Women’s Status** b. **Equal Value to be Withness** c. **Women’ Leadership**

Lesson Learn From MPB [Women's Progressive School]

Madarasah Perempuan Berkamjuan (MPB)- [Women's Progressive School] was initiated by the previous leader at the Division of Research and Development of 'Aisyiyah (2010-2015). Author is the current leader (2015-2020) have continued this program. On December 2016, there was the first National Training of Trainer (TOT) for MPB which was consisted of 40 participants from 16 provincies across the country. This program was sequite sucessful. Because of limited fund, the committee, the Division of Research and Development of 'Aisyiyah at national level did not provide hotel and transport. Although all participants were self funded they were antusiatic joining this program. During a reflection session, fasilitator emplyed The Most Significant Change (MSC) Method. One participant repoted that she was surprised that Muhammadiyah-'Aisyiyah have decided monogamy marriage in their Fatwa division [Tarjeh and Tajdid Division]- and finally she understood and accepted fasilitator expalnation. Fasilitator explained that the prophet Muhammad was not polygamy until the first wife, Khodijah passed away and he did not give consent to Ali Bin Abi Tholib, Fatimah's husband wanted to marry other women. The Hadith, which advocates limitations of polygamy, reads as follows:

Narrated by Al-Miswar bin Makhrama: I heard Allah's Apostle who was on the pulpit, saying, "Banu Hisham bin Al-Mughira have requested me to allow them to marry their daughter to Ali bin Abu Talib, but I don't give permission, and will not give permission unless 'Ali bin Abi Talib divorces my daughter in order to marry their daughter, because Fatima is a part of my body, and I hate what she hates to see, and what hurts her, hurts me"(Bukhari, 2011c, p. 62:157).

It means that most of the Prophet Muhammad's life is monogamy, it is around 25 years and he did not happy in his polygamous life.

Another participant from South Sulawesi also reported her change. She said that before particpating this event she thought that Khilafah System is accepetable in Indonesia, in fact Muhammadiyah does not agree. Because Muhammaadiyah in its manhaj implements *Darul Ahdi was Syahadah* which believe that Indonesia is Islamic country because majority leaders are muslim therefore when they make law, Islamic teaching inspired the process of making the law. Besides all principles in Pancasila, the official ideology of the Indonesian state, means 'five principles': monotheism, humanitarianism, unity, democracy and justice, are not conflict with Islamic teaching.

At the end of November, MPB was also conducted at Lampung, Sumatra, West part of Indonesia. From pre-test and post-test it is clearly seen the change. Participants who advocated moderate and progressive views were to some degree close to the feminist positions.

Table 3. **Pre-Test and Post-Test**

Gender Issues	Concervative		Moderate		Progresive	
	Pre	Post	Pre	Post	Pre	Post
Women's Status	5	0	64	48	31	52
Women Natural Given (kodrat)	17	0	22	4	61	96
Women's roles	0	0	14	4	86	96
Women's leadership	11	4	89	52	0	42
Inheritance	56	16	42	56	2	28
Witness	64	16	8	36	28	48
Women's Creation	28	4	17	4	56	92
Polygamy	6	0	61	16	33	84
The Rights of Sexsual Expression	14	0	11	4	75	90
Making Decesion in Family	3	0	8	8	89	92

Based on the reflection from the partisipants also from the pre-test and post-test, it can be concluded that MPB could change the mind set of participant. The change is from gender bias into gender sensitive. As disscussed previosly that the more gender sensitive they are, the more peaceful and the more progressive they are. Therefore, step by step the world peace which have a better life for all human creatures which no hate speech and hate spine each other can be achieved.

Conclusion

Based on the previous findings and discussion, it can be concluded that Muhammadiyah's manhaj are inclusive, tolerant, open minded and strenthening a great nationalism. So, it is not true that Muhammadiyah-'Aisyiyah tend to have manhajs or teachings which lead to extremism or radicalism. Although it cannot be avoided that the member of Muhammadiyah-'Aisyiyah have different level of understanding on Islamism. The problem cames from the socialization of Muhammadiyah's Manhaj, which still have not done massively. MPB is one of the ways for scalling down the idea of progressive Islam perceived by Muhammadiya-'Aisyiyah. Based on the evaluation, MPB works well and need to be implemented broadly. This is a prove that a woman can be an agent of Preventing Violent Extremism (PVE) as well as Countering Violent Extremins (CVE).

References

Abdul Mu'ti, Islam Berkemajuan: Kisah Perjuangan K.H. Ahmad Dahlan dan Muhammadiyah Masa Awal, Banten: Al-Wasath, 2009, hlm. xix.

Abdul Mu'ti dkk (eds), *Kosmopolitanisme Islam Berkemajuan: Catatan Kritis*

Muktamar Teladan ke-47 Muhammadiyah di Makasar 2015, Surakarta: UMS, 2016, hlm viii,

Alimatul Qibtiyah (et.el), *Modul Madrasah Perempuan Berkemajuan*, Yogyakarta:Lembaga Penelitian dan Pengembangan 'Aisyiyah, 2017.

Ahmad Syafi'I Ma'arif, *Islam dan Masalah Kenegaraan,* Jakarta: LP3S, 1985, hlm 68

A. Jaenuri, *Muhammadiyah Gerakan Reformis Islam Jawa pada Awal Abad ke 20*, Surabaya: Bina Ilmu, 1981, hlm. 24-25.

Budhy Munawar-Rachman, *Reorientasi Pembaharuan Islam: Sekularisme, LIberalisme dan Pluralisme Paradigma Baru Islam Indonesia*, Malang: PUSAM UMM, 2010, hlm 25.

Bukhari (2011c). Hadith: 62:157: 'Wedlock, Marriage (Nikaah)'. Retrieved from *SearchTruth,* November 13, 2010, http://www.searchtruth.com/book_display.php?book=62&translator=1&start=154&number=152.

Bloom, M. 2011. "(Bombshells: Women and Terror." *Gender Issues* 28 (1–2): 1–21.

Clay Shirky. "Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations." In. Pinguin, 2009.

Fink, N., Zeiger, S. and Bhulai, R. 2016. "A Man's World: Exploring the Roles of Women in Countering Terrorism and Violent Extremism." *Hedayah and Global Centre on Cooperative Security.* http://www.globalcenter.org/wp-content/uploads/2016/07/AMansWorld_FULL.pdf.

Fuad Fachruddin, *Agama dan Pendidikan Demokrasi: Pengalaman Muhammadiyah dan Nahdatul Ulama*, Jakarta: INSEP, 2006, hlm. 112.

Haedar Nashir, *Muhammadiyah Gerakan Wasithiyah Berkemajuan*, Yogyakarta: Suara Muhammadiyah, 2017. Hal. 14-15.

Muhammad Damami, *Akar Gerakan Muhammadiyah,* Yogyakarta : Fajar Pustaka. 2004, hal x

MTT Pimpinan Pusat Muhammadiyah, Lampiran 1 Keputusan Munas Tarjih ke-XXV tentang Manhaj Tarjih dan Pengembangan Pemikiran Islam di Jakarta Tahun 2000.

Ness, C. 2007. "The Rise in Female Violence." 136 (1): 84–93.

Noor Huda Ismail. 2017. "CVE And Communication." presented at the Workshop on CVE and Communication by YPP, Jakarta.

OSCE. 2013. "Women and Terrorist Radicalization. Final Report." OSCE.Piminan Pusat Muhammadiyah, *Manhaj Gerakan Muhammadiyah: Ideologi, Khittah dan Langkah,* Yogyakarta: Suara Muhammadiyah, 2009.

Piminan Pusat Muhammadiyah,*Tanfidz Muktamar Seabad Muhammadiyah*, Yogyakarta: PPM, 2010, hlm 8.

Muhammad Hasyim Mannan, *Buku Kedua Manhaj Tarjih*, Surabaya; 1995/1416 H, hal 5

Muhammad Azhar, *Posmodernisme Muhammadiyah*, Yogjakarta: Suara Muhammadiyah, 2005, cetakan I, hlm. 55

Pimpinan Pusat ‘Aisyiyah, *Tanfidz Keputusan Muktamar ‘Aisyiyah ke-47 Satu Abad ‘Aisyiyah*, Yogyakarta: PPA, 2015, hlm124.

Pimpinan Pusat ‘Asiyiyah dan MTT Pimpinan Pusat Muhammadiyah, *Tuntunan Menuju Keluarga Sakinah*, Yogyakarta: Suara Muhammadiyah, 2016 Hal 83

Tibi Bassam. 2012. *Islamism and Islam. New Haven:* Yale University Press.

Wahid M. 2008. “‘Peta Pemikiran Dan Gerakan Islam Di Indonesia’. Retrieved November 1, 2012, From.” *The Wahid Institute* (blog). 2008. http://www.wahidinstitute.org/Program/Detail/?id=64/hl=id/Peta_Pemikiran_Dan_Gerakan_Islam_Di_Indonesia.

Zuly Qodir. 2008. “Gerakan Sosial Islam: Manifesto Kaum Beriman.” In . Yogyakarta: Pustaka Pelajar.

Религия как идеология и политика

Алексей Всеволодович Малашенко,
Доктор исторических наук, профессор,
руководитель научных исследований Института «Диалог цивилизаций»,
Москва, Российская Федерация

Религия становится все более обмирщенной, инкорпорированной в мирские земные дела, что неизбежно ведет к ее политизированности. Впрочем, эта политизированность существовала всегда, точно также как имела место «религиезированность» политики. «Влияние на политику возрождающегося религиозного чувства будет продолжаться, написала бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, да еще добавила, что «основанная на вере дипломатия, - может быть полезным инструментом внешней политики » (Albright, M 'Faith and Diplomacy'. The Review of Faith & International Affairs. Washington, DC. Volume 4, Number 2, Fall 2006. P.9).

Политизированность – имманентная черта любой религии. Без политизации, без активного политического действия ни одна религия не выжила бы. Становление религии, в том числе богословия в каждом отдельном случае в той или иной степени укладывалось в политические рамки, было обусловлено сложившейся на тот момент политической ситуацией. Тора, Евангелие Завет, Коран, Сунна политизированы. Они – каждый по своему отражают общественную, политическую эволюцию общества, следовательно, его политическую потребность в той или иной религии. Разные народы, социальные группы создавали свои религии и верования не только в стремление понять окружающий мир и свое в нем место, но также и для защиты и продвижения своих земных интересов.

Религия и политика «варятся в одном котле» и разделить их невозможно. Происходившие в разных цивилизациях, на первый взгляд, казалось бы собственно религиозные процессы могут считаться политическими, поскольку они имели скрытую или явную политическую подоплеку.

Политизация религии в XX – XXI вв. превращает ее в идеологию. Обращенность к мирским, социальным и политическим проблемам, лишает ее своего рода «таинства», божественной мистики. Политизация и идеологизация религии – две стороны одной медали.

Апелляция к светской жизни уводит религию от веры, от Бога. С другой стороны, обмирщается сам Всевышний, к которому продолжается обращение за помощью в мирских делах. В этом ее неразрешимый парадокс. Бог как бы спускается (чуть было ни сказал, его стаскивают) с небес и вынуждают участвовать в решении мирских, в том числе, политических задач. Он одновременно и

выступает полководцем, и является знаменосцем священной борьбы (войны) за самое лучшее, самое благородное, за святое.

Взаимодействие религии и политики имело место постоянно. Существовала взаимная потребность в сотрудничестве. Всякая политическая система нуждалась в религиозном обосновании своей деятельности, а религия, в частности религиозные институты стремились к государственному патронажу. Если отношения не складывались, то часть религиозных деятелей выступала с критикой власти и переходила в оппозицию к ней, продолжая таким образом участвовать в политической борьбе. О том, чтобы вывести религию из контекста политики, речь вообще не шла. Религия оставалась частью общественного и политического ландшафта, ее институты, а порой храмы - центрами общественной жизни.

Ситуация меняется в середине XIX в. когда светская власть стала утверждаться в мысли, что религиозные институты, церковь не должна участвовать в работе государства. Религия все более уступает светской власти, отстраняется от участия в жизнедеятельности государства. Наступает время секулярности, что увенчавшейся в 1905 г. принятием во Франции Закона о разделении церквей и государства.

Религии становится все труднее поспевать за развитием, особенно научно-техническим общества, за политикой. Ее роль сужается, она проигрывает светской мысли, особенно в социальной и политической сферах. Но церковь, в первую очередь Римско-католическая не собирается отказываться от своей общественно-политической миссии. В 1891г. Папа Лев XIII публикует свою знаменитую энциклику Rerum Novarum, в которой он предлагает свой вариант отношений между церковью и властью, и которую можно считать общественно-политической программой. Спустя 40 лет появляется подписанная папой Пием XI другая энциклика Qauadragesimo Anno, в которой изложенные в Rerum Novarum получили дальнейшее продолжение и развитие.

Под влиянием Европы вызревал лаицизм, в Турции, который в 20-е гг. XXв. после развала Османской империи вождь турецкого национального движения, реформатор Мустафа Кемаль Ататюрк, сделал официальной идеологией и политической практикой, поставив своей целью создание в Турции светского государства. Турция оказалась первой и единственной мусульманской страной, в которой такое государство было создано.

Секуляризация - наиболее символичное, институционное проявление деполитизации религии, однако эти феномены не тождественны. Секуляристская тенденция отнюдь не отменила политизированность религии, хотя и ослабила ее.

Секулярный тренд вызвали в общественной мысли, науке ответную реакцию, заключавшуюся в стремлении доказать объективную закономерность и неизбежность влияния религии на политику и участие в ней. Вопрос о вечности и

даже необходимости синтеза религии и политики всегда витал в воздухе. Однако системный научный подход к нему долгое время не был востребован.

Классической работой на этом направление стала опубликованная в 1922 г. книга немецкого философа и социолога Карл Шмитта «Политическая теология», в которой, в частности, он доказывал, что все политические понятия были есть не что иное, как подвергшиеся секуляризации теологические понятия, в частности их перенос на учение о государстве. Во второй половине XX в. на неизбежной политизированности религии настаивали немецкий католический философ и теолог Йохан Баптист Метц, немец, протестантский богослов Юрген Мольтман. К этим мыслителями можно добавить десятки имен, как богословов, так и светских аналитиков.

По-иному обстановка сложилась в мусульманском сообществе, где ислам был политизирован по всему его периметру и где социальный протест оказался в огромной степени им (исламом) монополизирован. Здесь главными причинами политизации религии, причем в агрессивном виде, стали, во-первых, хроническая нерешенность социально-экономических проблем, бедность, недовольство режимом, «взрывная демография» и пр., а, во-вторых, вскормленная непреходящими кризисами надежда на то, что все нескончаемые трудности можно решить, обратившись к исламу, в котором содержатся ответы на все вопросы. Так зародилась исламская альтернатива, так появился исламизм – религиозно-политическое движение за реализацию этой альтернативы.

Именно с исламизмом в первую очередь ассоциируется сегодня политизация религии. Исламизм зачастую интерпретируется как идеологическая ипостась ислама. Кстати, отсюда и проистекает мнение многих политологов, что исламизм и есть политический ислам. Французский исламовед Оливье Руа пишет, что политический ислам есть прозрачный эквивалент термина исламизм (Roy, O 'Political Islam after Arab Spring', Foreign Affairs. November/December 2017. https:www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2017-10-16/political-islam-after-arab-spring).

Исламизм, с одной стороны, является общим религиозно-политическим феноменом, поскольку у исламистов по сути единая конечная цель – перестройка общества и построение государства по «исламским лекалам». Однако с другой, исламисты заметно разняться по методам достижения своей целей: умеренная их часть готова к длительной, без крайних эксцессов борьбе, другие настроены на более решительные, радикальные действия, хотя и избегают крови, и только третьи, экстремисты, идут на самые крайние шаги, включая теракты. Терроризм - частный случай религиозного фанатизма, который, хотя порой и признается «религиозной патологией» (Яхьяев, М 2006 'Феномен религиозного фанатизма', Махачкала, С.138), тем не менее, является одних из непреходящих трендов внутри каждой религии. Именно с террористами мировое сообщество и отождествляет весь исламизм.

Далеко не все исламисты ставят перед собой глобальную задачу - установление шариатского законодательства и создание исламского государства во всем мусульманским мире или даже в регионе. Это свойственно преимущественно экстремистам типа аль-Каиды или того же Исламского государства. Большинство же исламистских партий и движений решает задачи на национальном уровне.

Политизация ислама в современном мусульманском мире является свершившимся фактом. Об этом можно сожалеть, но считать ее явлением временным, девиацией, исчезновение которой есть вопрос времени, ошибочно и даже нелепо. Подобное говорилось и писалось об исламской революции в Иране, да и об исламском государстве, которое в начале своего существования считалось чуть ли ни «несчастным случаем». Однако иранская исламская революция продолжается уже четыре десятка лет. Фактически там сложилось специфическое исламское государство в его шиитском варианте. Что касается Исламского государства (ДАИШ), то оказалось, что его можно было одолеть (да и то не окончательно) только усилиями международной коалиции. Сама же идея исламской государственности по-прежнему сохраняет свой авторитет в мусульманском мире, вдохновляет своих адептов на дальнейшие действия, что является главным успехом исламизма. Появление (в новых формах) исламских государств – вопрос времени.

В исламе нет, да и не может быть секулярности, аналогичной той, которая присутствует в христианском мире. Однако существует и иное мнение: в исламе секуляризация также имеет место, только она носит иной, неформальный характер и состоит в принятии де-факто светских конституций, отстранением духовных авторитетов от принятия политических решений и т.п. Вопрос об «исламской секуляризации» остается открытым. При этом ни один режим в мусульманском мире не отказывается и не может отказаться от систематической апелляции к религии и обращение за поддержкой к духовным авторитетам. Это и есть та самая отмеченная выше религиезация политики. Кроме того, сотрудничество с религиозными авторитетами необходимо власти для противостояния исламистской оппозиции. В мусульманском мире идет постоянное религиозно-политическое соперничество. С середины 2000х оно происходит даже в Турции, которая считалась единственным «почти секулярным» мусульманским государством. В таком контексте религия становится не фактором консолидации общества (и государства), но служит его расколу, что и наблюдалось в ходе «арабской весны».

Настойчивое присутствие религии в политике в большей степени характерно для стран и обществ, отстающих в социально-экономическом развитии от Запада. Получается, что мирская активность религии – удел слабых. И с этой точки зрения современный ислам может быть в известном смысле сопоставим с современным православием, конкретно с *русским православием*.

В условиях тяжелого экономического положения, духовного и идеологического

кризиса, глубоких внешнеполитических трудностей, возрастает его (русского православия) компенсаторная функция, стремление доказать, что несмотря на все неудачи в стране сохраняется некий «таинственный» потенциал самобытности, на основе которой будет реализована «русско-православная альтернатива». Одновременно националистическим православно-политический тренд является базой официальной идеологии. В России доминирует официальное православие, т.е. то, которое полностью поддерживает власть, предлагает своей пастве соответствующее истолкование, попросту сказать, одобрение практически любой ее деятельности. По Конституции Россия - светское государство, от которого церковь отделена. Зато она расположилась в непосредственной близости от власти. Даже тогда, когда Церковь предпринимает самостоятельные шаги, она предварительно согласовывает эти шаги с Кремлем. Конечно, можно говорить об ее огосударствлении. РПЦ является одновременно и союзником государства, и его инструментом. Последнее обстоятельство наглядно проявилось при провозглашении автокефалии украинской православной церкви, что было категорически не признано РПЦ.

Исходящая от РПЦ, в первую очередь, от Патриарха Кирилла клерикально-этатистская идеологема «самобытной русской цивилизации», широко пропагандируется обслуживающими правящий режим «аналитиками», а также агитационно-пропагандистскими методами информационного манипулирования внедряется в сознание российских граждан, по сути, как государственная идеология.

И официальной, и церковной идеологии присущ антивестернизм и шире ксенофобия. Не счесть негативных высказываний церковных иерархов о западной традиции, политической культуре, в частности, о демократии. Кстати, в отличие от исламистов, которые демократии отнюдь не чужды, и которые рассуждают об *исламской демократии*, идеологи русского православия отвергают сам феномен демократии, поскольку он, по их мнению, не монтируется с русской православной цивилизацией.

В русском православии не сложилось оппозиционных официальной церкви движений. Иными словами «нового церковного раскола» нет, и в обозримом будущем быть не может. Причина тому - тесная связь (привязанность) церкви с властью, которая в свою очередь также не терпит около себя никакого реального инакомыслия и инакодействия. И кроме того, в православии не сложилось реформаторского направления, как это было в западном христианстве. Отдельные церковные реформаторы погоды не делают.

Эта «почти монолитность», допускает, однако спорадические проявления радикальных и даже экстремистских эксцессов, именуемых порой православным фундаментализмом. (Хотя фундаменталистской можно считать всю идеологию РПЦ.) В 2017 гг. в России заявила о своем существовании группировка

«Христианское государство – Святая Русь». ХГ боролось против нарушений прав христианской морали в искусстве, препятствовало демонстрации «оскорбляющих верующих» фильмов, театральных постановок. Претендуя на роль «православного авангарда» ХГ своими экстремистским поведением компромитировало РПЦ и раздражало даже власти. ХГ даже стали сравнить с Исламским государством. Безусловно до ИГ православной экстреме было далеко. По замечанию религиоведа Александра Верховского, ХГ «не православный талибан» (НГ-религии, 20 сент. 2017). Однако дух и идеология обеих организаций сопоставимы. В конце концов, власть задержала главу ХГ Александра Калинина, после чего его активность сошла на нет. Так или иначе, но в варианте ХГ «Борьба за святую Русь», которую в СМИ стали именовать «православным джихадом», не состоялась._

Религия продолжает играть важную роль в общественно-политической жизни развитых стран. Однако в данном случае речь идет не о преодолении комплекса неполноценности, но, напротив – о поддержании устойчивой уверенности в собственном превосходстве. Христианство – будь то в его в протестантском или католическом вариантах становится фактором утверждения собственной *передовой,* если угодно, обреченной на успех *идентичности*» (шире - цивилизации).

Особенно заметно это проявляется в условиях обострения отношений между Западом и мусульманским миром, в ходе которого каждая сторона стремится доказать собственное превосходство и ответную агрессивность, своего vis-avis. В мусульманском мире активность Запада (включая Россию) сравнивается с крестовыми походами, но и, например, и в США во времена президента Буша младшего мотив крестовых походов также присутствовал. Показательно, что время от времени подобную риторику можно обнаружить в отдельных высказываниях президента Дональда Трампа, который, однако, концентрирует свой негатив конкретно против терроризма.

Взаимоотношения мусульманского мира и христианского запада надолго останутся для последнего едва ли ни важнейшей причиной для апелляции к религии. Этому способствует рост мусульманской миграции, которая рассматривается многими западными политиками, как угроза еврохристианской идентичности, как причина и повод для противостояния чужой и спасения своей цивилизации. (В каком-то смысле все это есть своего рода признание собственной цивилизационной слабости.)

Ответом на «экспансию» ислама в Европе становится национал-популизм. Во второй половине 10х гг. национал-популистские партии добиваются успеха на парламентских в Австрии, Бельгии, Нидерландах, Франции, Швейцарии, Швеции и т.д. Главным стимулом, предлогом для *политического обострения* чувства еврохристианской идентичности явилась реакция на повсеместную

радикализацию ислама, на мусульманскую миграцию. Символично, что европейский национал-популизм получает поддержку у части истэблишмента США. Так, по инициативе бывшего старшего советника президента Трампа Стива Бэннона в Брюсселе был создан специальный Фонд, задачей которого является поддержка национал-популистов в Европе.

Рискну утверждать, что толерантность религии на Западе также становится все меньше. Защищаясь от инноваций внутри «своего» общества и одновременно отражая нападки извне, христианство получает повод для того, чтобы стать более агрессивным. Религия становится более ксенофобной. В известной степени можно найти аналогию с кризисной ситуацией в традиционных обществах.

Политизированность религии, также и религиезация политики – опасны, но неизбежны. Также невозможно представить тотальную и необратимую секуляризацию. И политизация религии, и секуляризация носят циклический характер, что подтверждается хотя бы историей прошлого века и ситуация, складывающейся сегодня. Предсказать периоды этих циклов не легче, чем циклы климатических изменений. Одно очевидно: политизированность религии останется характерной для традиционных, можно сказать и обиднее, для более отсталых обществ. Преодолеть отставание эти общества в ближайшие десятилетия не сумеют. И религия, религиозная идеология всегда будет «подслащать» им эту горькую пилюлю. Чем меньше шансов догнать, сравняться с теми, кто ушел вперед, тем значимее будет становиться компенсаторская функция религии. В каком-то смысле она остается «душой общества» (пусть даже и не каждого). Мир сегодня становится все менее светским.

Islam in a Modern Secular State

Mohamad Bashar Arafat,
President of the Civilizations Exchange &Cooperation Foundation,
Baltimore, USA

Introduction

I would like to thank the government of Kyrgyzstan for its kind invitation to this important conference that was held for the second year. I also would like to thank the State Commission for Religious Affairs (SCRA) for doing a great job organizing it.

"Secularism" means different things to different people in different places. Due to rapid global changes in our world today, "secularism" is one of the concepts that, in my opinion, has to be constantly clarified. For example, secularism in America is different than secularism in France.

Challenges:

When it comes to Islamic Education in the traditional "Madrasas" that has strictly "religious education", it will be helpful to pay attention to its curriculum and prevent any future confrontation between those who are "secular" and those who are "religious".

Based on my own extensive travel today and examining the curricula in these schools, I believe the following four points need to be paid attention to and incorporated:

1) Pluralism

Islamic schools should have more courses on Pluralism as part of the repetitive themes and the teachings of the Qur'an. In many verses, diversity is referred to as one of the signs of the greatness of God who created us to be different.

And of His signs is the creation of the heavens and the earth and the diversity of your languages and your colors. Indeed, in that are signs for those of knowledge. 30:22 Al Roum

"Secularism" means different things to different people in different places. Due to rapid global changes in our world today, "secularism" is one of the concepts that, in my opinion, has to be constantly clarified. For example, secularism in America is different than secularism in France.

2) Minority Vs. Majority

As Muslims living in America, we may be considered a minority, but we feel that our religious and civil rights are protected by the Constitution. Therefore, even as a minority, we do not feel any less American. Due to cultural and ethnic norms in many parts of the world, minorities sometimes feel a sense of discrimination and harassment due to their religious or cultural beliefs. The Qur'an always protected the rights of the

minorities with many references to “justice”.

With the waves of “radicalism” that have swept over societies, radicals - Muslim and Non-Muslim alike have started treating minorities differently. This topic has to be very thoroughly presented and explained in the curricula of religious schools for the safety and the well-being of everyone.

3) Practical Training Vs. Theoretical Information

Most religious schools teach memorization of knowledge and sacred texts, but seldom will you find practical training that provides students of religious schools a study abroad opportunity or exchange program to enable students to see and feel the current challenges. This opportunity will provide them with an idea of how the world looks and functions outside of their country or their comfort zone. It will help them understand how to apply what they are memorizing in class.

4) Separation Between Theology and Values

It is unfortunate that over the last 40 years of our recent history, we have seen the rise of “hatred” of the “other” in certain groups just for the simple fact that their theology is more accurate than the theology of the “other”. For them, that is a license to “hate”.

When we read the Qur’an, we see a clear distinction between the theology of the “other”, who you might disagree with and their ethics and moral values.

Many people around us might have a different belief system, but they are kind with good values, and they behave well with people around them. The theological instructions in the Qur’an tell us to deal with those people with the utmost level of respect and good behavior:

Allah does not forbid you from those who do not fight you because of religion and do not expel you from your homes - from being righteous toward them and acting justly toward them. Indeed, Allah loves those who act justly. 60:8 – Al Mumtahinah

In the 21st century, it is important to make it clear in curricula of religious schools:

1. How to deal with those who are different from you, but who are good people.
2. How to establish alliances with those who have a different theology than yours, but they’re like you with good manners and good values. They are people of, trustworthiness, respect, democracy and respect for the rule of law.
3. The focus in a pluralistic society should be on the values that connect us more than the theology that might divide us.

Conclusion:

As societies are evolving constantly, there has to be ***regular dialogue***

within the Muslim majority societies between those who want to promote "secularism" and those who are more religious and feel that they are threatened by "secularism."

Секулярность, как возможность обновления веры

Дамир Ваисович Мухетдинов,
первый заместитель председателя
Духовного управления мусульман Российской Федерации

Любой разговор о возникновении и природе светского государства неизбежно обращает нас к европейскому прошлому. Именно из Европы секуляризация начала своё победоносное шествие по планете. Благодаря усилиям Мартина Лютера и его сторонников, государства Старого Света прошли через отделение церкви от политических структур. Важно помнить, что данное отделение изначально вовсе не преследовало какие-либо секулярные цели. Подобно Декарту и Макиавелли, Лютер не собирался становиться основоположником нового мирового порядка. Он был ведом заботой о честном государственном устройстве и чистоте евангельской истины, как её понимали протестанты. Честное государственное устройство не эксплуатирует религию, не оправдывает религией собственные политические неудачи и не освящает политические успехи. Секуляризация публичных пространств Европы происходила изнутри религиозного мировоззрения. Она вытекала из трансформации взаимоотношений светских и церковных властей в самом христианстве. Протестанты были убеждены, что наиболее точно и полно реализуют библейский идеал. Они руководствовались своеобразной политической теологией, которая складывалась вокруг *религиозных* ценностей и толкования Писания. В секулярных государствах периода Реформации нельзя было заниматься политикой, *так и не столкнувшись с вопросом о Боге*. А вера всё ещё оставалась безусловной общественной добродетелью.

Современное разделение государства и религии приобрело статус самоочевидной ценности секулярной культуры и в значительной мере утратило связь со своими религиозными корнями. Мы можем признать эту ценность *на совершенно иных основаниях*, нежели ранние деятели Реформации или современные атеисты. Тот факт, что секулярная культура была порождена трансформациями самого христианства, не делает её судьбой одного только христианства или государств Западной Европы. Говоря сегодня о секулярности, мы неизбежно говорим *обо всём мире*: о системе международного права, принципах мировой политики, конституционном устройстве практически всех современных государств, не исключая и мусульманские. Если мы желаем противостоять секулярности, мы вынуждены противостоять сложившемуся мировому порядку. *Не улучшать его изнутри, а именно разрушать*. Однако будет ли подобное противостояние нашим религиозным долгом? *На этот вопрос следует ответить отрицательно*. Многие секулярные идеи, будучи по своему происхождению *внекоранических*и, вовсе не отражают *антикоранического* миропонимание.

Более того, они вполне соответствует плюралистическому и демократическому настрою самого Корана. Коран не является сборником разрозненных правовых норм или детальным руководством по созданию конкретной политической системы. Хочу напомнить, что айатов, которые регулярно используются при обсуждении правовых вопросов, едва ли наберётся больше двадцати процентов. К сожалению, существенная часть коранического содержания остаётся вне поля зрения религиозных деятелей. Кажется парадоксальным, что первые затруднения молодой уммы имели не столько теологическую, сколько политико-правовую природу. В результате их разрешения была сформирована так называемая «шариатская парадигма» понимания ислама, которая во многом оставалась глуха к этическому и духовному измерению религии.

Секулярность даёт нам шанс на переосмысление этой парадигмы, в том числе самого исламского права. *И к подобному переосмыслению мы должны прийти изнутри ислама*. Мы призваны размышлять над данной возможностью, поскольку не способны повернуться спиной к истории, остаться *незатронутыми* её движением. Именно глубокая убеждённость в исламской истине позволяет смело взглянуть в лицо происходящему и предложить конструктивные решения, способные заинтересовать всё человечество. Сегодня многие воспринимают шариат как главное препятствие на пути полноценного вхождения мусульманских народов в секулярный век. На этом вопросе следует остановиться подробнее. Шариат является одновременно человеческим делом и вечно *ускользающей* от нас возможностью совершенного понимания Божественной воли. Когда факих формулирует позитивную норму права, эта *выведенная* норма не является Божественным законом. Она оказывается результатом ограниченной человеческой деятельности. Подобный результат уже по своему определению допускает улучшение, т. е. движение в сторону ещё большего совершенства. А это значит, что ни одна норма права не может считаться фактическим отражением Божественного закона, даже если она установлена самым праведным человеком. В некотором важном смысле любая юридическая норма или политическая модель, с точки зрения ислама, *секулярны*.

В этой связи мы должны строго различать секулярность и секуляризм. Секулярность представляет собой особое пространство, которое определяется тремя факторами. Личным мировоззренческим выбором. Плюралистическим духовным настроем. И десакрализацией любого знания, не исключая и науку. С этой точки зрения, никакое знание не является священным, оно подвержено ошибкам и, во всяком случае, допускает более совершенную формулировку. Секулярность переосмысляет природу авторитета и бросает вызов всем ложным святыням человечества, а не ведёт к неизбежной утрате веры. В отличие от секулярности, секуляризм – это конкретная идеология или *культура неверия*, которая ставит во главу угла исключительно земное процветание человека и

осуждает любые разговоры о запредельном. Данная идеология заботится лишь о технической стороне человеческого существа, смотрит на тайну человеческого бытия через инженерную оптику. Как всем известно, секуляризм иногда принимает воинствующие и даже репрессивные формы. Но *секулярность* способна приводить и к секулярной религиозности, то есть к новой *культуре веры*. Религиозная вера, которая избавляется от своей наивности и принудительности благодаря процессам секуляризации, обретает б*о*льшую глубину. Позитивная секулярность позволяет уйти от практики религиозных конфликтов и прийти к свободе как неотъемлемому условию искренней веры. Как сказано в Благородном Коране: «И да не будет никакого принуждения в религии» (К. 2: 256).

Если ислам не желает превратиться в поклонение ограниченным культурным порядкам прошлого, мы должны поставить вопрос о новых условиях веры. Ислам Нового времени не знал настоящей религиозной реформы. Различные формы исламского модернизма использовали религиозный язык как средство проведения *политических* реформ. Они *инструментализировали* религию в своих целях, а не осмысляли возможность веры в мире многообразия вер и позиций. Сегодня необходимо выступить против двух форм идеологизации религии – против превращения её в служанку государства и против превращения её в служанку революции. Залог нашего успеха заключается в отказе признавать монополию политических «распорядителей священного» на истолкование ислама.

Как ни странно, именно «секулярный ислам» может стать препятствием для тотальной секуляризации религии, поскольку политизированный буквализм исламистов ведёт к крайнему обмирщению ислама. В их руках он становится юридическим учением, политической идеологией, придатком государственного строя, но никак не источником глубоких религиозных чувств и мыслей. Я не веду речь о превращении религии в сугубо «частное», «приватное» дело, чего столь жаждет секуляризм. Принципиально аполитическое истолкование религии – это в неменьшей степени политическая измена вере, нежели её политизация. Ислам участвует во всех измерения человеческой жизни_ и остаётся главным ориентиром верующего в любую эпоху. Религия фундаментальнее различия приватного и публичного – она захватывает всего человека целиком. Дело в том, *как именно* ислам захватывает человека – *как безусловное требование* смирения, свободы и справедливости или же *как поверхностная политическая программа*. Когда ислам, сведённый до политической программы, оказывается неспособен удовлетворить настоящие запросы верующих, в ход (совершенно закономерно) идут методы принуждения.

Кораническое переосмысление позитивной ценности секулярной эпохи способно вернуть религии её духовное измерение. Оно избавляет ислам от политических торгов вокруг ортодоксальности и обращает верующих к заботам о добродетели. Обращает к той призме, через которую они изначально

воспринимают окружающий мир. К их собственной нравственной порче или чистоте. В Коране сказано: ««Истина от вашего Господа. Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть отвергает (ее)»...» (К. 18: 29). В этот секулярный век мы призваны реабилитировать значение подлинного богобопочитания и решиться на духовное приключение в таком мире, где вера не обеспечена политической силой и беспрекословным авторитетом традиции. Плюралистическое измерение ислама обнаруживает себя как эхо той изначальной открытости, с которой сталкивается каждый мусульманин. Возвращение к этой открытости не признак слабости мусульманского мира, а признак его духовной силы. Его жажды к сохранению сути религиозного искания.

СЕКЦИЯЛЫК ОТУРУМДАР
BREAKOUT SESSIONS
СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Secular State, Security and Religious Education

Afzal Ashraf
PhD, Assistant Professor,
International Relations and Politics, University of Nottingham,
London, UK

Abstract

The primary duty of any state is towards its survival and the security of its citizens. Some secular states are further committed to providing freedom of speech and belief for their citizens. As political violence increasingly exploits ideology and theology, these freedoms in secular states threaten survival of those states and their ability to provide security. Balancing these competing priorities is an emerging challenge for many states, especially those with majority Muslim populations. In order to adopt the most effective policies in these areas, states should understand the nature of the threats they face and look for sophisticated and nuanced approaches to provide the most effective balance between these two obligations.

In order to do this, firstly it is necessary to understand what it means to be secular and consciously appreciate the benefit that freedom of religion can bring to security and survival. At the same time, religious sentiment married to politics is a powerful motivator of public opinion and mobilisation. This presents both religious and secular political leaders with tempting opportunities to acquire power resulting long-term threats to the security and stability of the state. Avoiding the combination of religion and politics, while affording equal status to all belief systems should therefore be the primary driver of how a religious education approach is fashioned by a secular state.

Secularism and what it means to be Secular

The term ‘secular’ needs both definition and explanation in the context of a state. Secularism is generally understood to be the separation of religion from state power. In some states this separation also involves an anti-religion approach, as was the case in the Soviet Union, and France, particularly after the French Revolution. In other states, such as the USA, secularism involves a pro-religious approach whilst separating religious institutions from political power. Citizens can have equally diverse and contradictory interpretations of secularism. Some welcome secularism as an opportunity for freedom and diversity of belief while others consider it as a threat to the very concept of

religion because they understand it to be an atheistic concept, as noted by the Marxist interpretation.

A primary challenge for states is to determine which of these two competing meanings they wish to abide by. History indicates that regimes which adopt an anti-religious approach rarely survive, as was the case in post-revolutionary France and in communist Russia. By contrast, the USA, one of the most successful and prosperous nations in recent history, has some of the highest levels of religiosity and diversity of belief, yet maintains exclusivity of power within a political system separated from religious institutions. To varying degrees, most European countries adopt the US interpretation of secular state which accords equal value to all belief systems while denying religions political power. As well as being associated with successful political systems, this approach is more in keeping with the Universal Declaration of Human Rights and with international norms.

Most states enshrine the principles of secularism and of freedom of belief within their constitutions and laws. The ensuing rights, through the freedom of belief and associated freedom of speech, often result in perceived or actual security threats. These rights enshrined in law are consequentially seen in a negative light: as a burden and a threat to security and to the secular ideal. Rarely are the benefits of a pluralistic society, comprising diversity of beliefs, recognised as a source of political and economic strength in popular perceptions despite the converse, totalitarian societies which suppress individual will and belief, having been consistently shown to lead to state decline and failure.

Kyrgyzstan's Secular Position

According to its constitution and laws, Kyrgyzstan also fits into the category of pro-religious freedom secular states. Its law on "Religious Freedom and Religious Organizations," Article 5 forbids the state from "interfering with the activity of religious organizations that adhere to established laws; does not allow for establishing advantages or restrictions of one religion over another; does not finance the activity of religious organizations and activity of propagating atheism." As such, it is secular in the sense of treating all religions and belief systems with equality. Despite the overwhelming majority of its population being Muslim, the constitution expressly forbids the state from favouring one religious group over another, notwithstanding how large a majority it may have.

The constitution further seeks to protect the secular political system from direct religious influence. Article 8 outlaws the formation of political parties on religious grounds and activities of religious organisations that threaten the state, the constitutional system, or national security. Therefore, the country's laws constrain the activities and powers of both the state and religious organisations to prevent either from harming or promoting the other.

These laws do not, and should not, justify or promote the benefits of the constitution. To do this, other means are needed to ensure that the role of these laws in protecting secularism, strengthening the state and in providing citizens with fulfilling lives is understood and suitably protected. One such means would be to encourage public debate to ensure that citizens understand the benefits to both religious belief and to the constitution of the separation of religious power from political power. This issue could be included as a central component in state education.

Potential Threats to Secularism from Religion

Having considered the lesser recognised advantages, it is worth turning to some of the better-known actual and perceived threats from religious organisations. Based on the observed experience of various countries, religious groups present three sources of potential threat to the secular state. Firstly, there is the danger of religiously inspired revolutionary movements which seek to usurp the secular democratic state system. Secondly, inter-religious or sectarian strife can cause dangers ranging from community disharmony to violent conflict between groups. Thirdly, secular politicians can provoke religious sentiments to create discord which they exploit as a distraction or opportunity for short-term political gain. Any education policy must therefore be based on an understanding of these possible threats in order to mitigate against the potential risks.

The threat of religiously inspired movements is probably the most recognised of these potential threats, but its roots and nature are not well understood. Along with introducing the concept of secularism, modernity also introduced the idea of revolutionary political ideology, essentially for the first time in human history. All of these ideologies sought to address perceived societal and political grievances through, where necessary, political violence. Communism and fascism are the best-known examples of such ideologies. The Islamic world was almost exclusively colonised or in a state of terminal political decline around the time of the emergence of these modernity inspired ideologies. The indignation of colonialism, the increasing corruption of rapidly dwindling political power and the atrophy of traditional religious interpretations encouraged the adoption of elements of modern political ideologies within Islamic thought.

Young Muslim thinkers in the early 20th century, such as Mulana Maududi, consciously adopted Marxist ideas like agitprop[48] and re-interpreted jihad from a defensive concept to a duty for Muslims to establish a theocratic 'Islamic' state. His ideas broadly reflected those of Hasan Al Bana, the father of the Muslim Brotherhood, which along with Mulana Maududi's own Jamaat-i-Islami, gave rise to a political ideological movement the French refer to as Islamism. The movement, originally tempered by the limits of political pragmatism, received an impetus through the successful establishment of an Islamic theocracy in Iran.[49] It was further given

[48] Meaning agitation and propaganda

[49] Ayatollah Khomeini and Mulana Maududi met at the haj in the early 1960s and exchanged ideas on political Islam for years afterwards. Although theologically different, being Shia and Sunni respectively,

mainstream legitimacy in 1970 through the encouragement of jihad based resistance to the Soviet occupation of Afghanistan.

All of these events occurred in the context of global super power politics. These perceived successes, followed by spectacular terrorist attacks such as those against the USA in 2001 and the frustration of the USA's strategies in Afghanistan and Iraq, have all emboldened a growing number of extremist groups. These groups have learned to exploit freedoms in secular states to convert Muslims and others to their radical cause. While some groups are overtly recognisable as extreme, others adopt a dual image, having an overt face of good citizenship and positive interfaith relations, whilst also promoting a covert agenda aiming to support anti-secular and anti-democratic activities, including support for and glorification of terrorism.

The second threat, from inter-religious strife, is a relatively new phenomena in Islamic countries. Historically, Muslims have lived in multi-faith pluralist communities. The uninterrupted existence of the oldest Jewish and Christian communities in Muslim majority countries affirms this, as does the continuation of other pre-Islamic faiths such as the Yazidi and Zoroastrianism. These situations were in large part due to Islamic scriptural injunctions on the freedom of belief and its inherently pluralistic nature as witnessed by the mostly respectful coexistence of the different schools of Islamic jurisprudence. However, there has been a massive decline in non-Muslim minorities in Muslim countries, accompanied by greater prejudice against them. According to a Jewish writer, 40 per cent of Baghdad's population was Jewish at the beginning of the last century.[50] While that decline was gradual, in recent years the increasing influence of extremist ideas within Muslim societies and the subtle encouragement by geopolitical actors have introduced a dramatic increase in sectarian and inter-faith conflict. For example, there has been a rise in attacks against Egypt's Coptic Christian minority. In Pakistan there has been a rise in attacks against Christians, Ahmadi Muslims and other minorities. Simultaneously, there has been a rise in sectarian violence between Shia and Sunni groups, reflecting a recent trend in parts of the Middle East.

While misinterpretations of the concept of jihad in Islam have been exploited by some Salaafi and Deobandi groups, some Sufi groups are using increasingly militant interpretations of punishments for apostacy and blasphemy to inspire attacks against minorities. These misleading interpretations justify the murder of those considered to have offended self-proclaimed lovers of the Prophet (SAW) and defenders of his honour. The religious leaders who champion this relatively new theological weapon of subversion have recently gained political power and growing confidence in Pakistan, where they are openly calling for the murder of an innocent Christian woman, inciting the Army to rebel against its Commander in Chief, to kill Supreme Court judges as

they become at one on the idea of Islam being a political religion.

[50] Joseph Braude, T*he New Iraq: Rebuilding the Country for Its People, the Middle East, and the World* (New York: Basic Books ; [Oxford : Oxford Publicity Partnership, distributor], 2003).

well as condemning the recently elected Prime Minister. They have inspired terrorist murders in places as far away as the UK.[51] As such, they represent a growing threat which could in some form emerge in Kyrgyzstan.

It is important to acknowledge that interfaith and sectarian violence is far from being a solely Muslim phenomenon. Buddhist monks, usually known for a pacifistic outlook, have been at the forefront of inciting arson, rape and murder afflicting thousands of Rohingya people in Myanmar. Sectarian violence has dogged Christians in Northern Ireland and Hindu extremists continue to kill hundreds in India under the pretext of disrespecting the sacred cow. These instances confirm that extremism and violence are an inherent manifestation of the nature of humans who press theology into the service of political objectives, rather than being a feature of religion. A difference between Muslim and non-Muslim hate-based violence is that the political objectives of the latter are virtually always local, whereas the former has an international outlook. Islamist ideologies aspire to a global caliphate based on the overthrow of current governments in majority Muslim countries. This Islamism is globally contagious, meaning that all such countries are bound to be targeted by it.

Exploitation of religion by secular politicians for short-term gain is the third pitfall. Egypt's Anwar Sadat and Pakistan's Zulfkar Ali Bhutto did deals with religious extremists to address immediate political problems. Both were killed by religiously inspired groups or regimes. The same fate attended ex-Prime Minister, Benazir Bhutto, who was amongst the first and few world leaders to recognise the religiously inspired Taliban government in Afghanistan. Investigations indicate that she was killed in a Taliban planned suicide attack. There are other less dramatic examples of nominally secular leaders playing the religious card at times of political difficulty. In almost every case, these leaders ultimately end up in trouble, but the virus of religious hatred remains and continues to grow within the country long after they have passed away.

These three sources of potential threat from religious groups to secular regimes is further exacerbated by another less well-known factor. In parallel with the development of Islamist ideology, the bulk of mainstream Islam has become politicised. The reason for this is that all major religious seminaries in the Muslim world have been instrumentalised for national or international politics. For example, the Deoband in India was political from the outset having been established by anti-British imperialists. Although the Indian government has successfully restrained their ambitions, Deobandis in Pakistan, Afghanistan and elsewhere have been at the forefront of politics, sometimes violent politics. Deoban alumni, including Muhammad Ilyas Kandhlawi, who created the Tablighi Janaat, have set up major Islamic movements.

Owing to their historic association with the birth of the religion, the seminaries in Mecca and Medina are a magnet for Muslims from across the world. They are also

[51] See report: https://www.theguardian.com/uk-news/2016/aug/09/glasgow-of-asad-shah-spurred-by-sectarianism-in-pakistan

the home of what has become known as 'Wahhabism.' This is probably the only case of a state religion in the history of Islam, having been forged as an alliance between the religious leader, Sheikh Abdul Wahhab and the tribal chief, Sheikh bin Saud. This deeply conservative and literal interpretation of Islam was modified by a number of revolutionary Islamists from a Muslim Brotherhood background, such as Abdullah Azam, who were given political asylum in Saudi Arabia as well as jobs in its religious universities, after they proved to be troublesome in Egypt and other parts of the Middle East. There they influenced a new generation of young Saudi males, amongst whom number Osama bin Laden. Although the Saudi government has done much to remove militant theology from its seminaries following the attacks on 9/11, these still contain scriptural interpretations that support dangerous political and sectarian ideas. To a lesser extent, Al Azhar, one of the oldest seats of learning in the world, has also been brought to heel through the government's influence over the selection of the grand sheikh of the university.

Not all of these political influences are directly nefarious. Through political encouragement, all of these establishments have produced religious rulings which condemn revolutionary behaviour and violence. However, the belief that they are working to government dictate rather than independent religious interpretation reduces their sphere of influence over congregations. Furthermore, undergoing years of religious studies in institutions where political influence is pervasive has produced a generation of religious leaders who are politically savvy and expert in manipulating religious scripture to align with political objectives. This allows some, especially foreign students, to bend teachings to their political ambitions when they return home after their period of education at these seminaries.

All of this makes dependence on religious authorities such as the Muftiat problematic since many leaders are either directly or indirectly influenced by these seminaries. The state should, therefore, minimise its dependence on such bodies for religious advice on the acceptance of individuals and groups for registration or on acceptance of particular sermons or teachings. It should, at all times maintain both distance and independence. This will require developing a degree of secular religious expertise capable of critically overviewing the activities and advice from religious 'authorities' such as the Muftiat.

In a generic sense, the combination of religion and politics is a dangerous cocktail. Observation of contemporary states indicates that this tends to lead to long term erosion of secular values and intercommunal strife. In the particular case of Muslims, however, the threat is ever-present. Apart from the covert threat from jihadi groups who use terrorism and sectarianism violence, there is a more overt threat from otherwise moderate religious leaders who employ their religious knowledge and authority for political purposes, either their own or those of weak secular leaders. Even when not doing so, many adopt inherently weak arguments against violence and politics as they have not fully rejected previous misinterpretations of scripture used to justify jihad

against infidels, apostacy and blasphemy etc. For these reasons religious leaders' influence on government policy needs to be limited, even in religious affairs.

Religious Instruction and Religious Education

Before tackling the question of religious education, some points of distinction must be mentioned. In order to practice any religion a degree of religious instruction is necessary for a believer to understand the basic tenets of their faith, adopt appropriate practices, shun unacceptable behaviours and to be able to participate in the required acts of worship. This instruction is particular not only to a religion, but also to various sects within it. Such instruction requires time and resources and therefore has a cost associated with it. Consequently, the Kyrgyz state cannot provide this type of religious instruction according to its constitution. Families, communities and individual worship centres must provide their own curriculum, facilities and teachers. If religious instruction is provided in any establishment resembling a school, even a part-time one, the state should retain the right to regulate it in order to ensure that children and young adults are not subjected to negative influences or treatment.

A problem remains with this situation. Most secular states, (Kyrgyzstan, Russia etc) are beginning to provide for the education of imams and religious leaders in order to avoid extremist ideas and to facilitate a moderate interpretation of Islam owing to the perceived threat from current versions. This not only presents them with a possible constitutional contradiction but also risks producing interpretations that reflect those which are politically compliant, reducing their credibility with critical students of Islam and also empowering a new religious elite approved by the government, further isolating them from perceived theological authenticity. It would be better to regulate the teachings and behaviour of religious teachers and imams by legally preventing them from teaching doctrines that are subversive, anti-democratic, anti-secular and which promote violence outside the rule of law. In this way, they can enjoy freedom of belief, teach interpretations that are true to their creed and avoid being a threat to the secular state.

State provided religious education in schools must be of a secular nature. That is to say, it should teach the beliefs and interpretations of each major religious sect in a sympathetic and non-competitive way. The main purpose of this should be to highlight areas of commonality and difference between the various belief systems to the pupils in order to provide the basis of interfaith understanding and harmony. A further objective should be to reveal the universality of fundamental values and their influence over social codes and legal systems. At postgraduate level, a more critical and comparative approach should be funded in the interest of academic freedom and excellence. At this level it may be possible to produce leaders with both secular religious knowledge and expertise in particular faiths. These leaders and experts would be best placed to assist their particular religious community as imams, or as advisors to the secular government.

Reformation or renascence of Islam can only come from within the body of Islam and will require a situation where free, open and critical theological debates can take place in an atmosphere where arguments rather than individuals have power. Preventing the accumulation of power or influence in any single, or group of religious leaders, is a prerequisite for creating the conditions necessary for genuine critical examination of Islamic theology leading to the generally agreed necessity of a positive renascence.

Conclusions

Kyrgyzstan's constitution provides suitable protection for both its secular system of government and for the freedom of religion. The reality of other states with similar constitutions suggests that inappropriate influence of religion on politics tends to threaten security and endangers the long term success of the state. Although this threat is often recognised, more could be done to promote an understanding of the potential for damaging security when a particular religion is allowed undue influence, as well as the potential for prosperity, when secular principles allow the positive aspects of religious freedoms to flourish.

It is easy to hide behind Islamic teachings of peace, compassion and mercy and to blame extremism for the challenges many countries face. However, most majority Muslim states, especially those who define themselves as "Islamic" republics have supported and exploited extremism. In some cases, they have introduced extremist ideas into their constitutions. These are the main reasons for the absence of common prosperity and security in the Islamic world, a trend that is actually increasing.

Education policies must take these issues into account and should be scrupulously consistent with the national constitution, especially in avoiding the promotion of any particular sect or religion. The state should further avoid reliance on any group of Muslims to determine the religious acceptability of others and the suitability of their theology. This should be a task for the state alone.

Recommendations

It is recommended that in Kyrgyzstan:

- Religious education is underpinned by a public awareness programme which highlights not only the potential threats to secularism from certain religious groups and teachings, but also the enormous long-term advantages to success of those nations which allow and benefit from freedom of belief.
- State provided religious education at school level is aimed at creating an awareness and understanding of the basic principles, practices and rituals of all religious groups in order to encourage interfaith harmony, mutual respect and national unity.
- Material for this level of education should be endorsed by the relevant religious group. It should avoid criticism of other groups and instead should emphasise commonality of basic beliefs.
- Education syllabuses (and interpretation of the constitution) should emphasise

that individuals and religious communities are allowed to self-identify their religion as an essential component of the freedom of belief. No other individual or community should have the right to impose an exclusion or inclusion on an individual or a group from a particular religious identity.

- A critical study of religion should be permitted at University level within the confines of academic freedoms, standards and etiquette.
- State security structures should not impose any restrictions on the freedom and articulation of belief which lie outside the strict confines of the constitution.
- The state has a responsibility to remain vigilant through monitoring of religious groups to detect activities and teachings which are intended to overthrow or harm the secular nature of the state or to cause societal disunity. Glorification of political violence and the spread of hatred against others are particular areas of concern. This should especially be the case with instruction carried out in religious schools, mosques and other non-family places.
- The state should not delegate its responsibility for monitoring and setting of standards to any religious associations as it cannot be sure of impartiality. Rather, it should seek independent advice on religious matters through secular institutions such as universities and religious and human rights-based NGOs.
- The state should create conditions where individuals are attracted to arguments rather than to individuals or creeds so that religions can achieve genuine renaissance. This can best be done by encouraging inter-religious and interdenominational critical debate. The religious education system can play a major role in facilitating these conditions.

Образование в сфере религии: казахстанский опыт

Роман Подопригора,
доктор юридических наук,
профессор Каспийского университета,
Алматы, Казахстан

Аннотация: в статье рассматривается состояние образования в сфере религии в Казахстане, а именно вопросы образования о религии и собственно религиозного образования (подготовки религиозных служителей) преимущественно в государственно-правовом аспекте. Автором показываются проблемы такого образования, причины и подходы казахстанского государства к их решению.

Несмотря на более чем четверть века существования религии в Казахстане в совершенно новых социальных и политико-правовых реалиях, многие вопросы религиозной жизни ещё находятся в стадии становления, а то и осмысления. Это касается и вопросов образования в сфере религии, причём, как образования о религии, так и собственно религиозного образования.

Причины такого положения разные, в том числе исторические. Понятно, что еще сравнительно недавно религия и школа, равно как и вся образовательная система, были несовместимы. Более того, вся система образования носила ярко выраженный антирелигиозный характер.

Что касается религиозного образования (подготовки религиозных служителей), то до начала 90-х годов прошлого века в Казахстане не было собственных религиозных учебных заведений. Казахстанскими руководителями периодически ставился вопрос перед высшим советским руководством о собственном учебном заведении для подготовки исламских религиозных служителей, или хотя бы об увеличении квоты для обучения в Исламском университете в Ташкенте, но в Москве отвечали, что в Казахстане нет особых проблем с Исламом, поэтому необходимость в создании таких учебных заведений отсутствует. Такое решение советских властей аукнулось спустя десятилетия, когда Казахстан столкнулся с дефицитом религиозных кадров.

Крушение идеологической и политической систем после распада Советского Союза, иное отношение к религии в независимом государстве и обществе имели одним из последствий новое взаимодействие образовательных и религиозных институтов.

1. Образование о религии. В Казахстане сложилось общее мнение, что о религии в школе говорить надо. Причем, со стороны государства толчком стала необходимость профилактики экстремизма и терроризма, создания у учащихся

нулевой терпимости к таким проявлениям. Так поручение Министерству образования и науки разработать программу и учебник по основам религиоведения для выпускных классов общеобразовательной школы было дано в Указе Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 г. «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма»[52].

Но в отношении того, что преподавать о религии в школе и как преподавать, до сих пор нет устоявшегося представления. Нормативно закреплено, что система образования и воспитания в Республике Казахстан, за исключением духовных (религиозных) организаций образования, отделена от религии и религиозных объединений и носит светский характер[53]. Принцип светскости является одним из принципов государственной политики в области образования в соответствии со статьей 3 Закона Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. «Об образовании». Причем речь идет как о государственной, так и о негосударственной системе, хотя до 1999 года[54] принцип светскости распространялся только на государственную систему образования.

Преподавание о религии носит внеконфессиональный характер. С 2004 года в школе предлагались дисциплины с разным названием («Основы религиоведения», «Светскость и основы религиоведения»), для разных классов (выпускные, девятые), на разной основе (факультативные и обязательные). Весь этот процесс сопровождался серьёзными спорами по поводу необходимости – в принципе – такого образования, содержания учебников[55]. Социологические опросы показывают неудовлетворенность родителей преподаванием[56]. Но эксперименты с внедрением знаний о религии в казахстанской школе продолжается. В настоящее время идёт подготовка нового учебника «Общество и религия».

Есть, конечно, и другие проблемы в школе, связанные с религией. Самая

[52] Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. 2000. № 7. Ст.75.

[53] См. п.4 статьи 3 Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 17. Ст. 135.

[54] В 1999 году был принят Закон об образовании (в настоящее время утративший силу), который распространил положение о светскости на всю образовательную систему.

[55] См., например: Косиченко А.Г. Приоритеты и методология религиоведения в Казахстане // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 4. С. 125-131; Косиченко А.Г. Религиозное сознание казахстанцев и проблемы религиозной политики в Республике Казахстан. / Состоявшийся Казахстан, устремленный в будущее: Материалы научно-практической конференции / отв. ред. Б.К. Султанов. - Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2013. С. 71-83; Podoprigora R. Religious education in Kazakhstan. In D. H. Davis & E. Miroshnikova (Eds.), The Routledge international handbook of religious education. New York, NY: Routledge. P.191-196; Zengin, M., & Badagulova, Z. Religion and religious education in Kazakhstan // Karaelmas Journal of Educational Sciences. 2017. № 5. P. 49–63 и др.

[56] Сейдуманова М. Внедрение религиоведения в школах Казахстана: необходимость или

острая на сегодняшний день – ношение ученицами головных уборов (платков). На нормативном уровне включение элементов одежды религиозной принадлежности различных конфессий в школьную форму не допускается. Существует большое количество мнений поддерживающих такой запрет и критикующих его. Верующие родители проиграли все суды, как в случаях с оспариванием индивидуальных отказов[57], так и в случае с оспариванием[58] нормативного правового акта - Приказа Министра образования и науки, запрещающего ношение религиозной одежды[59]. Понимая остроту данной проблемы и создающуюся социальную напряженность, представители государственных органов рассматривают варианты обучения таких учениц посредством дистанционных технологий[60].

Ещё одна проблема – отсутствие альтернатив для верующих детей в плане получения знаний, которые уважали бы их религиозные чувства и убеждения. В учебных программах, предметах и дисциплинах нет места для религиозных взглядов или обьяснений. Формально религиозные объединения могут создавать собственные общеобразовательные учреждения, но смысла в этом нет, поскольку любые религиозные проявления и в государственных, и в частных школах запрещены. Таким образом, жёсткий светский характер казахстанской системы образования лишает верующих граждан права выбора подходящего учебного заведения[61].

Можно упомянуть также отказ от посещения школы по субботам представителями некоторых религиозных объединений. Но в связи с переходом в Казахстане на пятидневную учебную неделю, эта проблема, скорее всего, снимется.

2. Религиозное образование.

Такое образование сегодня возможно в различных формах: в семье, в рамках самого религиозного объединения.

Что касается специализированной подготовки служителей культа, то оно

излишество? Общественное мнение. Программа политико-управленческого исследования. – Алматы, Фонд «Сорос-Казахстан. 2019.

57 Podoprigora R. Kazakhstan – On the headwear ban in schools. In P. M. Cereceda & J. Groof (Eds.), Religious and ideological rights in education. Judicial perspectives from 32 legal systems. Oisterwijk, the Netherlands: Wolf Legal Publishers. P. 511–519.

58 Верховный суд РК признал конституционным запрет на ношение платков в школе // Информационно-аналитический портал «Info.kz». https://informburo.kz/novosti/verhovnyy-sud-rk-priznal-konstitucionnym-zapret-na-noshenie-platkov-v-shkole.html. Посещен 12 ноября 2018 г.

59 Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 14 января 2016 г. «Об утверждении Требований к обязательной школьной форме для организаций среднего образования» // Казахстанская правда. 2016, 18 июня.

60 Министерство по делам религий и МОН обсуждают возможность обучения школьниц в платках на дому // Информационно-аналитический портал «Informburo.kz». https://informburo.kz/novosti/ministerstvo-po-delam-religiy-i-mon-obsuzhdayut-vozmozhnost-obucheniya-shkolnic-v-platkah-na-domu-.html. Посещен 13 ноября 2018 г.

61 См. об этом подробнее: Podoprigora R. School and Religion in Kazakhstan: No Choice for Believers // Journal of School Choice. 2018. Vol.12. Issue 4. P. 588-604.

возможно в духовных (религиозных организациях образования), создаваемых крупными (региональными и республиканскими) объединениями[62]. Сегодня в Казахстане 15 таких заведений[63]: по одному принадлежит митрополичьему округу Русской Православной церкви в Казахстане[64] и Римско-Католической церкви в Казахстане[65], все остальные – исламские (в 1995 году таких учебных заведений насчитывалось 25 и принадлежали они семи деноминациям).

Конечно, исламское образование стоит особняком. Негативные проявления, связанные с распространением нетрадиционных трактовок ислама, радикализация ислама вынудили государство очень активно участвовать в формировании собственной системы подготовки религиозных служителей. Эта активность проявляется в следующем:

– помощь в создании исламских духовных учебных заведений. Сегодня в системе исламского образования в Казахстане функционирует университет, центр повышения квалификации имамов, Научно-исследовательский центр Абу Ханифы, 10 медресе (5 из них в статусе колледжей), 3 центра подготовки чтецов Корана[66];

– поддержка студентов. Государство выдает гранты и стипендии обучающимся в исламских учебных заведениях. Например, только в 2017-2018 учебном году государством было выделено 218 грантов на обучение в университете «Нур-Мубарак»[67]. Гранты выделяются также учащимся медресе-колледжей[68].

– разрешение преподавать светские дисциплины и получать, наряду с религиозными, и светские дипломы об образовании для того, чтобы выпускники могли трудоустроиться и в государственные органы. Некоторые выпускники, к примеру, устраиваются работать в государственные органы, непосредственно

---

62 В соответствии с Законом о религиозной деятельности и религиозных объединениях (2011) только республиканские и региональные религиозные объединения обладают правом создавать духовные (религиозные) организации образования. Местные религиозные объединения таким правом не обладают.

63 Деятельность религиозных объединений и духовных учебных заведений // Сайт Министерства общественного развития Республики Казахстан. https://qogam.gov.kz/ru/questions-answers/deyatelnost-religioznyh-obedinenii-i-duhovnyh-uchebnyh-zavedenii. Посещен 12 ноября 2018 г.

64 Алматинская духовная семинария.

65 Межъепархиальная Высшая Духовная Семинария «Мария – Матерь Церкви».

66 Борисова С. Как совместить религиозное образование со светским // Central Asia Monitor. 2018. № 24. С.5.

67 Нурсеитова Т. Поправки в закон о религии повысят безопасность граждан // Сетевое издание «Zakon.kz». https://www.zakon.kz/4907028-popravki-v-zakon-o-religii-povysyat.html. Посещено 12 ноября 2018 г.

68 Духовным учебным заведениям Казахстана выделено 373 гранта – ДУМК // Сетевое издание «Zakon.kz». http://www.zakon.kz/4820156-dukhovnym-uchebnym-zavedenijam.html. Посещено 12 ноября 2018 г.

связанные с деятельностью религиозных объединений;

– усиление влияния на деятельность главного исламского учебного заведения (Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак»), который действует в соответствии с Соглашением между правительствами Казахстана и Египта. Университет переименован в Казахско-Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак», в менеджменте будет больше казахстанских кадров, решается вопрос о передаче Казахстану учебного корпуса[69];

– помощь в разработке научной основы казахстанской школы исламоведения[70];

– помощь в повышении квалификации религиозных служителей.

Некоторые из этих мер плохо согласуются с принципами государственно-конфессиональных отношений, закрепленными в законодательстве, в частности с принципом отделения религиозных объединений от государства или с принципом светскости образования. По сути, государство вмешивается в образовательную деятельность религиозных объединений, причем такое вмешательство сопровождается очевидным предпочтением одному из религиозных объединений. Но государство вынуждено поступиться принципами, чтобы не упустить из под контроля вопросы исламского религиозного образования. И так многие эксперты и представители государственных органов в Казахстане говорят, что государство поздно среагировало на проблемы в сфере религозного образования. Надо было раньше заняться подготовкой собственных религиозных кадров. Не следовало разрешать казахстанским гражданам выезжать зарубеж для получения религиозного образования[71]. С тезисом о запоздалой реакции ещё можно согласиться. Но, что касается запрета на выезд, трудно представить как в демократическом и правовом государстве можно ограничить право на выезд для получения религиозного образования и с юридической, и с фактической точки зрения.

---

[69] Университет «Нур-Мубарак» сменил название // Портал «365info.kz». https://365info.kz/2018/09/universitet-nur-mubarak-smenil-nazvanie/. Посещен 12 ноября 2018 г.

[70] Ермекбаев Н.: «Мы говорим не о секуляризации, а о защите конституционного принципа светского государства, каким является Казахстан» // Сайт о политике «Sayasat.org». http://sayasat.org/articles/1997-nurlan-ermekbaev-my-govorim-ne-o-sekuljarizacii-a-o-zashchite-konstitucionnogo-principa-svetskogo-gosudjarstva-kakim-javljaetsja-kazahstan. Посещен 12 ноября 2018 г.

[71] Вопрос сомнительных религиозных учебных заведений подняли в Мажилисе // Сетевое издание «Zakon.kz». https://www.zakon.kz/4878594-vopros-somnitelnyh-religioznyh-uchebnyh.html. Посещено 13 ноября 2018 г.; Бержанова И. Соблюдая каноны и нормы // Сетевое издание «Zakon.kz». https://www.zakon.kz/4880469-soblyudaya-kanony-i-normy-inesh.html. Посещено 13 ноября 2018 г.; Ермекбаев Н. Казахстану не хватает грамотных имамов // Сетевое издание «Zakon.kz». https://www.zakon.kz/4856753-ermekbaev-kazahstanu-ne-hvataet.html. Посещено 13 ноября 2018 г.; Исабаева С. Каковы перспективы религиозного образования в Казахстане? // Сайт газеты Central Asia Monitor. https://camonitor.kz/31239-kakovy-perspektivy-religioznogo-obrazovaniya-v-kazahstane.html/. Посещен 13 ноября 2018 г.

Кстати, в настоящее время в Казахстане обсуждаются поправки в Закон о религиозной деятельности и религиозных объединениях. Одно из положений законопроекта говорит о том, что *получение гражданами Республики Казахстан религиозного образования в иностранных государствах допускается только после получения высшего религиозного образования в Республике Казахстан.* Поправки уже были приняты нижней Палатой (Мажилисом), но верхняя Палата (Сенат) не согласилась с этим положением (в числе нескольких других) и вернула законопроект в Мажилис[72].

Если подводить итоги, то можно сказать что в современном Казахстане проявляется общая тенденция, характерная для многих странах мира, которая выражается в секуляризации образования. И дело не столько в исключении религии из системы образования, сколько в перераспределении ответственности за образовательные процессы. В современных условиях государство несет главную ответственность за вопросы образования, хотя сфера образования принципиальна важна и для государства, и для религиозных организаций. Именно здесь формируются и будущие члены религиозной организации, и будущие граждане своих стран. Знания, традиции, которые будут заложены в обучаемых при получении образования, могут впоследствии очень сильно влиять на политические и иные процессы в обществе.

Казахстанское государство сегодня озабочено, прежде всего, созданием собственной системы подготовки исламских религиозных служителей и такой системы религиозного образования в целом, которая была бы способна противостоять распространению радикальных религиозных идей и практик. Будет лишним говорить, что это сложная задача. Но многие задачи в религиозной сфере, во взаимоотношениях между государством и религиозными объединениями не знают простых решений.

[72] Назарбаева прокомментировала законопроект по запрету паранджи и никаба // Сетевое издание «Zakon.kz». http://www.zakon.kz/4820156-dukhovnym-uchebnym-zavedenijam.html. Посещено 13 ноября 2018 г.

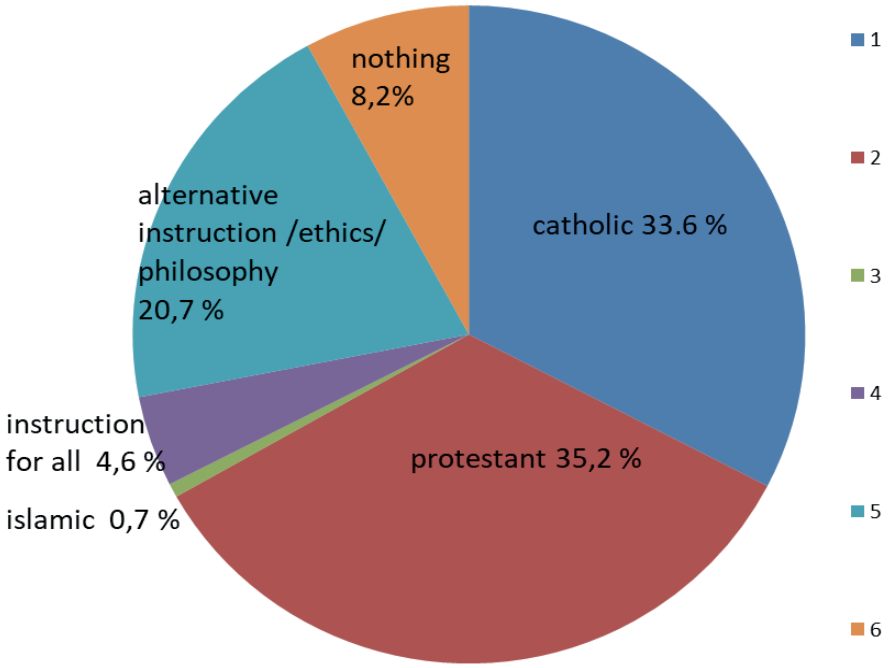
Religious Education in Secular Public Schools on the Example of Germany

Lothar Kuld,
Prof. em. Dr. theol. habil.,
University of Education Weingarten
Department of Catholic Theology and Religious Education,
Germany

German people are becoming more and more secular. On the other hand religion is getting more pluralistic. What might achieve religious education in this context? In Germany exist two shapes of religious education, a denominational one and one without denominational ties. In both shapes the aim of religious education is religious competence. We call religious competent a person, who is able to understand religion and to participate in religion and religious debates. And finally religious education shows the difference between religious rationality and other rationalities and that there are no other reasons for religion in modern societies than religious ones. To know this is the best remedy for fundamentalistic temptations.

Germany is a secular state. But the german state is also kind to religion. The state is both secular and kind to religion. He guarantees freedom of religion (Basic Law Art. 4.1 and 2 GG) and he protects religious education at schools by the basic law: "The religious education is a regular subject at schools with the exception of schools without denominational ties. […] It is not allowed to force a teacher to teach religion against his will." (Art. 7.3 GG) The denominations decide which contents are teached, the state is in charge of organizing and supervising the regular teaching. Each denomination has its own religious instruction. As diagram 1 shows – the majority of schoolchildren goes to christian instruction (school year 2015 / 2016: 68,8 %; from them protestant 35,2 % and catholic 33,6 %). Smaler groups of schoolchildren are visiting islamic, alevitian, orthodox or jewish instruction, and other schoolchildren again go to an interreligious instruction or an instruction for all. Schoolchildren who have given notice that they do not go to religious instruction – for reasons of conscience or because they do not belong to a denomination – , visit so called alternative subjects (ethics or philosophy).

Diagram 1: Participants in religious instruction/education and alternative instruction in Germany. School year 2015/2016

Source: *https://www.kmk.org/fileadmin/Dateien/pdf/Statistik/AW_Religionsunterricht_II_2015_16.pdf*

This short survey may give us an impression of how many and diverse the types of religious education at schools in Germany are today but it does not show us yet the need of more islamic instruction at schools. About 5 % of people in Germany are muslims. On the other hand we have more and more people without denominational ties (2017: 36% – see also diagram 2 in the appendix). In Eastern Germany (till 1989 German Democratic Republic) about 80% of the schoolchildern have no denominational ties. In Western Germany it applies to about 30%. Both plurality of religions and secularity are the reasons why denominational religious education at schools is under discussion. New shapes of religious education without denominational ties are established, for example in Brandenburg (Eastern Germany), Lebensgestaltung–Ethik–Religionskunde‘ (LER. Life-style-ethics-information about religion) and in Berlin a voluntary instruction on religion and worldview (‘Religions - und Weltanschauungsunterricht’), which is frequented by the half of all schoolchildren there. Bremen (free hanseatic city in the north) organizes an instruction for all – called ‘religion’ – without denominational separation.

(*Comment:* Please note that the diversity of these types of religious education in Germany is also a result of the federalism. Germany is a federal state and the countries are autonomous in their school policy. Therefore each country has its own tradition of religious education. And the development of this tradition depends from the local needs

and the political balance of power. At present in most german countries denominational religious education counts as the norm, in some others – Bremen, Berlin, Brandenburg – a non denominational education is normal.)

As far as we can see now we have two shapes of religious education in Germany, a denominational one and another without denominational ties. Both shapes face the question: How do we or should we teach religion at schools? The answers to this question are controversial and conflicting. The difference of opinions is enormously. To give you an impression of that I quote the statements of two german politicians.

Raju Sharma – member of the parliamentary party *The Left* and speaker of *The Left* for religious issues during the 17. Bundestag [Lower House of Parliament] (October 2009 – October 2013) – said: "In our view religious education should teach young people the plurality of religious ideas and also which ethical ideas are connected with them. State should teach it in a free way as far as possible, and he should inform about the different religions abstractly."

Josef Philipp Winkler – member of the parliamentary party *The Green* and member of parliament at the same time – replied: "In music-teaching it makes more to play the flute than looking on it only. In this respect in my view it makes sense to get informed about contents of belief – and differences between religions as well – from someone who believes in it. And not from someone who abstracts and says: I have red this could be understood in this or that way by this person."[73]

The first position votes for a shape of religious education which informs about religion without any personal or existential discussion on religion and what religion means for religious people. This position insists on keeping the same distance to all religions and worldviews. The second position votes for a shape of religious education which demands a learning from religion in contact with examples of living religion. For this purpose teachers would be needed who are religious themselves and belong to a denomination.

In the academic discussion we find these two different positions again. People who stand up for a denominational shape of religious education at schools say that religion may be understood right from the inside of religion only and that this perspective does not exclude the look on other religions; quite in reverse: first in the contact with religion which is part of real life schoolchildren may conceive religion as something which is valuable for believers and it would be worth to respect religion and all the other religions and worldviews as well. People who stand up for a shape of religious education without denominational ties want a subject which can be visited by children of each religious or secular background i.e. by all children together because denomination doesn't matter there. For this purpose they suppose religious instruction and education can not refer

[73] Zitiert nach Willems, Joachim, Annäherungen an eine religionskundliche Didaktik, in: Kenngott, Eva / Englert, Rudolf / Knauth, Thorsten (Hg.), Konfessionell – interreligiös – religionskundlich. Unterrichtsmodelle in der Diskussion, Stuttgart 2015, 163–178, hier: 163.

to denominational (christian or islamic or jewish …) theologies but to religion as a phenomenon of culture and research topic of religious studies.

In practice differences are not so extreme. At schools teachers are forced to forget strong differences which are made by scholars. This shows research on religious education and instruction. Modern teachers of religion begin with the worldview of children and the way in which children understand religious issues. Children understand religion in the frame of their conception of the world and their cognitive abilities. And they are interested in religion if there are questions which belong to their world. The aim of religious education is neither to make pupils religious nor to take them away from religion. Teachers are not allowed to overwhelm pupils with their own personal or any other conviction. They should not convince them of a religious conviction but they should show them what a religious conviction means and they should help them to reflect on it. That's the way how we teach religion at schools.

The aim of religious education is religious competence. Alas, to describe what religious competence means seems to be quite difficult. Perhaps it is easier when we ask what can we expect from a religious educated and religious competent person. The answer is: We call a man religious competent who is able

(1) to understand religion as a way to interpret and to judge life and to fill up life with sense;

(2) we call a man religious competent who knows at least one religion exactly and who is able – if he or she wants – to participate in religion and debates on religion in the public and media;

(3) and who is able to distinguish between a religious modelling of life from the other ways of modelling life and world experience in (natural-)sciences, politics, economy, law, sports, art, literature, educational science and so on. Religion deals with questions about the Ultimate and the 'where from' and 'where to' of human life. Sciences face cognitive problems. Economy, law and politics face evaluative and normative problems. Sports, art, music and literature are connected with aesthetic and expressive questions.[74] These domains are different and they represent different world experiences and rationalities and you cannot replace one by another.

Religion is not competent for all. To know this is crucial. Religious educated men will resist any fundamental temptation – that's our hope – because they know that religion has its own domain and religion is not competent to deal with other domains. Religious educated and well instructed men are aware that for religion in modern societies there are no other reasons than religious ones. They do not want that religion is used for other purposes than religious ones. That's good for religion and is surely in states interest too.

[74] Baumert, Jürgen / Stanat, Petra / Demmrich, Anke, Pisa 2000: Untersuchungsgegenstand, theoretische Grundlagen und Durchführung der Studie, in: Deutsches PISA-Konsortium (Hg.), PISA 2000. Basiskompetenzen von Schülerinnen und Schülern im internationalen Vergleich, Opladen 2001, 21f.

Reference:

Kuld, Lothar, Gott und das Leben. Orientierungswissen Religionspädagogik [God and the Life. Basics of religious education theory and practice], Stuttgart: Kohlhammer 2018, p. 39–80.

Appendix: Diagram 2. Membership in religious communities and denominations in Germany 2017

Sources: Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz, Katholische Kirche in Deutschland, ZAHLEN UND FAKTEN 2017/18, (Arbeitshilfen 299), 7; Evangelische Kirche in Deutschland (EKD), Gezählt 2018. Zahlen und Fakten zum kirchlichen Leben, Juli 2018, 4 – 5.

The Role of Religious and Interreligious Education in Public Schools the German Model in the European Context

Johannes Lähnemann,
Prof. Dr. theol.,
University of Erlangen
Nürnberg, Germany

The article shows the necessity of Religious, Interreligious and Values Learning in Public Education in the light of global challenges. It illustrates the German Model of Religious Education in the context of European developments. It demonstrates project models for lively interaction of public and religious stakeholders for religious and ethical peace education. It presents proposals for standards in the field of religious and interreligious textbook development.

1. General Insights concerning Religious Education

Investigations in Germany and in other European Countries show that there is growing insight that religion should be part of public education:

- to transmit the necessary knowledge about the cultural-religious heritage
- to be orientated about the religiously rooted values and ethic for personal life as well as for society
- to reflect meaning and aims for life in the light of the scriptures, traditions and spiritual practices of religions
- to educate for tolerance and prevent wrong prejudices and all kinds of extremism through authentic information about and – if possible – encounter with the different living religions

The European Map of Interreligious and Values Education shows that Religious Education (RE) in public schooling is established in all Western, Central and South European countries (exception: France), and that it is in development also in the former communist states.[75]

It is a fact that the lack of knowledge and of a welcoming atmosphere combined with long-lasting prejudices – often politically misused – can lead to fanaticism and to violence. It is one of the primary tenets of the Peace Education Standing Commission of *Religions for Peace* that education can break down such ignorance and prejudices, and, in so doing, counter animosities and enmities between different cultural and religious groups.

[75] J. Lähnemann / P. Schreiner (eds.): Interreligious and Values Education in Europe. Map and Handbook. In cooperation with the Peace Education Standing Commission (PESC) of Religions for Peace (RfP) and the Comenius-Institut, Münster, Germany. 3rd ed. Münster 2009, 5.

Religious education can do even more – as it offers assistance and direction to people seeking direction in their lives, helping them in their lives and helping them in their actions.[76]

Helping people find direction. Religious education plays an essential part in cognitive learning. When people are well informed, use their knowledge critically and are able to question and analyze, they are less likely to be deceived. Pure ignorance, deliberate distortion and disinformation are all too often the stuff of politics today and, even in matters of religion, are used to create barriers and for defamatory purposes. When people understand the ways in which religious faiths relate to life and meaning, they are able to empathize with others' views and see through the mechanisms that cause ethnic and religious discord and fanaticism.

Helping people in their lives. Religious education teaches about the sources of life and of values that transcend superficial pleasures. It teaches how all living things are related and mutually interdependent. Religious education can give strength, support, comfort and courage.

Helping people in their actions. Religious communities can offer examples of living together in solidarity, living for one another, speaking up for the weak and disadvantaged – teaching us to cope with the problems of life with a sense of mutual responsibility.

There are at present challenges to which Religious Education should help to find solutions:

Migration, traveling, media make it increasingly impossible to live without taking the cultural and religious plurality into account. But there are too many cases where narrow-minded education predominates – and a black-and-white view of "the Other" is promoted.

The task that emerges for education requires commitment on the part of the state in cooperation with the religious communities. Young people will only be equipped for living together in a way that will ensure the continued existence of our planet if they respect their fellow human beings, feel responsibility for the whole living as well as inanimate world.

2. Religious Education in Germany[77]

Germany is a secular state. It is impartial, neutral about religion and world views. The basic constitution guarantees freedom of religion in two ways: freedom *from* re-

---

[76] This and the following see J. Lähnemann (ed.): The role of interreligious education in overcoming fear and building trust. Peace Education Standing Commission (PESC) of Religions for Peace (RfP) Nürnberg 2015, 2.

[77] P. Schreiner: Religious Education in Germany. In: Lähnemann/Schreiner, Interreligious and Values Education in Europe, 34-38, 34f. - See also M. Rothgangel / H.C. Ziebertz in cooperation with P. Klutz: Religious Education at Schools in Germany. In: M. Rothgangel / M. Jäggle / T. Schlag (eds.): Religious Educatin at Schools in Europe. Part 1: Central Europa. Vienna 2016, 115-148.

ligion (negative freedom of religion) and freedom *for* religion (positive freedom of religion). In the latter case the state is expected to provide space for religious activities, while also allowing individuals and religious communities to make a public expression of faith. Though Church and State are separate, there are elements of legal agreements that provide for co-operation in different areas. One such area is cooperation over Religious Education in schools,

RE is an ordinary subject in the school system. The framework for RE in state maintained schools is provided by the Basic Law. Article 4 guarantees the basic right to freedom of religion and worldviews as a decisive element of the democratic state. While maintaining neutrality in respect of religion and worldviews, the state is entrusted with the provision of space for the expression of religions and religious communities.

Article 7, chapter 3, defines RE as an 'ordinary school subject' that must be taught 'in accordance with the principles of the religious communities'. As a consequence, RE is both a task and an affair of the state like any other ordinary subject in the public education system. On the other hand, in most states the attainment targets, the content of teaching, accreditation of RE teachers and the textbooks are the responsibility of the religious communities. This co-operation between the state and religious communities does not affect the principle that all school education is subject to the authority of the *Länder*, while RE has also to follow the fundamental objectives of schooling defined by general legal requirements. In the great majority this means Catholic and Protestant Religious Education (the majority of the German population is Catholic or Protestant). In some cities there is Jewish and Orthodox RE. In many of the federal states ethical education is instituted as a substitute or alternative subject. Catholic as well as Protestant churches are open for interreligious learning and cooperation within the confessional RE and for "outdoor schooling" in visiting sacred buildings and religious institutions. Syllabuses are mostly developed on a "neighbourhood" basis with the religious and ethical subject. For RE teachers training at university level is the normal standard.

The need to establish Islamic RE for more than 700.000 Islamic pupils in public schools is a central issue. Islamic RE should achieve the same educational standards as existing forms of Christian RE. As yet there is there are ongoing discussions on how Islamic communities can be legally organized so as to become accepted collaborators with the state in respect of RE. Chairs have been established in some universities (Erlangen-Nürnberg, Tübingen, Frankfurt a.M., Gießen, Münster, Osnabrück,) to provide academic training for Islamic RE teachers. A point of discussion among the many and differently shaped Islamic communities is the issue of how to co-operate in the preparation of a curriculum. The Protestant Church in Germany *(EKD*) has clearly spoken out in favour of equal access for non-Christian religions, especially in the case of Islamic RE.[78]

[78] Ibid. 37.

3. The European Context

There is a general tendency not to leave RE only to the religious communities or to private initiatives. Religion is increasingly seen as a field for public discourse and public learning.

In the north-west and north of Europe RE is dominantly multi-religious/non-confessional (England/Wales/Scotland, Norway, Sweden). Also in countries with a strong confessional tradition (Ireland, Iceland) there is much space for multi-religious learning. In the south and east we have predominantly confessional RE and – traditionally – little information about other religions. But there are examples of a lively discussion to incorporate more elements of interreligious learning (e.g. Turkey and Greece). In the central Europe (especially the German-speaking countries) we find a mixture of confessional and nonconfessional approaches.[79]

An actual summary about the developments of RE in Europe can be found in the Council of Europe's book *Signposts—Policy and practice for teaching about religions and non-religious world views in intercultural education*, with recommendations for the policies in the member states.[80] A chapter of special interest is how to link schools to wider communities and organizations. Robert Jackson gives a short description[81]:

Signposts illustrates a number of themes, such as providing examples of how schools can build educational links with religious and other communities, including the organisation of visits to religious buildings, and of the role of members of religious and belief groups in giving moderated talks about their communities in schools, in which the role of the speaker is to inform (often through personal stories) and not to proselytise. The use of visitors from various communities as speakers in schools is discussed, including an example of partnerships between secondary schools and primary schools, in which older secondary students are trained to give information about their own faith or world view. An account of the use of ethnographic methods on outside visits in order to maximize students' understanding of others' religious language, symbols and experiences is given.

2 examples of promoting religious and interreligious learning may illustrate these ideas:

1. The institution of ***Standing Advisory Councils on Religious Education*** **(SACRES)** in the counties of England. These are "round tables" gathering representatives of different religious communities, teachers, school administration and parents. They examine the syllabuses, the textbooks and other teaching material, discuss problems (for example, ways of providing school worship in a multi-religious context) and

---

79 Lähnemann/Schreiner 5f.

80 Signposts - Policy and practice for teaching about religions and non-religious world views in intercultural education. Council of Europe. Strasbourg 2014.

81 R. Jackson: Inclusive study of religions and world views in schools: Signposts from the Council of Europe. Council of Europe Publishing. Strasbourg 2016, 12-13.

give ideas and inspirations for encounters in school life. Especially in England, with its relatively long tradition of multi-religious education, important research has been carried out in this field, and valuable educational material has been developed for teaching about other religions than one's own.[82]

2. Starting in Tübingen, Germany, the ***Global Ethic Project***, initiated by Hans Küng, has developed into a manifold way of inspiration for interreligious and ethical learning in Germany as well as abroad. It is based on the fundamental insights of the "Declaration Toward a Global Ethic": the Golden Rule—*What you do not wish done to yourself, do not do to others*, or, in positive terms: *What you wish done to yourself, do to others!* and the four "Irrevocable Directives" which are taken from the Decalogue, in the tradition of the monotheistic religions Judaism, Christianity and Islam and the obligations of a lay Buddhist in a positive way: *1. Commitment to a culture of non-violence and respect for life, 2. Commitment to a culture of solidarity and a just economic order, 3. Commitment to a culture of tolerance and a life of truthfulness, 4. Commitment to a culture of equal rights and partnership between men and women.*

Right from its inception, the *Global Ethic Foundation* has consistently attempted to make the substance of its work accessible to teachers. Working together with teachers from many different types of schools who teach many different subjects, and often after consultation with and support from university educationalists, it has developed and field-tested many different projects, materials and instruments for everyday pedagogical use.[83]

4. Interreligious Textbook Development:

A. Proposal for Standards

The following standards are elaborated by an international and interreligious group of scholars[84].

They are based on the experience of the research project "The representation of Christianity in textbooks of countries with an Islamic tradition"[85]

They are possible guidelines for author teams and publishers, for education author-

---

[82] See: www.manchester.gov.uk/info/100005/schools_education_and_childcare/7125/the_standing_advisory_council_on_religious_education_sacre.

[83] S. Schlensog: A global ethic as a "pedagogical" project. In. Lähnemann, The role of interreligious education in overcoming fear and building trust, 9-14, 11.

[84] They are published in M. L. Pirner/J. Lähnemann (eds.): Media Power and Religions. The Challenge Facing Intercultural Dialogue and Learning. Frankfurt/M. 2013, 147-159.

[85] K. Hock/J. Lähnemann (Ed.): Die Darstellung des Christentums in Schulbüchern islamisch geprägter. Länder. Hamburg 2005; I. W. Reiss: Ägypten und Palästina. = Pädagogische Beiträge zur Kulturbegegnung Bd. 21; II. P. Bartsch: Türkei und Iran. = Pädagogische Beiträge zur Kulturbegegnung Bd. 22; Cf. Christianity in Islamic Textbooks. Panorama 16 (2004/2005), 105-119; K. Hock/ J. Lähnemann/ W. Reiss: Schulbuchforschung im Dialog. Das Christentum in Schulbüchern islamisch geprägter Länder. Frankfurt 2006. = Beiheft der Zeitschrift für Mission 5.

ities and curriculum planners. The Standards show how interreligious issues should be handled in curriculum and textbook design.

To achieve this we envisage issues and tasks under eight headings:

1) an authentic, professionally sound portrayal of the religions,

2) developing a dialogue orientated interpretation of religion and belief,

3) portraying the religions and their importance in the lives of real people,

4) how history is to be handled,

5) dealing with religions' cultural heritage and their contextuality,

6) the controversial issue of attitudes to the phenomenon of mission, to religious freedom and tolerance,

7) mutual understanding in the field of ethics,

8) the life conditions of the students and their relevance for religious learning and

9) pedagogical and media didactic approaches which accept the students as independent partners in the learning processes.

First we summarise the need for each heading and the tasks involved; we then describe the respective problem areas, and finally we set out the Standards to be achieved.[86]

1) Portraying the religions in an authentic, professionally sound way

For this **Standard** textbook authors should have access to professionally sound sources from the religions in question, backed up by reliable religious scholarship.

Care should be taken to consider the religious communities in the round; not through individual unconnected characteristics, but through their religious beliefs, fundamental views on the coherence of life, their teachings, rituals, social structures and ethics. However, differences within a religious tradition should be addressed accurately and sensitively.

Authenticity has an additional meaning: that expert adherents of each religion are actively involved in the process of correcting, supplementing, even writing. This calls for interreligious and interdisciplinary cooperation for which religious studies and educational sciences are of special relevance.

Besides this there should be professionally sound interdisciplinary collaboration, and coordination between religious education, moral education and other subjects (history, geography and social sciences, musical and language teaching …) whose textbooks touch on aspects of religion. A task of this complexity calls for a careful division of labour among the subject areas, a clear overall didactic plan reflecting current

[86] For positive examples in new texbooks cf. the textbook research contributions of the IXth Nuremberg Forum – in J. Lähnemann (ed.): Visionen wahr machen. Interreligiöse Bildung auf dem Prüfstand. Hamburg 2007, 490-513.

research into teaching and learning with special consideration for the continuity of learning from one age group to the next aiming at the competence to be able to deal with different world views.

2) Developing a dialogue orientated interpretation of religion and belief

Here the **Standard** must be to link the writing of school textbooks to the fundamental work of theological reflection in the religions as well as to religious studies research and encouragement to explore original texts.

This requires a challenging core conceptual framework for the religions in which textbook writers participate without undue obstacles to comprehension. The educational task is thus accepted as a valid component of, and is embedded in, theological and religious studies work. Interpreting the fundamental texts and traditions of other religions is a way of engaging openly with the content of other religious traditions. The aim should be to think in terms of interconnection (Karl-Josef Kuschel[87]), not separation, nor unilateral confrontation or harmonisation. In this way what unifies, or differs in emphasis or is contradictory, becomes apparent; as do mutual influences and stimuli. To present points of view which one does not share respectfully and in their contexts is especially challenging (for example, the view of Jesus in the New Testament tradition and in the Qur'an, or the world view in Judaism, Christianity and Islam compared with Buddhism and Hinduism).

3) Portraying the religions and their importance in the lives of real people

This **Standard** should illustrate the "Sitze im Leben" (the sociological setting) of a religion or its components through vivid, concrete examples of real, average – preferably young – people.[88] In this way individual differences can be seen, as well as the diversity of ways in which a religion is practised. This would counteract the difficult issue of textbooks which portray religion as a fixed and rigid structure, incapable of renewal or change.

4) Conveying a differentiated view of history

This **Standard** should allow the cultural achievements and cross-fertilisation of the religions to be duly acknowledged, without ignoring the history of conflict ("the Crusades", "the Turks at the Gates of Vienna"). For this sources should be used with great care, and views accommodate a shift in perspective.[89] Writing teams should consult historians from the religious communities as well as secular historians in order to avoid

---

87 K.-J. Kuschel: Juden – Christen – Muslime. Herkunft und Zukunft. Düsseldorf (Patmos) 2007.

88 The principle of "personalization" can be helpful: using ideal-typical figures from other faiths in order to illuminate the different self-understandings found there, thus establishing a meeting-point which helps pupils to grasp what the lesson is all about. Cf. W. Haußmann: 'Walking in other People's Moccasins'? Openness to other religions in confessional religious education: possibilities and limits. BJRE Volume 13 No 2 Spring 1993.

89 Cf. Hj. Biener: Herausforderungen zu einer multiperspektivischen Schulbucharbeit. Eine exemplarische Analyse am Beispiel der Berücksichtigung des Islam in Religions-, Ethik- und

sweeping historical generalisations, too often the tinder that has ignited new conflicts. In this way a living and differentiated view of history can emerge.

5) Taking account of the cultural heritage and contextuality of the religious communities

For this **Standard** textbooks should incorporate the formative cultural and social effects of the different religions, especially of a country's own minorities. This includes perceptions of the life of faith and spiritual forms of expression and their relevance to the direction of one's life; also awareness of education and science and of social and charitable activities.

6) Dealing openly with the topical issues of mission, tolerance and interreligious dialogue

For this **Standard,** future textbooks, as well as describing the religions' different messages of salvation, should contain the history of interreligious dialogue and interreligious encounter, the ground-breaking signs and declarations.[90] There are the prayers for peace in Assisi or on Mount Hiei in Japan, the "Parliament of the World's Religions" and its Declaration Towards a Global Ethic (1993), the international movement "Religions for Peace", and last but not least, local initiatives such as meeting centres, dialogue weeks, prayers and meditations for peace. Any of these may serve as examples in school textbooks.

7) Finding common ground in ethics

This **Standard** should aim to provide school textbooks with the core ethical beliefs common to the religions – while respecting the different foundations. The declaration for a global ethic would be a helpful guide here because the ethical commandments of the Decalogue and the lay Buddhist obligations are expressed as positive aspirations. They also extend beyond the individual, addressing aspects of society, ecology and communication.[91]

8) The life conditions of the students and their relevance for religious learning

Geschichtsbüchern. Hamburg 2007. = Pädagogische Beiträge zur Kulturbegegnung Bd. 25.

[90] One measure, and not only for Christians and Muslims, was provided by the Chambésy Declaration by the World Council of Churches in 1976. This states that, "Muslims as much as Christians have an absolute right to persuade and to be persuaded, to live by their faith, and to organise their religious life in accordance with their religious duties and principles". (It was endorsed at a meeting with the World Muslim Congress in Colombo 1982). The present day dialogue is inspired by the Amman Interfaith message (http://ammanmessage.com) and the letter of 138 Muslim representatives to Christian leaders of 13.07.2007 (www.acommonword.com).

[91] These are the four commitments 1) to a culture of non-violence and respect for all life (not only "You shall not kill"); 2) to a culture of solidarity and a just economic order (not just "You shall not steal); 3) to a culture of tolerance and truthfulness (not just "You shall not bear false witness); 4) to a culture of partnership and equal rights between men and women (not just "You shall not commit adultery"). These directives should not be seen as a fixed codex; they should be the start for a learning process which inspires responsible action in personal as well as in social life.

It should be a **standard** for textbooks writers to take the lead from children and adolescents with their interests, their searching for guidance, for meaning in life, belief and responsibility of behaviour. Encounter with the world of the religions should promote a culture of questioning among the students, fostering their curiosity, learning about symbols, empathy, but also their ability to think critically and with discrimination. Many of the central interpretations for life are found in the world's religions; leading figures as role models, stories, pictures, rituals and ceremonies and social activities – all are capable of vivid, stimulating presentation in textbooks. As far as possible textbooks should also deal with the "religion of children and young people"; in other words, students should be shown young people with whom they can identify.

9) Portraying religions vividly and age-appropriately

For this **Standard** the topic of the religions should be handled in a structured way appropriate to the age group: from simple explanations familiar to the children's own experiences to wider contexts. Equal attention should be given to the cognitive, existential and social learning outcomes. Students should be introduced to learning through encounter, an opportunity now widely available, and to the cultural manifestations and achievements of the religions. Though it is ideal if the other is an explicit interlocutor, at least textbooks make it possible to get to know the other as implicit interlocutor. Where direct conversation is not feasible, there are stories, biographies and experiences narrated first-hand.

Finally, the extra-curricular life of the school can include festivals, arts events and partnerships beyond the school itself.

School textbooks can initiate and inform, but putting the ideas into practice depends heavily on the skills of the teachers. Essential background knowledge and contexts should be clarified in authoritative teacher handbooks.

It is important that the encounter with the world of religions is open in such a way that teachers as well as students are not forced to accept a special religious viewpoint. The multiplicity of perspectives offered in the religious traditions, but also the critical view from outside should be guaranteed, and so encourage vivid, enriching and also critical learning.

In conclusion, the Standards proposed here may be regarded not only as suitable guidelines for future school textbook design for interreligious learning, but may also be applied to textbook research and the evaluation of new textbooks.

Education or Governance? The Cost of Preventing Radicalization

Francois Burgat
Ph.D., Senior Researcher,
the French National Centre for Scientific Researches,
Marseille, France

Brief remarks on addressing radicalisation: “islamic reform” or improved governance?

Adressing the issue of “radical ideologies” by mean of trying to “prohibit them” ought not be considered the alpha-omega of our struggle against “radicalisation”. Such a strategy is indeed of very limited effectiveness if one is not concerned at the same time to identify and deal with the various dysfunctions of the «living together» - national and international - which make these ideologies (both divisive and sectarian) attractive to the eyes of some of our fellow citizens.

If I had to summarize the appreciation of our (western) global anti-terrorism policy, I would say that it has somehow given all of Europe, the US and the Muslim world the means to make the action of terrorist candidates more difficult. But it also has, at the same time, helped to increase the number of potential followers of this option.

Let us summarize the direction of these policies, in the Muslim world as well as inside Western societies. In the Muslim world, in Irak, Syria or elsewhere, the content of the Western response has been first and foremost “warlike”. It has certainly allowed to inflict - at a very high cost of “collateral damages” - significant losses on the «Islamic State» which has been expelled of most of the land base it had managed a time to sanctuarize. But this victory is only «military» and not political. It means that - from Mosul to Raqqa or Alep - no credible alternative has been proposed to the citizens of the regions blindly crushed under the bombs of the coalition. Rightly or wrongly, the reasons/motives for fighting among Daesh supporters have thus largely survived.

In Western societies this time, capacities of observation, surveillance and arrest of the players susceptible to resort to the violent action in the name of the solidarity with their Eastern co-religionists or of what I have named the «globalization of resentment» have indeed been considerably increased. The results of this double effort are certainly not negligible.

On the other hand, when it comes to questioning the reasons for the misunderstanding gap from which the trajectories of violent radicalization emerge, not only have we not progressed but we have obviously worsened suspicion and misunderstanding of the problem with this fringe of the Muslim world that confronts us by arms. In the West, we certainly know how to condemn «radical ideologies» but we are blindly unable to question the reasons that make these ideologies ... attractive. Western elites refuse to

see that they are directly - and massively - involved in the deep dysfunctions of political representation that feed the trajectories of radicalization. From Sissi's Egypt to Saudi Arabia's MBS or Haftar's Libya, Westerners have fallen back into the trap of active collusion with the most repressive powers. Under the pretext of "fighting terrorism, they are closely associated to repressive policies criminalysing the main trend of moderate oppositions such as Muslim Brotherhood.

And the "identity retreat" initiated by the European extreme or not extreme rights, now largely relayed by almost all components of the political spectrum (including left) maintains and fuels an atmosphere of widespread suspicion against Muslims. Active participation in the mechanisms of the radicalization of an activist fringe is therefore «dual», depending on whether the actors concerned belong to the Oriental Theater (Egyptians, Syrians, etc.) or Western (French or Belgian etc). But in both cases, the first spring - the marginalization / stigmatization of a segment of the social body - is the same.

It is presently very difficult to be optimistic and to consider that Western repressive efforts have made it possible to turn the page of the threat of «jihadist terrorism» that, in many ways, they have only contributed to fuel . There is, therefore, from my point of view, no analytic impossibility to see the jihadist occurrences continue in the near future.

Islamic Education in a Secular State – the German Example

Tuğba Işık,
Associate Prof. Dr.
Department for Islamic Religious Education
Institute of Islamic Theology, Paderborn University,
Paderborn, Germany

This paper describes the establishment of two crucial learning places of Islamic Education: Islamic Theology at Universities and Islamic Religious Education in German public schools. At the same time the legal requirements needed in the secular state Germany are referred as well.

1. Islamic Religious Communities and their position according to German Constitutional Law

Germany is a secular state but state and religion are in a cooperative and supportive relationship. The separation of religion and state power is one of the indispensable foundations of state order in Germany. Moreover, the secular state has the claim to treat all religions equally, regardless of whether a religion has historically grown in Germany or not. This form of cooperation and mutual support of state and religious communities is the product of a long historical process. Thus, the German state acts in a religiously and ideologically neutral manner. Secularity does not mean being hostile to religion. From the perspective of law, it only describes the separation of religions from the exercise of state power. Conversely, the secular state should not interfere in internal religious debates or adopt religious beliefs.

In the context of institutionalization of Islam in Germany, which is promoted by the German state, the development of Islamic Theology as a scientific subject at German universities was a main discussion point. Additionally, Germany was looking back to a long time of pilot projects about teaching about Islam ("Islamkunde") at public schools. Therefore, Islamic Religious Education (termed IRE) became a main discussion point in the context of institutionalization as well.

In Germany freedom of religion is guaranteed by article 4 GG (Basic Constitutional law) and according to article 7, sentence 3 GG "Religious instruction shall form part of the regular curriculum in state schools (...). Without prejudice to the state's right of supervision, religious instruction shall be given in accordance with the tenets of the religious community concerned." Based on the Law there is, therefore, a need for an Islamic religious community that can set the "tenets" of its faith. Hence, the German state can stand up an Islamic religious community by the status of public corporation and grant it rights and privileges. The secular state will pay attention to the Islamic religious community positively promoting the values of a liberal society. Therefore, the

German state is not rushing to grant the status of an Islamic religious community. So far, the Ahmadiyya Muslim Community is the only legally recognized community in the federal state Hessen, and became corporate body under public law ("Körperschaft des öffentlichen Rechts") in 2013.

It is for individual states within Germany to grant organizations this status. Recognition is based on having a certain number of members, a guarantee of permanence or offering religious services and further criteria. If a German federal state wants to offer Islamic Religious Education, they need an appropriate partner for the project. To start teaching any teacher of religion, who studied Islamic theology at university or a newly appointed professor in Islamic theology would need permission from an appropriate partner of the state. This permission is like an approval of his religious faith. Islamic Communities call this permission "ijaza," which is analogous to the "nihil obstat" ("nothing stands in the way") permission of the Catholic Church that approves the religious faith of an individual becoming a teacher of religion or a professor in Catholic Theology.

Some federal states have set up Centers for Islamic Theology with the support of the German state and have or are starting IRE at public schools. Therefore, as an alternative to a legally non-recognized Islamic Communities, each Ministry of Education has set up an advisory commission for these projects to see them through.

2. Development of Religious Education Possibilities

2.1. Islamic Theology Faculties

Centers for Islamic Theology were set up at the universities of Munster, Osnabruck, Frankfurt am Main, Tubingen, Erlangen-Nuremberg, and Gießen. The Federal Ministry for Education and Research has provided them with more than 20 million Euros of funding in the past 5 years. We are now in the second funding phase in which Paderborn University and Humboldt Berlin University will also join the fund.

These faculties have taken a practical approach towards training Muslim religious teachers, training theologians, conducting research into Islam and fostering interfaith dialogue. Islamic Theology as a scientific and academic discipline means following scientific standards of academic research, producing knowledge according to these standards, and engaging with other disciplines. Sociology, Education, other Theologies, Psychology and Philosophy are the disciplines to engage with. Theology as a part of higher education academic discipline has to consider current research results of these disciplines and is supposed to lead society, strengthen ties with the past, seek explanations and solutions to current problems and produce guidelines for future investigation through multi and interdisciplinary discourse.

Theology at a university is different from classical education delivered mostly in madāris in terms of the content of the specific theological topics, the methodologies employed and the teaching methods used. Both Madaris and Islamic Theology Centers

face a multitude of challenges in preparing students for life in rapidly modernizing societies and emerging globalized knowledge economies. The madrasa, as a place of educating legislators, practitioners of law, judges and muftis, became supplementary institutions to protect and maintain a specific order. In a modernized world in which societies and political structures are changing, the question has to be asked: for which order or society are these Madāris educating students?

Islamic Theology as an academic discipline needs firstly to define its canon and secondly to modify it according to its own study programs. Thirdly, it has to take academic standards as reference points to acquire religious knowledge.

2.2. Current Study Programs

a. Islamic Theology

At each Center, there are different and common study programs. The classical study program (for Bachelor) covers the classical canon and introduction to each subject. These are Kalām (Systematic Theology), Qur'anic Exegesis, Hadith, Islamic Law (sources and methodology of law, history of law), Islamic History, Islamic Philosophy, Ethics, Mysticism, and Arabic Language.

In the Master programs, there are some specifics available like Islamic Theology in the European Context, or Practical Islamic Theology for Chaplaincy.

For instance: The Master's course, "Practical Islamic Theology for Chaplaincy and Social Work", offers students the opportunity to acquire a well-grounded learning experience in both the theoretical as well as practical aspects of the emerging field of Islamic Chaplaincy. As a flagship program in Germany, it stresses both interdisciplinary and interreligious approaches to help train future chaplains for their much needed roles within the diverse social and cosmopolitan contexts of 21st century Europe. Prioritising a thorough grounding in Islamic Theology and faith-based approaches to chaplaincy and social care, the Masters provides a broad menu of work options through its tailor made internship programs. These includes, though are not limited to, chaplaincy in hospitals, prisons, work with refugees, youth, counselling etc. In each case, these intend to serve the added benefit of broadening the pastoral range of students and their exposure to both the plethora of social needs and demands of their communities. In addition to these features the program is dedicated to academic excellence and provides students with the opportunity to write a dissertation towards further academic research.

b. Religious Education Studies

Religious Education ("Religionspädagogik") as an academic discipline of higher education is a very young discipline in Germany and a field in an early stage of development. It emerged as a requirement during the establishment of Islamic Theology faculties. Religious education studies pursue their own form of theological expertise, for several reasons. One is that students, according to every current RE curriculum, should be trained to develop theological competences: They should be enabled to

follow rules to arrive at a religious interpretation of the world, and to position themselves as religious subjects in relation to the world, furthermore they should also be enabled to position themselves in relation to the traditional contents of the religion. Another argument for the specific theological expertise of Islamic religious education studies is found in the fact that, even in the current literature on Islamic religious pedagogy, the RE teachers are regarded as the persons bearing the ultimate religious and pedagogic responsibility as their right and duty. They cannot hide behind their state remit, Holy Scripture or a religious institution, but should step forward as individuals representing their religion within the otherwise religion-neutral canon of subjects. This requires from them a personal religious orientation and, consequently, considerable knowledge, competences, skills and dispositions, even before they enter the classroom.

Religious Education is the main discipline that is related to practical areas requiring especially specific teaching methods like in Teacher Training Programs, or Imam Training Programs, or chaplaincy, or Social Welfare Work, or Community Work.

c. Excursion: Imam Training Program

Fostering a generation of German-schooled imams is the central aim of an Islamic Theology initiative. Plans to educate imams at universities have been hard to develop. None of the established Islamic Theology Centers is fully scientifically equipped. An Imam Training program is firstly based on a foundation which is a fully Islamic Theology Study program. Secondly the education should be related to a discipline like Sociology and Psychology which should make it possible to get to know the clientele an Imam has to give services to and to deal with. Thirdly, Imam Training is specializes in performative aspects like recitation, leading a prayer and delivering services in a mosque. Especially for this performative dimension the Imam Training needs to have an internship program in a mosque. Therefore, cooperation between an Islamic Community and a Center of Islamic Theology is required and till now has not occurred. However, the crucial question is: Would an Islamic community hire a young imam trained here in Germany?

The illustration is intended to give a rough idea of the important building modules an Imam education program needs.

So far, there are no Imam training programs at German universities. There was a temporary course of Further Imam training at the University of Osnabrück, which has now expired. This training program provided information about Germany and its social as well as political structure rather than religious skills.

2.3. Islamic Religious Education at Public Schools

Efforts and approaches towards the establishment of IRE in state schools date back to the late 1970s. In the meantime, various models of Islamic education have been piloted in school experiments in most of the federal states.

With the growing number of Muslims in Germany, several states have introduced regular Islamic education for their Muslim public school pupils. The courses need university trained teachers. Based on this fact several universities started offering teacher training programs in Islam at their Islamic Theology Centers, in the first place.

In Germany, religious communities lay down the foundations for religious instruction, as authorities of their faith. The state, which should be ideologically neutral, does not have the power to do so. Officially recognized religious communities may enter into cooperation with the state. And although the nature of this cooperation varies, recognized Islamic communities can cooperate with the state and provide IRE within the school system. Despite the absence of recognized Islamic communities (the only exception is the federal state Hessen), IRE pilot projects have been organized in Baden-Württemberg, Bavaria, Lower Saxony, North Rhine-Westphalia, Rhineland-Palatinate, and Schleswig-Holstein. In these states, advisory boards comprised of representatives of non-recognized Islamic communities have been formed to determine IRE content.

Now in Germany many public schools teach Islam to Muslims as a subject within a broader religious curriculum. According to the German constitution parents are granted the right to have their children educated according to their own religious tradition.

At present, a distinction is made between denominational and non-denominational IRE trials in schools. Non-denominational religious education teaches pupils neutral facts about religion, whereas denominational instruction is directed "towards religion" by teachers who belong to it. For a long time, neither approach has been consistent with (Islamic) religious instruction in the spirit of Article 7 para. 3 of the German Constitution, which lays the foundation for religious instruction in schools. Muslims are taught Islam in a confessional manner. In certain federal states Islamic religious education called "Islamischer Religionsunterricht" is therefore offered.

A possible way to categorize religious education is by identifying whether it provides education in, education about or education from religion. Education in religion introduces the pupil to a specific religious tradition; the purpose is to promote the pupil's personal, moral and spiritual development and to build religious identity within a particular tradition. Many confessional approaches emphasize learning in religion, which means learning how to live in accordance with specific religious tenets, beliefs and practices. Education about religion promotes a more or less academic and detached examination of the tenets, beliefs and practices of various religious traditions and deals with questions that are generally broached within the discipline known as Study of Religions, History and Sociology. Education from religion is said to take the personal experience of the pupil as its principal point of departure. The idea is to enhance the pupil's capacity to reflect upon important questions of life and provide her with the opportunity to develop her own responses to major moral and religious problems – i.e., to learn from different religious traditions and outlooks of life.

In this digital age, where knowledge is immediately accessible via internet, it is more necessary that young people especially are taught at school and gain personal and religious skills/competences to acknowledge fanatical and extreme orientations and interpretations of religion.

Ислам өлкөлөрүндө билим алып келген Кыргызстандык жаштардын Ислам динин баалуулуктарын калыптандыруудагы орду

Асан Ормушев,
Тарых илимдеринин доктору,
Эл аралык Кувейт университетинин ректору
Бишкек, Кыргызстан

Кыргыз Республикасы эгемендүүлүк алган мезгилден баштап коомчулукка дин тутууга болгон эркиндик мыйзамдуу жол менен бекемделгенденбаштап мусулмандар арасында ислам динине болгон ишенимдер өнүгүүгө багыт алган.

Кыргыз Республикасынын Конституциясынын 32-беренесинин3 бөлүгүндө:“Ар ким диндик жана башка ишенимдерди эркин тандоого жана тутууга укуктуу”[1] – деген негизге таянып Кыргызстанда диний уюмдар түзүлүп, өз ишмердүүлүгүн баштаган.Өлкөбүздө жашаган калктын көпчүлүк бөлүгү эки негизги динге ишеним көрсөтүп аны бекем тутууга аракеттенишет. Анын *биринчиси суний исламы* (ханафий-мазхабы), ал эми экинчиси *христиан православдар*. Ханафий мазхабын жергиликтүү мусулмандар (кыргыз, өзбек, казак, татар, дунган, тажик, уйгур, башкыр, түрк ж.б.) байыртадан бери атадан-балага өткөн салттуу дин катары тутуп калган. Ислам дининдеги бул мазхаб улуттук каада-салттарды исламдын баалуулуктарына карама-каршы койбостон, анын диний амалдары жергиликтүү үрп-адаттын эрежелерин кошумчалап, толуктап турганы менен баалуу болуп эсептелет. Ошондуктан ислам динине болгон кызыгуу көпчүлүктүн колдоосуна ээ болуп жер-жерлерде мечиттер, медреселер курула баштаган. Кыргыз Республикасынын дин иштер боюнча мамлекеттик комиссиясынын 2005-жылдагы маалыматы боюнча өлкөдө 2814 диний уюмдар катталса, анын 2422 ислам динин туткандар болсо, 380 христиан динине ишеним жасагандар (мындан башка 1 буддистик, 1иудаисттик, 12 бахаилик коомдор ж.б. каттоодон өткөн) [2].

“Кыргыз Республикасынын дин тутуу эркиндиги жана диний уюмдары жөнүндө”мыйзамынын 1-беренесинде:“Ушул Мыйзам Кыргыз Республикасынын Конституциясында жана Кыргыз Республикасы ратификациялаган эл аралык келишимдерде” аныкталган адамдын дин тутуу эркиндигинин укуктарын камсыз кылууга, ошондой эле *диний иш-аракеттердижүргүзүү боюнча маселелерди жөнгө салууга, диний уюмдардын укуктук абалын*, Кыргыз Республикасындагы чет өлкөлүк диний уюмдардын миссияларын белгилөөгө багытталган”[3]- деп баса белгиленген.

Мына ушундай кырдаалда диний билим берүүчү медреселер жана институт-

тар ачылган. Бүгүнкү күндө Кыргыз Республикасынын аймагында ислам динин окуп үйрөнүүгө аракеттенген 200гө жакын окуу жайлар бар. Алардын ичинде Кыргызстандагы Ислам университети, 10дон ашык ислам институттары, 100дөн ашык медреселер, куран окутуучу курстар иш жүргүзүүдө [4]. Мындан сырткары мамлекеттик окуу жайларда, дин таануу сабактарын өзүнө камтыган теоологиялык бөлүмдөр, курстар, факультеттер ачылган. Буга Ош мамлекеттик университети, Чыгыш таануу институту, Арашан теология факультети, Кыргыз-Түрк Манас университети жана И.Арабаев атындагы мамлекеттик университеттериндеги теология факультеттери кирет.Ошол эле учурда Ислам өлкөлөрүндөгү окуу жайларга барып билим алууга кызыкдар адамдардын саны көбөйө баштаган.

“2014-2020-жылдарга Кыргыз Республикасынын диний чөйрөдөгү мамлекеттик саясатынын Концепциясында: “Борбордук Азия элдеринин салттуу түрдө тутунган *ханафий мазхабы* өзүнүн диний сабырдуулукту тутунгандыгынын натыйжасында *ислам баалуулуктарын улуттук салттарга жана каадаларга карама-каршы койбогондугу*, мамлекет менен өнөктөштүктү өнүктүрүү үчүн идеологиялык негизге ээ болгондугу менен исламдын башка мазхабдарынан жана агымдарынан айырмаланып турат” деген жыйынтык чыгарган[5].

Андыктан бул илимий макалада Кыргыз Республикасынын Конституциясында, Мыйзамдарда жана мамлекеттин дин чөйрөсүнө арналган концепциясында көрсөтүлгөн багыттарга таянып Ислам өлкөлөрүнөн билим алып келген Кыргызстандык жаштардын *ислам дининин баалуулуктарын жайылтууда* салттуу диндин эрежелерин сактоодогу *ордун ачык көрсөтүүгө аракет жасалат*. Анткени коомчулуктун арасында Сауд Арабиядан, Кувейттен, Сириядан, Иорданиядан, Пакистандан жана Египет Араб Республикасынан, ислам багытында билим алып келген улан-кыздардын ислам дининен болгон көз караштарын ошол өздөрү окуп келген өлкөнүн диний түшүнүктөрүн, башкаларга таңуулайт деген пикирлер айтылып келүүдө. Бул жагдай боюнча Кыргыз Республикасынын дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясы тарабынан даярдалган усулдук колдонмодо төмөндөгүдөй баа берилген: “... Өз кезегинде чет өлкөлөрдүн окуу борборлорунан бүтүрүп келгендер, ошол жактагы өлкөнүн идеялогиясы менен менталитетинин таркатуучусу болуу менен бирге, кыргыз элине жат келген жашоо мүнөзүн, маданиятын, алардын кийимдерин жана жүрүш-турушунун үлгүсүн таратышууда” [6].

Бирок чындыгында алардын көпчүлүгү жергиликтүү мусулмандарга тиешелүү салттуу динди колдошуп ислам дининин баалуулуктарын кыргыз коомчулугуна таратуу багытында жигердүү иш-аракеттерди жүргүзүүдө. Бул багытта Египет Араб Республикасынан, Иордания Королдугунан, Сауд Арабия мамлекетинен жана Пакистан өлкөсүнөн ислам багытында билим алып келген жаштардын акыркы жылдары жүргүзгөн иш-аракеттери коомчулук тарабынан колдоого алынууда.

Өзгөчө Египет Араб Республикасынан билим алып келген жаш аалымдардын эл арасында уюштурган иштери мактоого татыйт.Мисалы, Египет Араб Республикасындагы «Аль-Азхар» университетин бүтүрүп келген Кыргызстандык жаш аалымдар тобу 2003-жылы«*Адеп башаты*» коомдук прогрессивдүү фондун түзүпКыргыз Республикасынын дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясынын каттоосунан мыйзамдуу түрдө өтүп өзүнүн ишин баштаган [7].

Жогоруда аталган мыйзамдын 18-беренесинин3 бөлүгүндө: "Мамлекет диний уюмдардын *кайрымдуулук иш-аракеттерине*, ошондой эле алардын коомдук мааниге ээ *маданий-агартуу программаларын жана иш-чараларын жүзөгө ашыруусуна көмөк жана колдоо көрсөтүшү мүмкүн*" [8] – деп көрсөтүлгөн. Мыйзамда белгилегендей «Адеп башаты» коомдук прогрессивдүү фонду ислам динин баалуулуктарын жаштарга жайылтууда бир нече багытта иш жүргүзүп келет.

Биринчиден окуучуларга, тарбиялык семинар жана тренингдер уюштурулуп, аларды илим-билимге кызыктыруу максатында ар кандай интеллектуалдык билим таймаштары адис мугалимдердин жетекчилигинде өткөрөт.

Экинчиден, ислам динин туура түшүндүрүү, анын ичинде салттуу динди тутуунун эрежелерин үйрөтүү багытында имамдардын диний билим деңгээлин жогорулатуу боюнча Кыргызстан Мусулмандар Диний Башкармалыгы менен бирдикте бардык облустарынын имамдарын бир айлык имамдык курстан өткөрүү тажрыйбасына ээ.

Үчүнчүдөн, бул фонддун мүчөлөрүнүн аракети менен жылга кайрымдуулук иш-чаралары тынымсыз өткөрүлөт. Мисалы, 2005-жылдан бериколунда бар, атуулдар менен бирге курман айтта курман чалуу ишин уюштуруп.Курмандыкка чалынган малдын эттери студенттерге, карылар үйүнө, балдар үйлөрүнө, жалпы муктаж болгон адамдарга таркатылып берилүүдө.

Төртүнчүдөн, фонддун билимдүү аалымдарынын демилгеси менен маданий маарекелик иш-чаралар тынымсыз өткөрүлүп келүүдө. Мисалга алсак, мусулмандардын Куранга болгон кызыгуусу менен сүйүүсү күчөгөнүнэске алып жыл сайын республикалык деңгээлде Курани Карим окуу боюнча конкурсу өткөрүлүп, жеңүүчүлөргө баалуу жана кызыктыруучу сыйлыктарыйгарылат. Ошондой эле Кыргызстан Ислам университети менен биргеликте диний китеп окуу конкурсун уюштуруп келет. Элдин диний маалыматын арттырууда мындай конкурстун салымы зор. Конкурстун жеңүүчүлөрүнө умра сапарына жолдомо жана акчалай сыйлыктар берилет.

Бешинчиден, учурда пайда болгон коомдогу көйгөйлөрдү талкууга алып, туура чечим кабыл алууда өлкөбүздөгү жана эл аралык диний уюмдар жана окумуштуулар менен илимий симпозиумдарды, семинарларды, дайыма жогорку деңгээлде өткөрүүсү менен айырмаланышууда жаш аалымдар калың элге мечит-

терде, жыйын залдарында, теле-радиодо, интернет булактарында диний сабактардыөтүшөт. Республикабыздын алыскы аймактарына диний маалыматтарды берүү үчүн атайын көчмө семинарлар уюштурушат. Бул иш-чаралар коомчулукта өзүнүн оң таасирин берүүдө [6].

Алардын жигердүү иш-аракеттери жалпы журтубуздун алкоосуна арзып, «Адеп башаты» фонду Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңеши тарабынан сыйлыкка татыктуу болгон. *Ал эми 2017-жылы Жылдын бренд мекемеси сыйлыгына татыган* [9].

“Аль-Азхар” университеттин ийгиликтүү бүтүрүп азыркы күндө Кыргыз Республикасында мусулмандар арасында ислам динининбаалуулуктарын таратууга зор салым кошкон инсандар жөнүндөгү маалыматтөмөнкү таблицада көрсөтүлгөн.

№ 1-таблица. Египет Араб Республикасынын “Аль-Азхар” университетин бүтүрүп азыр жигердүү иш жүргүзгөн инсандар

№	Аты-жөнү	Кызмат орду
	Абдышүкүр Нарматов	Кыргызстан мусулмандарынын Аалымдар Кеңешинин төрагасы, Кыргызстан Ислам университетинин ректору
	Марс Ибраев	Кыргызстан ислам университетинин проректору, докторант
	Мамбетасан Ибраев	Нарын облусунун казысы
	Замир Ракиев	Кыргызстан мусулмандар муфтисинин орун басары
	Нурлан Субанов	“Адеп башаты” коомдук уюмдун төрагасы
	Толкунбек Арсен уулу	“Жамгыр” басма үйүнүн жетекчиси
	Алтынбек Керимбеков	Ислам университетинин окутуучусу
	Алтынбек Жумалиев	“Кут билим” мектебинин мугалими
	Абдулатиф Жумабаев	Сауд Арабия мамлекетинде КР элчиси
	Жумадыл Мамажанов	Кыргыз Республикасынын дин компаниянын жооптуу кызматкери
	Равшанбек Акимбай уулу	Кыргызстан Ислам университетинин проректору
	Жыргалбек Ишеналы уулу	“Арчалы” медресенин директору

Египет Араб Республикасынын “Аль-Азхар” университетинде акыркы жылдары Кыргызстандан барып окуп жаткан улан-кыздардын саны болжол менен 500гө жакын. Кыргызстандан бул окуу жайга билим алуу үчүн барган жаштардын

көбү, анын билим берүүсүнүн сапатынын жогорку деңгээлине кызыгып барышат. Экинчиден университеттин аалымдары ислам дүйнөсүндө чоң кадыр-баркка ээ. Үчүнчүдөн, студенттердин билим алуу шарттары аларды толук канаттандырат. Алардын жатаканасы акысыз, тамак-аш жактан жардам берген камкорчулар бар[11].

Ошондуктан Египет Араб Республикасынан ислам дини боюнча билим алып келген инсандардын көпчүлүгү Кыргызстанда ислам динининин баалуулуктарын калыптандыруу багында жигердүү иштерди аткарууга аракеттенишет.

Кыргызстандын аймактарында ислам динининин баалуулуктарын коомчулукка кеңири таратууда *Иордания Королдугунда* жайгашкан мамлекеттик жана ислам динининин багытында билим берүүчү жогорку, орто жана атайын окуу жайлардын бүтүрүүчүлөрдүн ордун дагы белгилөөгө татыйт. Кыргызстандыктардын арасынан эң алгачкылардан болуп Иорданиянын борбор шаары Аммандагы мамлекеттик университетинин шарият бөлүмүн Совет бийлигинин учурунда ийгиликтүү бүтүргөн Кыргызстан мусулмандар жааматынын эң алгачкы муфтиси *Кимсанбай Ажы Абрахманов* болгон. Ал 1940-жылдын 10-июлунда Баткен районуна караштуу Жанабат айылында төрөлгөн. Орто мектепти бүтүргөн соң, Бухара шаарындагы "Мир-Араб" Ислам медресессинде окуп жаткан мезгилде, (1962-1966-жылдары) Согуш-деңиз флотунда аскердик кызматын өтөгөн. Медресени бүткөн соң, 1971-жылы Орто Азия жана Казакстан Диний Башкармасында "Советтик чыгыш мусулмандары" журналында иштеген. 1976-жылы Кимсанбай ажы Иордания Хашимия мамлекетиндеги Иордания университетинин шарият факультетине кирип, аны 1980-жылы бүтүрүп, Ислам шариятынын адиси деген дипломго ээ болгон. Ошол эле жылы Ташкент шаарындагы "Советтик чыгыш мусулмандары" журналында иштеген. 1987-1990-жылдары Орто Азия жана Казакстан мусулмандарынын Диний башкармасында Фатва бөлүмүнүн башчысынын орун басары болгон. 1990-1993-жылдары Кыргызстан мусулмандарынын казысынын кызматында. 1993-жылдын 22-августунда Кыргызстан мусулмандарынын 1-курултайы болуп, Орто Азия мусулмандарынын Диний башкармасынан бөлүнүп Кыргызстан өз алдынча Диний Башкарма түзүп, Кимсанбай ажы Абдрахмановду Кыргызстан Мусулмандарынын муфтийи деген жаңы даражага шайлаган. Ал кызматта 1997-жылдын 26-декабрына чейин иштеген. 1998-жылдан 2000-жылдын 8-апрелине чейин Бишкек шаарындагы "Махмуд Кашгарий" мечитинде имам хатып болуп иштеди. 2000-жылдын 8-апрелинен 2003-жылдын 10-августуна чейин Кимсанбай ажы экинчи жолу Кыргызстан Мусулмандарынын муфтийи болуп кызмат өтөгөн[12].

Иорданиядаислам багытындабилимбергенокуужайлардынбүтүрүүчүлөрүнүн дагы бири Кадыр Маликов. Ал Иорданиядан билим алып келип өзүн ислам аалымы катары көрсөтө алган экинчи адам. Кимсанбай ажы Абдрахмановдон кийин көп инсан барып билим алган бирок алардын көбү Кадыр Маликовко окшоп Кимсанбай

ажынын жолун жолдой алышкан жок. Ал 1997-2001-жылдары Иордания университетинин ислам укугу адистигибоюнчаокуган. 2001-2002-жылдары – Иорданияда Дин иштери боюнча министрликтин алдындагы жарандык, мусулмандык укуктар боюнча Сот корпусунун ассистенти болуп иштеген.2007-жылы Испанияда Мадриддик автономдук университетинде ислам изилдөөлөрү жана саясат таануу доктору болгон. 2005-2008-жылдары – Кыргыз-орус Славян университетинин астындагы Стратегиялык анализ жана прогноз институтунун ислам изилдөөлөрү боюнча ага эксперти болгон. 2006-2008-жылдары – Борбордук Азиядагы Америка университетинин Социалдык изилдөөлөр борборунда ислам изилдөөлөр тобун жетектеген.2009-2012-жылдары – Кыргыз Республикасынын Ички иштер министринин коомдук кеңешчиси болуп иштеген, ошол жылдан бери Кыргыз республикасынын президентинин алдындагы коомдук эксперттик кеңештин мүчөсү. 2008-жылдан азыркы учурга чейин “Дин, укуктук жана саясат” көз карандысыз аналитикалык борборунун директору[13].

Иорданиядан ислам дини багытында билим алып келген аалымдардын Кыргызстанда ислам динининбалуулуктары боюнча жүргүзүп жаткан иш аракеттерин иликтөө жүргүзүүдө төмөндөгүдөй маалыматтарды топтоого жетише алгандыгыбыз жөнүндө төмөнкү таблицада көрсөтүлгөн.

№ 2-таблица. Иордания мамлекетиндеги окуу жайлардан билим алып келип Кыргызстанда иштеп жатышат

№	Аты-жөнү	Кызмат орду
	Кимсанбай ажыАбдрахман	М.Кашгари мечитинде имам
	Кадыр Маликов	“Дин, укуктук жана саясат” көз карандысыз аналитикалык борборунун директору
	Данияр Мурадилов	Дин багытында эксперт
	Сабырбек Мурадилов	“Арашан” факультетинин мугалими, доктор

Сауд Арабия Падышалыгында ислам дини жана шарият мамлекеттин идеологиясы, мыйзамдары, башкаруу системасы жүргүзөт. Сауд Арабияда 28 жогорку окуу жай, 24 миң мектеп жана ар кандай колледждер бар, ар бир окуу жайдын билим берүү программасынын өзөгүн Исламды таануу түзөт. Сауд Арабияда ислам дүйнөсүнө белгилүү “Умм-аль-Кура”, “Имам Мухаммед бен Сауд”, “Король Сауд”, “Король Абдель Азиз”, “Касым” жана “Жидда” университеттери билим берет.

Сауд Арабиянын Мекке шаарындагы “Умм аль-Кура” университети 1949-жылы шарият колледжи катары түзүлүпөлкөдөгү эң алгачкы окуу жай болгон. 1981-жылыпадышалыктын буйругу менен бир нече колледждер бириктирилип, аталган университет түзүлгөн.

Кыргыз Республикасынын дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясынын

маалыматында Сауд Арабиянын окуу жайларынан кыргызстандык улан-кыздар бүтүп келишкенин тастыктайт. Алардын көпчүлүгү бүгүнкү күндө Кыргызстанда ислам динин өнүктүрүүдө зор салымдарын кошууда. Ошолордун кээ бирөөлөрүн төмөндөгү таблицада көрсөтүүгө аракеттендик.

№ 3-таблица. Сауд Арабия падышачылыгындагы окуу жайлардан билим алып келген кыргызстандыктардын ислам баалуулуктарын жайылтуу багытында иш алып баргандардын тизмеси

Мекке шаары		
Аты-жөнү	**Окуу жайы**	**Учурдагы кызмат орду**
Жалилов Чубак Тажибаевич	Ум аль-Кура университети	Кыргызстан Аалымдар кеңешинин мүчөсүКИУ, ага окутуучу
Жээнбеков Ниматилла ажы	Бүткүл дүйнөлүк ислам лигасыАраб тили курсу	Жалал-Абад шаарынын мечиттеринин биринде имам
Эр-Рияд шаары		
Ниязов Бакытбек Асраркулович	Кароль Сауд университети, Араб тили институту	КИУ Илимий жана тарбия иштери боюнча проректор КИУ Окумуштуу катчы
Мадина шаары		
Жолдошов Муса	Ислам Университети	Баткен облусунун казысы
Оморбеков Ордобек (Салман)	Ислам Университети	Жалал-Абад облустук казыятында адис
Тунгатаров Бактыбек	Ислам Университети	Жалал-Абад облустук казыятында адис
Турганбаев Нурбек	Ислам Университети	Ош шаарынын мечиттеринин биринде имам
Абылбек уулу Муратбек	Ислам Университети	Аламүдүн р-н, Кой таш, Фарук медресеси, окутуучу

Булардын арасынан Чубак ажы Жалиловдунжигердүү иштерин баса көрсөтүп кетүүгө арзыйт.

Чубак ажы 1975-жылы 21-январда Жалал-Абад облусуна караштуу Базар-Коргон районундагы Бай-Мундуз деген айылда төрөлгөн. (Атасы математика, энеси – англис тил сабагынан сабак берген мугалим болуп балдарга терең билим, татыктуу тарбия берүүгө далалат жасаган мугалимдер). 1992-1996-жылы Бишкектеги азрети Умар атындагы Ислам институтунда билим алган. 1995-1998-жылдары Кыргыз Улуттук университетинде араб тилинен окутуучу болуп иштеген. 2000-2006-жылдары Сауд-Арабияда билим алган. 2005-2007-жылдары Бүткүл дүйнөлүк Ислам лигасында Орто-Азия мамлекеттеринде ислам диндин абалы боюнча анализ берүүчү эксперт катары кызмат өтөгөн. 2010-2012-жылдары Кыргызстан мусулмандардын муфтийи

болуп иштеген. 2017-жылы Бүткүл дүйнөлүк Ахли Сунны атындагы ислам аалымдарын бириктирген Лиганын аныкмүчөсү болуп шайланган. Чубак ажы Кыргызстандын мусулмандар арасында ислам баалуулуктарды таратууда, ислам динин туура түшүнүүгө багыт берүү максатында тынымсыз иш жүргүзүп келет. Анын социалдын тармактарындагы "Насаат Медиа" (Ютуб каналында) 4757 видеосайттары жүктөлгөн (500 000 адам колдонот), фейсбук баракчада 242 000 колдонуучу бар. 2017-жылдын жыйынтыгында "Насаат Медиа" каналы ютуб компаниясынан "Күмүш баскычка" ээ болгон [14].

Мындан сырткары Чубак ажы мечиттерде ислам динин кеңири түшүндүрүү боюнча атайын сабактарды өткөрүп турат, радиодон, телеберүүдөн, гезиттерде өтө жигердүү иш жүргүзгөн үгүтчү катары Кыргызстанга белгилүү ислам аалымы болуп саналат.

Кыргызстандык мусулмандар Пакистан өлкөсүндөгү билим алып келишүүдө.

Кыргызстандын мусулмандар муфтийи Максатбек ажы Токтомушев 1996-2005-жылдары Пакистанда "Мадраса Арабия Райванд" медресесин бүтүргөн. Бишкек шаарынын казысы Маджитов Садриддин, "Абу Хурайра" ислам университетин бүтүргөн. *Ал эми муфтияттын Аалымдар кеңешинин мүчөсү* Жигитали ажы Исмаилов "Даарул-улуум" университетин, ал эми Кабылбек ажы Акматов "Мадраса Арабия Райванд" медресесин аяктаган[15]. Жогорку айтылгандардын негизинде төмөнкү таблицада көрсөтүлгөн.

№ 4-таблица. Пакистан мамлекетинин окуу жайларынан билим алып келген Кыргызстандыктардын ислам баалуулуктарын жайылтуу багытында иш алып баргандардын тизмеси

№	Аты-жөнү	Кызмат орду
	Максатбек ажы Токтомушев	Кыргызстан мусулмандар муфтийи
	Садриддин ажы Маджитов	Бишкек шаарынын казысы
	Жигитали ажы Исмаилов	Кыргызстан мусулмандар муфтиятынын Аалымдар кеңешинин мүчөсү
	Кабылбек ажы Акматов	Аалымдар Кеңешинин мүчөсү

КРнын Дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясынын маалыматына ылайык,2016-2017- окуу жылында Кыргыз Республикасынын 322 жараны диний билим алуу максатында чет өлкөлөрдө окуп жүрүшөт[16]. Алардын ичинен Сауд Араб падышалыгында 127, Түркияда 87, Египетте 26, Иорданияда 25, Орусияда 24, Пакистанда 9 жана Кувейтте 6 студент билим алууда. Бул атайын каттоодон өткөндөр, ал эми өз алдынча туристтик виза же жеке чакыруу аркылуу окуп аткандардын санын тактоого мүмкүн эмес, чет өлкөлөрдө окуп аткан кыргызстандыктардын саны мындан бир кыйла көп деп ишенимдүү айтууга болот.

№ 5-таблица. Ислам өлкөлөрүнүн окуу жайларынан диний билим алган кыргызстандыктардын саны

Кайсы жыл	***Кайсы өлкөдө***	***Окуган атуулдардын саны***
2012	Пакистан	147
	Сауд Арабия	133
	Египет	287
	Кувейт	4
2013	Пакистан	153
	Сауд Арабия	133
	Египет	314
	Кувейт	4
2014	Пакистан	22
	Сауд Арабия	133
	Египет	155
	Кувейт, Сирия, Иордания	Бул өлкөлөр боюнча таксан жок
	Түркия	84
2015	Пакистан	*24*
	Сауд Арабия	*81*
	Египет	*287*
	Кувейт	*6*
	Иран	*13*

Ислам мамлекеттериндеги жогорку жана орто окуу жайлардан ислам дини багыты боюнча билим алып келген кыргыз жаштары “Кут-Билим” окуу-тарбия комплексин түзгөн ишкер жигиттердин демилгесин колдоого алышууда. 2015-жылы Чүй облусунун Аламүдүн районуна караштуу Байтик айылындагы жана Жети-Өгүз районуна караштуу “Покровка” айылындагы “Кут-Билим” окуу-тарбия комплексинде араб тилин үйрөтүүдө, ыйман-ынсапка тарбиялоодо Египеттен, Иорданиядан, Малазиядан билим алып келген жаштар эмгектенүүдө.

Натыйжада, Кыргызстандагы диний уюмдардын, коомдордун, бирикмелердин фонддордун жергиликтүү калктын арасында тынымсыз жүргүзүп жаткан исламий багытындагы үгүт насыяттары көп кырдуу жана ар кандай багыттарда экендиги талашсыз. Ошондуктан биздин илимий изилдөөбүз Кыргыз Республикасынын диний чөйрөдөгү мамлекеттик саясатынын Концепциясында талкууланган диний уюмдардагы иш-аракеттеринин багыттарынын жакшы жактарын аныктоого, тактоого жасалган алгачкы кадам катары эсептөөгө болот.

Ислам динининин баалуулуктарын кадырлаган жаш илимпоз аалымдардын

түздөн түз демилгеси менен 2007-жылы Бишкек шаарында«Дилазык» басма үйү ачылган. Анын максаты кыргыз окурмандар жөнүндөмусулман аалымдарынын жазган китептери менен жакындан тааныштыруу.Ушул жагдайда жаңы муундун жана жаштардын тарбиясына кайдыгер карабаган мекенчил атуулдарыбыздын демилгеси жана колдоосу менен китептер бул басма үйдөн аз-аздан чыга баштады. Ислам илимдеринежана кыргыз элибиздин байыртадан келе жаткан ата салт баалуулуктарына кызыккан, бул тууралуу кеңири маалымат алууну каалаган окурмандар үчүн туура багыт берген китептер басмага даярдалып, чыгарылып элге таралып келет. Туура багыттагы маалыматтарды камтыган китептерди жазуу жанабул жаатта чет тилдердеги адабияттарды эне тилге которуп окурмандарга сунуштоодо. Өзгөчөжаш жеткинчектерге, бөбөктөргө арналган тарбиялык мааниси мол жомокторду мамлекеттик тилде өз окурмандарына сунууда.

«Дилазык» басма үйү негизинен ислам дининин баалуулуктарын даңазалаган адабий, илимий жана таалим-тарбиялык маанидеги китептерди басмадан чыгарууда. Учурда Кыргыз Республикасынын бардык аймактарында жашаган калктын катмарына китептери жеткирүүлүдө.

Китептерди басмадан чыгарууда жана таратууда Кыргыз Республикасынын расмий мыйзам-эрежелерине жана диний өңүттө ханафий-матуридий акыйдасына төп келүү жагына көңүл бурулуп, тыкыр текшерүүдөн өткөн китептер гана элге сунушталат. Айрыкча көркөмдүк жана сапаттык жактан купулга толумдуу болгон мамлекеттик тилде жазылган китептерди чыгарууга басым жасалууда.

Бул багытта ислам мамлекеттериндеги окуу жайлардан билим алып келген жаш аалымдар менен Кыргызстандын окуу жайларын бүтүргөн адис тилчилер, адабиятчылар, тарыхчылар, философтор, дин таануучулар жана котормочулар биргеликте иш алып баруушуда.

Жыйынтыктап айтканда, Кыргызстанда көп жылдардан бери жергиликтүү мусулмандар арасында ислам дининин баалуулуктарын жайылтып жүргөн “Адеп башаты”, “Дил мүрөгү”, “Кут билим”, Ислам академиясы, Умма журналы, Марва ТВ, Мутакаллим коомдук бирикмесисыяктуу диний уюмдар өлкөбүздөгү социалдык, маданий, билим берүү, кайрымдуулук багытында жүргүзгөн иш аракеттери менен өлкөбүздө коомдук коопсуздукту камсыздоодо мамлекеттик мекемелер менен биргеликте кызматташууда.

Айрыкча “Адеп башаты” тарабынан жаштардын арасында жүргүзгөн иш-аракеттери салттуу руханий баалуулуктарды сактоодо жана өнүктүрүүдө ислам баалуулуктары аркылуу бекемдеп жатышы мактоого татыйт.

“Кут билим” билим берүү борборлору жаштарды окутууда ислам динидеги Ыйман-ынсап багытында улуттук маданиятты, эне тилди, кыргыз элинин тарыхый маданий мурасын сактоодо жана өнүктүрүү менен коомдогу руханий адеп-ахлакты жакшыртуу багытында иш жүргүзүп келет.

“Дил мүрөгү” китеп борборунан басылып чыккан китептер, ислам динининин баалуулуктарын адеп баалуулуктарын бекемдөөгө өбөлгө болууда.

Аталган диний уюмдар тарабынан жүргүзүлүп жаткан кайрымдуулук иш-аракеттер, ар кандай турмуштук кырдаалга туш болгон жарандарга убактылуу кризистен чыгууга жана материалдык жактан колдоо көрсөтүү кыргыздын салтына ылайык болууда.

Биз жогоруда илимий изилдөөгө алган диний уюмдар Кыргыз Республикасында жашаган мусулмандар арасындагы коомдук тартипти бекемдөө максатында төмөндөгү багыттарда: жаштарды ыймандуулукка, тартип бузбоого, билим алуулугу кызыктырууда, укук бузууларды алдын алууга, кайрымдуук иш-аракеттери менен боорукерликке тарбиялоодо, диндер жана улуттар аралык пикир келишпестиктерди болтурбоого, мамлекеттик, улуттук байлыкты урдообого, үгүт насыят жүргүзүүдө.

Жогоруда биз кеп кылган диний уюмдарды иш-аракеттери Кыргызстандагы динди жайылтууда, өзгөчө радикал-экстремисттик диний үгүт-насыяттарды жүргүзүп жаткан уюмдарга жакшы жагынан үлгү боло аларына ынандык. Прогрессивдүү көз караштагы Кыргызстандык жаштар чет өлкөдөгү ислам малекеттеринен диний билим алып келсе дагы, кээ бир ислам динин жайылтуу инсандардан айырмаланашып Кыргыз Республикасынын мамлекеттүүлүгүн бекемдөөгө, эне тилди өнүктүрүүгө, кыргыз элинин көнөрбөс бай маданиятын жандардырууга, кыргыздардын карт тарыхын тастыктоого, жаштарды коомдун өнүгүшүнө ылайыктуу жаңы технология менен окутууну, диний билим берүүнүн сапатын которуу сыяктуу багытты бекем туташат.

Жогорудагы аталган диний уюмдардын иш-аракеттерин мындан ары өнүктүрүү багытында төмөндөгүдөй сунуштарды берүүнүн туура көрдүк:

Биринчи сунуш: Кыргыз Республикасынын калкынын 80ден ашык пайызын мусулмандар түзгөндүгүн эске алып, анын көпчүлүгү жергиликтүү кыргыз улутунан турарын өзгөчө белгилөө менен жогоруудагы “Адеп Башаты”, “Дил мүрөгү”, “Кут Билим” сыяктуу диний уюмдардын иш-аракеттерин мамлекеттик мекемелер түшүнүү менен кабыл алып, моралдык колдоо көрсөтүүсү зарыл.

Экинчи сунуш: Ислам мамлекетинин окуу жайларынан ислам дини багытында билим алып келген Кыргызстандык инсандардын өз ара кызматташуусун жүргүзүү максатында ислам динининин баалуулуктарын, ыкмаларын кеңешүү максатында. Кыргыз Республикасынын дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясы, Кыргызстандагы мусулмандар башкармалыгы, Кыргызстан мусулмандар муфтийи, Аалымдар Кеңеши биргелешип иш жүргүзүүталапка ылайыктуу.

Үчүнчү сунуш: Ислам өлкөлөрүндө ислам дини багытында билим алып жаткан Кыргызстандык жарандардын толук тизмесин, кайсы шаарда, кайсы окуу жайда, кайсы диний билим берүү чөйрөсүндө толук маалыматты топтоону

Кыргыз Республикасынын дин иштери боюнча мамлекеттик комиссиясына, Кыргыз Республикасынын тышкы иштер министрлигине, атайын тапшырма берүү аркылуу жакын арада ишке ашыруу замандын талабы.

Төртүнчү сунуш: Кыргызстандын аймагында ислам динин жайылтуучу катары эл арасында өтө жигердүү иш жүргүзүп жаткан, ислам өлкөсүнөн билим алып келген инсандардын толук тизмеси, иштеген орду боюнча дагы толук маалыматты топтоо зарылчылыгы байкалды. Бул иш-аракетти Кыргызстан мусулумандар башкармалыгы тарабынан жүргүзүлсө дурус болот.

Бешинчи сунуш: Кыргызстандагы ислам багытында билим берип жаткан куран курстарын, медреселерди, институттарды жана Кыргызстан ислам университетинин окутуу ыкмаларын өркүндөтүү максатында билимдүү аалымдардын күчү менен Кыргыз Ислам Академиясын түзүү максатка ылайыктуу.

Пайдаланган адабияттар

1. «Кыргыз Республикасынын Конституциясы» // “Академия” басмасы, 2017, 13-б.;

2. Кыргыз Республикасынын дин иштер боюнча мамлекеттик компаниянын архивиндеги маалымат, (2005ж.);

3. «Дин тутуу эркиндиги жана дин уюмдары жөнүндө» Кыргыз Республикасынын Жогорку Советинин Ведомосту, 1991-ж., № 22, 668-б.;

4. Дин чөйрөсүндөгү мамлекеттик саясат жана Кыргызстандагы негизги диний агымдар. Усулдук китепче.-Бишкек. 2015.10-11-б.;

5. “2014-2020-жылдарга Кыргыз Республикасынын диний чөйрөдөгү мамлекеттик саясатынын Концепциясы”, -Б., 2017, 10-б.;

6. Кыргыз Республикасынын дин иштер боюнча мамлекеттик комиссиясынын архивиндеги маалымат, (2003ж.);

7. Дин чөйрөсүндөгүчөйрөсүндөгү мамлекеттик саясат жана Кыргызстандагы негизги диний агымдар. Усулдук китепче.-Бишкек. 2015.10-11-б.;

8. “Адеп башаты”коомдук прогрессивдүү фондунун архиви;

9. «Дин тутуу эркиндиги жана дин уюмдары жөнүндө» Кыргыз Республикасынын Жогорку Советинин Ведомосту, 1991-ж., № 22, 668-б.;

10. “Адеп башаты” коомдук прогрессивдүү фондунун архиви;

11. “Адеп башаты” коомдук прогрессивдүү фондунун архиви;

12. А.С.Ормушев, «Аль-Харамга зыярат» (Ажылык сапардан кийинки ой толгоолор) / -Б., 2009, 12-бет.

13. К.К.Маликов “Кыргызстан мусулмандарынын дин башкармасы үгүт-насат бөлүмү”/ Ислам боюнча окуу куралы/ -Б., 2013, №8;

14. Чубак ажынын өздүк архивинен алынган маалымат;

15. Кыргыз Республикасынын мусулмандар башкармачылык архивинен алынды;

16. Кыргыз Республикасынын дин иштер боюнча мамлекеттик комиссиясынын архивинен.

Стратегии безопасности в религиозной и повседневной жизни этнических меньшинств в Оше

Жоомарт Сулайманов,
кандидат философских наук,
доцент кафедры Регионоведения,
Ошский государственный университ
Ош, Кыргызстан

Узбеки самая большая этническая группа в Кыргызстане после кыргызов. В основном они проживают на юге страны, компактными группами. Они являются автохтонным населением, которое издавна населяли юг Кыргызстана (Они издавна являются автохтонным населением юга Кыргызстана). В связи с этим, именно отношения между узбеками и кыргызами являются противоречивыми и сложными. Узбеки по своему происхождению, своим близкими связями с Узбекистаном всегда рассматривались как потенциальная угроза безопасности Кыргызстана. Как и официальные структуры, так и широкое население видели в них угрозу сепаратизма, подозревали в большей лояльности к соседней стране. Такое недоверие выливалось в прямые столкновения между кыргызами и узбеками за последние двадцать пять лет.

В июне 2010 года на юге Кыргызстана произошло столкновение с большим количеством жертв, которое привело к радикальному изменению статуса и образа жизни узбекского сообщества. До событий 2010 года, представители узбекской общины обладали значительным политическим ресурсом, как в центральных органах власти, так и на местах. Июньские события привели к потере этого ресурса. В то же время, уже много лет в узбекской общине происходят изменения, которые определяют повседневную жизнь членов сообщества, и которые не всегда определяются только политическими факторами. Многие из этих изменений, такие как рост религиозности и укрепление традиционных иерархий стали особенно заметны в постконфликтной ситуации.

Изменившиеся обстоятельства, которые сложились в повседневной жизни узбекской общины, формируют сегодня различные практики и стратегии поведения, обеспечивающие безопасность для ее представителей. Можно говорить о том, что эти стратегии во многом определяются экзистенциальными угрозами, которые не артикулируются прямо, но могут быть реконструированы по материалам наблюдений и интервью. В этих материалах прослеживается идея о том, что любые маркеры, которые указывают на «узбекскость» рассматриваются большинством респондентов, как опасные. Это отражается в том, что повседневная жизнь сопровождается стратегиями, позволяющими «слиться» с основной массой населения и «не выделяться» из нее.

Прежде всего, это касается внешнего вида узбекского населения. Сразу после событий 2010 года, даже малейшее внешнее напоминание об этнической принадлежности способствовало возникновению столкновений. Узбекское население из-за возможной угрозы, стало избегать ношения данного типа одежды. И хотя сегодня этой угрозы стало меньше, но все равно, существует мнение, что она не исчезла до конца. В настоящее время только пожилые люди носят национальный головной убор - тюбетейки. Также из широкого употребления уходят национальные халаты, которые раньше пользовались популярностью. Вся внешняя атрибутика, которая ассоциируется с этнической принадлежностью, либо выходит из употребления, либо применяется только в узких кругах, среди своего окружения, во время торжеств или поминок. По словам одного из респондентов (Ж., водитель такси) он надевает тюбетейку, когда заходит в махаллю, где живут его родители, и снимает, сразу после того, как покидает этот район.

Большинство мужчин ходят в брюках, рубашках, мало, кто носит джинсы или футболки. Таким образом, хотя стиль мужской одежды кажется нейтральным, он является довольно консервативным. Один из информантов (Т., преподаватель вуза), объясняет это тем, что открытый вид, сегодня воспринимается как отсутствие воспитания, аморальность. *«Если моя жена, которая работает учительницей в школе, будет носить современное платье, даже если оно достаточной длины, то она просто будет наказана мною. Кроме того, я сам не могу позволить носить шорты, а также спортивные брюки. Ведь вся эта одежда, которая подчеркивает половую принадлежность, считается постыдной. Я не могу демонстрировать жене, невесткам, дочерям открытые ноги, грудь. Девушки не могут ходить в брюках, джинсах или короткой юбке, если она один раз так пройдется по улице, то ее братья, отец, пристыдят ее, запретят ей так одеваться. По исламу, у женщин, все должно быть закрыто, кроме кисти руки и лица. Это очень стыдно. Даже мои сыновья, которым около двадцати лет, не носят шорты»*.

Таким образом, одежда и внешний вид интерпретируется не только в контексте безопасности, но, возможно выступает предпосылкой для формирования новой идентичности. В интерпретации большинства информантов, закрытая одежда, становится обязательной не только для женщин, но и для мужчин, что явно говорит о возрождении традиционных норм и иерархий в сообществе.

Особенно наглядно это проявляется в изменении роли женщин. Изменился не только их внешний вид – стало меньше девушек, которые носят одежду европейского образца. Женская одежда выглядит гораздо менее нейтральной, чем мужская. Большинство узбечек одеты в закрытые длинные платья. Многие стали практиковать ношение хиджабов разного рода – от ярких легких платков, до черных закрывающих лицо. Информант А., глава местной общины (махалли), который совершил хадж говорит об этом следующим образом: *«Истинный мусульманин заботится не только о своем внешнем виде, но и о том, как выглядит*

его жена. Он должен постоянно напоминать жене о том, что она должна быть закрыта и следовать мусульманской одежде. Моя жена не выходит на улицу без хиджаба, потому что она жена ходжи и должна этому соответствовать – люди же смотрят на нее!». По словам другого респондента (Т., бизнесмен), он строго следует мусульманским нормам, поскольку считает, что его успехи в бизнесе обеспечены благословением Аллаха. *«Если я перестану соблюдать правила, или моя жена будет вести себя недостойно – Аллах от меня отвернется. Разве это так сложно, носить хиджаб и молиться пять раз в день, если благодаря этому я являюсь обеспеченным и уважаемым человеком?!».*

Наблюдения показывают, что многие женщины и сами стали реализовывать себя в религиозной сфере, завоевывая определенный социальный статус и авторитет. В узбекских махаллях многие взрослые женщины становятся «атынча», т.е. женщинами которые учат Корану. Информант Ж., водитель такси, рассказал о том, что в их махалле есть одна пожилая женщина, которая собирает вокруг себя девушек и молодых женщин, и разъясняет им, как вести праведную жизнь и следить за внешним видом. Именно такие женщины нередко влияют на внешний вид молодых девушек, которые стали носить более закрытую одежду.

Усиление религиозности, с одной стороны, явно выступает частью «ландшафта безопасности» узбекского населения. Многие ожидают поддержку и защиту от Всевышнего, к тому же, стратегия быть «истинным мусульманином», дает людям социальный статус, который гарантирует определенный уровень безопасности им и их семьям. С другой стороны, влияние религиозной жизни на повседневность само по себе может создавать некоторые угрозы, особенно для женщин, которые в узбекском сообществе, как правило, зависят от мужчин (отцов, мужей, старших родственников). Один из информантов, (П. молодая узбечка, сотрудница НПО) поделилась историей о том, как она обнаружил возле их офиса, плачущую женщину в полностью закрытой мусульманской одежде. *«Мы подошли стали ее расспрашивать. Она рассказала, что у нее украли деньги, и она не могла вернуться в село, к себе домой. Мы предложили ей денег на дорогу, но она отказалась, попросив разрешение на звонок, чтобы вызвать мужа. Пока приехал муж, она рассказала свою историю. Оказалось, что она уже пять лет замужем. Муж – религиозный человек, читает намаз, носит бороду. Год назад он стал высказывать ей претензии. Оказывается, когда он женился, он не мог увидеть, якобы ее кривые ноги и ее полноту. Кстати, это же из-за мусульманской одежды, которую она носила! Теперь он говорит, что ее долг, как настоящей жены и истинной мусульманки найти для мужа вторую жену. По его словам это будет* «соопчулук», (т.е. благое дело, благотворительность, богоугодное дело). *Она под напором его убеждений, сама искала в течение нескольких месяцев женщину и с большим трудом, нашла в соседнем районе. Я работаю со многими женщинами в махаллях, но эта была реально запуганная, и такая несчастная… Мы ей предлагали поддержку нашего НПО, рассказали, что в городе работает кризисный*

центр, но она испугалась этого и быстро убежала».

Эта история, а также другие наблюдения информантки из гендерного НПО говорят о том, что избегание публичной сферы наряду с усилением религиозности, делает ландшафты безопасности многих узбекских женщин крайне ограниченными.

Многие обряды и ритуалы в повседневной жизни общины стали намного чаще регулироваться имамами. За счет этого вносятся изменения в традиции, издавна существовавшие в общественной жизни. На многих торжествах, в особенности на свадьбах, стало меньше музыки. Как отмечает информантка П. (сотрудница НПО), *«раньше ни одна свадьба или суннет-той (обрезание мальчиков) не обходилось без корная и громкой музыки. В этом году у нас в махалле, ну на 2-х или 3-х, играла музыка… Люди боятся, не хотят привлекать внимание. И еще, наш имам стал в мечети выступать, что музыка – это грех. У нас недавно сосед проводил свадьбу. Он пригласил старейшин после утренней молитвы на угощение. У него во дворе играла музыка, музыканты на народных инструментах играли узбекские мелодии. Так вот – к нему многие старейшины просто отказались зайти на угощение! Если б мне несколько лет назад кто-то такое бы рассказал – ни за что бы не поверила!»* Действительно, в Оше, среди религиозных лидеров, получило широкое распространение высказывание известного составителя хадисов аль-Бухари, что музыка является грехом. Многие из них рекомендуют по возможности избегать использования музыки при организации различных торжеств. Это мнение вызывает широкие споры, однако, стало распространенным, поэтому в большинстве случаев, люди стараются придерживаться этого совета. Это показывает серьезное усиление влияния (формальных религиозных институтов) на повседневные практики жизни узбекской общины. На праздниках под контролем имамов появилось четкое деление мужчин и женщин. Многие виды расходов, ранее существовавших при проведении торжеств, сегодня отменяются. Кроме музыки сюда входит алкоголь, который практически исчез из узбекских кварталов, так как владельцы магазинов его не продают по религиозным соображениям.

Другим важнейшим маркером этничности в Оше всегда выступал узбекский язык. В сфере повседневного использования языка сегодня также можно наблюдать серьезные сдвиги, связанные с представлениями об экзистенциальных угрозах и с попытками «не выделяться» на общем фоне. Можно выделить по материалам наблюдений и интервью определенные стратегии «языковой адаптации». Одна из таких стратегий – это овладение кыргызским языком и использование кыргызского языка в публичном пространстве. Информант А. (владелец образовательного центра) говорит: «*Я считаю, что знание кыргызского языка обязательным, правильно, что во всех школах обучают кыргызскому языку. Я сам знаю, все мои дети говорят на кыргызском, сын, например, даже лучше некоторых кыргызов знает язык. Без этого невозможно жить и работать».*

Другая стратегия – изучение русского языка. Информант Т. (преподаватель

вуза) отмечает, что «*многие школы, которые были узбекскими, стали переходить на русский язык обучения. Сейчас в пяти школах, которые есть в махалле, почти в каждом приеме первоклассников из существующих, например, 4 классов, 3 учатся на русском и один – на узбекском. Все стараются дать образование на русском. Многие сдают детей в русские школы, например, в школе Кирова* (это русская школа в центре города) *почти 50% детей – узбеки.* – А почему предпочитают русскую школу? – *Думаю, что кыргызские учителя просто не пойдут в махаллю учить детей … лучше всего русский язык – меньше столкновений с кыргызами, и он лучше…»*

Из последнего высказывания видно, что русский язык выступает как более нейтральный, по сравнению с кыргызским. Это стремление к нейтральности можно пронаблюдать и на примере того, как языки используются в публичном пространстве квартала Шеит-Тепе, в котором проводилось исследование. На центральной улице, пересекающей узбекский жилой массив, находится около сотни разных торговых учреждений, которые специализируются на продаже хозяйственных товаров. Большинство арендаторов в данных магазинах – представители узбекской общины. Все названия заведений имеют нейтральный характер, среди них не встречается узбекских слов, и почти нет кыргызских. Крупные центры называются: «Комфорт», «Престиж», «PremiumHome», «Панорама» и т.д. Надписи и слоганы на магазинах – на русском и кыргызском языках. Очень много на английском языке.

В коммуникации широко стал использоваться кыргызский язык. В предыдущие годы, большинство работников торговли и общественного питания отвечали на своем языке, на том, на котором удобно, и узбекский язык не вызывал сложностей в понимании среди клиентов. Сегодня можно наблюдать, что почти все работники торговли ведут разговор с клиентами на кыргызском или на русском языках. Узбекский язык уходит из общественной жизни и становится средством коммуникации только внутри своей общины. Информант Ж. (водитель такси) отмечает, что не говорит со своими клиентами по-узбекски, если только они сами не используют узбекский язык.

Торговые сотрудники в большинстве магазинах узбеки, мужчины. Женщин среди них мало. В кафе, которые также во множестве расположены на этой улице, работает много женщин, особенно официантками. Большинство из них молодые кыргызки. По словам информанта Т. (бизнесмена), это важно по нескольким причинам: «*Во-первых, нужны клиенты, поэтому изолироваться от других невыгодно … Кыргызки-официанты – это сигнал к тому, что данное учреждение открыто для всех людей. Во-вторых, наши женщины не работают в общественных заведениях. Какой муж разрешит? Или отец? Такая работа может повлиять на женщин, на их поведение. Да это просто опасно для женщины – когда столько людей … Девушки-кыргызки общительные, принимают заказ, на кыргызском, обслуживают аккуратно».* На кухне, там, где не надо общаться, и посторонние их

не видят – узбекские женщины иногда встречаются, но и там работают, в основном, мужчины. Таким образом, несмотря на высокую безработицу среди женщин и их сильную экономическую зависимость, многие не идут работать из-за боязни общественного мнения. Языковой барьер, так же как и усиление гендерных иерархий оказывают на это существенное влияние.

Общественный транспорт является еще одним местом, где наиболее выпукло проявляются изменения в языковой практике. Раньше одной из особенностей общественного транспорта была громкая музыка в салоне. Если водитель – узбек, то обязательно звучала узбекская музыка. Сегодня узбекская музыка почти не звучит. По словам респондента Ж., который работает таксистом: *«обязательно кто-нибудь будет недоволен этой музыкой и тогда спровоцирует на конфликт!»*. Поэтому во избежание конфликтов, музыка либо не включается, либо в салоне играет российская или другая зарубежная эстрада.

Помимо женщин, ограниченные ландшафты безопасности характерны также и для молодежи. По причине усиления религиозного влияния, а также просто из-за тревожности родителей молодые люди не посещают увеселительные места (кафе, дискотеки), спортивные соревнования, многие лишены возможности учиться в вузах. После окончания школы многие сразу идут работать, получая профессию, путем устройства в качестве подмастерья. Информант Ж. (водитель такси) сына отдал в ученики мастеру-сантехнику, другой – работает поваром. Он считает, что неплохо устроил своих сыновей, поскольку они имеют постоянную занятость. На вопрос, как проводят досуг его сыновья и их ровесники, он ответил: *«Единственное их утешение — это еженедельные посиделки с друзьями в чайхане. Они там в определенное время всегда собираются. Чай попить, пообщаться. Ну, иногда еще сидят по вечерам на улице, общаются между собой»*.

Таким образом, наблюдения и интервью показывают, что признаки этнической принадлежности могут выступать для узбекского населения как фактор, провоцирующий угрозу для их существования. Язык, одежда, музыка, ритуалы стали тем маркером, которые могут провоцировать угрозу и конфликт, поэтому они часто жертвуют ими для обеспечения своей безопасности.

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время достаточно сложно определить, какие из описанных угроз реальны, а какие больше относятся к области воображаемого. Доминирующая тенденция стратегий и практик, для обеспечения своей безопасности, ведет либо к утрате этнокультурного своеобразия, либо просто ведет общину к самоизоляции.

Классификация осужденных за терроризм и экстремизм (по материалам полевого исследования проведенного в местах лишения свободы в 2017 г.)

Эсенаманова Нургуль
кандидат политических наук,
и.о.доцента кафедры философии и социально-гуманитарных наук
Кыргызской государственной юридической академии при Правительстве Кыргызской республики

Одним из наиболее актуальных проблем для стран столкнувшихся с вопросами радикализации является дераликализация осужденных за терроризм и экстремизм (ТиЭ). Необходимость классификации по категорияя обосновано тем, что осужденные за ТиЭ являются неоднородными, монолитными (разная идеология, организация, уровень религиозных знаний и т.д.), обычно, выделяют агрессивных, лидеров, рядовых, в разных странах существуют разные классификации и в соответствии с этим с ними работа ведется по разному. Классифицирование осужденных за терроризм и экстремизм позволить вести адресную работу по деарадикализации и рисками, отслеживать изменения в поведении, мировоззрении лиц осужденных за ТиЭ.

Одним из вызовов для современного Кыргызстана стало ситуация в местах заключения среди осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Озабоченность вызывает увеличение количества данного контингента, большинство которых отбыв срок выходят на свободу не меняя своих убеждений. Деарадикализационные мероприятия в местах заключения чрезвычайно затруднены и предпринимаемые меры носят не системный характер. Более того, широкомасштабных исследований состояния и изменения ситуации среди осужденных за терроризм и экстремизм ранее не предпринимались и в основном изучение происходило фрагментарно[1] в силу относительной новизны проблемы. Усиление внимания к проблемам деарадикализации проявилось и связано с выездом, а также возвратом граждан Кыргызстана из зон боевых действий в Сирии и Ирака. Меры в этом направлении начали предприниматься практически только в 2017 году с приходом в Государственную систему исполнения наказания (ГСИН) КР Жапарова Т.Т. в качестве руководителя. Им предпринимаются активные попытки проведения системной оценки имеющихся проблем, выработки первоочередных и стратегических шагов по работе с данной категорией заключенных.

В этих условиях весьма полезным является помощь, оказываемая ГСИН со стороны профильных международных организаций по внедрению в Кыргызстане зарубежного опыта, обучению сотрудников уголовно-исполнительной системы страны международным стандартами оказанию материально-технической помощи.

Вместе с тем, представляется крайне необходимым правильно адаптировать международный опыт к местным условиям. Для этого, целесообразно провести ряд исследований и комплексный анализ ситуации среди осужденных за терроризм и экстремизм. На наш взгляд, наряду с усилиями в этом направлении со стороны международных организаций, крайне важно осуществлять такую работу силами собственных национальных экспертов, имеющими допуск к закрытой информации.

В частности, международный опыт свидетельствует о необходимости классификации осужденных для дифференцированного подхода при организации мероприятий по дерадикализации, а также разработки методологии и организационных механизмов дерадикализации радикалов в условиях Кыргызстана. Проведенное данное полевое исследование[2] было направлено на комплексное изучение, анализа состояния и изменения ситуации с осужденными за терроризм и экстремизм для применения классификации. Главный фокус был направлен на классификацию данной категории осужденных в закрытых учреждениях, необходимо оговорится, что эта первая попытка классификации с применение пяти инструментов [3], таких как теологический опрос (анкетирование), интервью с осужденным, интервью с сотрудниками (их наблюдения изменений), психологических методик и в некоторых случаях анализ документов (судебных решений). Комплексный подход при классификации приближает к достоверности информации и повысить эффективность проведения дерадикализационных мероприятий. Кроме этого, несмотря на свою комплексность инструменты классификации требуют систематической доработки и она сама не сможет быть статичной, так как осужденные в закрытых и открытых учреждениях различаются и применение одной и той же классификации в силу их разнородности для них иногда не допустимо. И это говорит о том, что классификация должна быть гибкой, расширятся, систематически обновляться так как контингент осужденных обновляется и классифицируемые могут переходит из одной категории в другую и т.п.

Общее число опрошенных осужденных за терроризм и экстремизм в учреждениях ГСИН составило 276 респондентов. Из них:

- по закрытым учреждениям (ИК, СИЗО) – 160,
- по уголовно-исправительным инспекциям – 60,
- по колониям-поселениям – 56.

Кроме того, было опрошено 37 заключенных, осужденных по другим статьям, а также 31 сотрудников учреждений ГСИН.

При этом опросы, теологическое анкетирование и психологическое тестирование проводилось членами рабочей группы со всем контингентом осужденных по соответствующим статьям на добровольной и конфиденциальной, анонимной основах.

Исходя из поставленных перед исследованием задач, были применены следующие методология и инструменты исследования.

В частности, для разработки базовой классификации для организации работы в уголовно-исполнительной системе с осужденными за ТиЭ, исследованы разные факторы (биографические, психологические, религиозные, политические и т.д.), влияющие на данную работу, а также были разработаны соответствующие инструменты в виде:

– вопросника-интервью с несколькими блоками вопросов, предусматривающими реконструкцию жизни осужденного, выявление религиозной идентичности, мотивов и обстоятельств вовлечения в ТиЭ, пребывание в тюрьме и общеполитические знания;

– теологической анкеты, с целью апробирования способа определения с ее помощью уровня и направленности религиозных знаний, степени радикальности религиозно-политических взглядов и возможных рисков продолжения ТиЭ деятельности;

– психологических тестов, для изучения текущего состояния осужденного и его общих личностных характеристик, для возможного использования полученных результатов в работе по дерадикализации;

– вопросника-интервью для персонала учреждений, с целью получения дополнительной информации по интересующему контингенту и улучшению работы с ними.

Кроме того, в исследовании преследовалась цель изучить нынешнее состояние в системе ГСИН, связанное с факторами и рисками негативных тенденций в местах заключения, в том числе возможность сращивания или смыкания террористических, экстремистских и криминальных элементов, а также вероятность негативного влияния на сотрудников учреждений осужденных экстремистов.

В целях изучения интересующей нас категории осужденных, с учетом опыта других стран, нами предлагается следующая их классификация по степени идеологизированности, подталкивающей к насилию:

1. Воинствующие экстремисты.
2. Идеологические экстремисты.
3. Соучастники, косвенно причастные.
4. Раскаявшиеся.
5. Не поддающиеся на текущий момент достаточно точному определению.

Как уже выше отмечено, классификация проведена на основе анализа материалов интервью с осужденными и персоналом учреждений, теологической анкеты, психологического тестирования, а также справки с места отбывания срока осужденного и с учетом характера совершенных преступлений (статей, вида и срока наказания, рецидива).

Методология классифицирования была разработана рабочей группой, исходя из квалификации и опыта каждого эксперта и коллективного обсуждения. При этом она не претендует на абсолютную достоверность результатов, так как основана на субъективном характере исследователя и субъективных особенностях личности заключенного. Вместе с тем, достаточно корректна и без сомнений необходима в работе оперативных и режимных подразделений ГСИН, так как только судебные материалы на осужденного не охватывают личностные особенности, в том числе идеологизированность, политические убеждения и религиозные знания, анамнез и психологическое состояние, отношение к условиям заключения.

Прежде всего, при выработке классификации и ее критериев была поставлена задача выделить из всей исследуемой категории наиболее опасную часть, с точки зрения рецидива их преступной, насильственной деятельности непосредственно в местах лишения свободы и после их возможного освобождения. Данную категорию осужденных мы назвали

«Воинствующие экстремисты».

В числе характерных признаков выбраны:

– Признание в ходе интервью и теологического анкетирования самим осужденным возможности применения насилия (вооруженный джихад) против государства, светского общества, правоохранительных органов, шиитов, евреев, обвинение в неверии мусульман не соблюдающих фарзы и т.д.

– Факт применения в прошлом осужденным вооруженного насилия, его участия в терактах, убийствах, разбое, вооруженных конфликтах за рубежом и т.д. из идеологических побуждений. Это устанавливалась нами из собственных признаний респондентов, информации от других знакомых с ним осужденных, а также статьи, по которой он осужден (ст. 226, 375…).

– Неповиновение и отсутствие уважения к законам и тюремным правилам в сочетании с сильным желанием доминировать над другими заключенными и манипулировать ими. Это устанавливалась с учетом:

a) Ответов на определенные вопросы интервью, затрагивающие отношение заключенного к государству, силовым структурам, ГСИН на момент опроса.

b) Совершения рецидивов преступлений и других правонарушений в период отбывания наказания.

c) Характеристики заключенного со стороны администрации и сотрудников учреждений, где он пребывает.

– Информация оперативных работников об активной террористической деятельности респондента в прошлом или попытках ее продолжения в местах заключения.

Ярким примером представителя этой категории является осужденный к пожизненному лишению свободы (ПЛС)А.Э. в СИЗО-1, который в интервью прямо озвучил необходимость «джихада» по отношению ко всем тем, кто не придерживается радикальной религиозно-политической идеологии.

Следует признать, что в отношении отдельных лиц представляется довольно сложным вскрыть их воинствующие устремления. В ходе исследования мы столкнулись со случаями, когда респонденты отвечали на вопросы интервью и анкеты последовательно, непротиворечиво и психологически убедительно, доказывая свою непричастность к терроризму и экстремизму. Однако, дополнительная информация, полученная от оперативных работников свидетельствовала об обратном. Чаще всего, такие лица оказываются наиболее опасными и интеллектуальными лидерами из числа террористов.

Например, приговоренный к ПЛС И.И. в СИЗО-5 в ходе интервью проявил максимальную логичность и последовательность утверждений о своей непричастности к преступлениям террористического характера, а также его внешние проявления не содержали противоречий и были убедительны. Кроме этого, его автобиография, уровень образования и интеллектуальный уровень соответствуют человеку из среды интеллигенции. В то же время, статьи, по которой он дважды осужден, и комментарии оперативных работников ГСИН СИЗО и ГКНБ в отношении него свидетельствуют о том, что данное лицо является очень опасным рецидивистом, который сумел, будучи в условиях заключения, сыграть важную роль в попытке организации террористической деятельности вне зоны. Косвенным признаком, указывающим на причастность И.И. к террористической деятельности, является результат психологической экспертизы, согласно которой он, несмотря на долгий срок отбывания наказания и демонстрируемую им разочарованность жизнью, является сильной личностью с лидерскими качествами.

Следующая категория осужденных – **«Идеологические экстремисты»,** была предложена, исходя из наличия среди них лиц, явно менее опасных, а именно, несклонных к совершению насильственных действий, но одновременно имеющих устойчивые убеждения экстремистского характера.

В частности, к этой категории отнесены значительная часть членов религиозно-экстремистской организации (РЭО) «Хизбут-Тахрир», не поддерживающих насильственные методы достижения религиозно-политических целей до тех пор, пока «всемирное исламское государство» (халифат) не создано. Вместе с тем, ее приверженцы, находящиеся в закрытых учреждениях, обычно открыто признавали свое участие в запрещенной организации и враждебность по отношению к светскому государству.

Кроме того, к этой категории отнесены и некоторые другие лица, придерживающиеся и распространяющие идеологию радикального исламизма (установле-

ние халифата, введение шариата, враждебность и неприятие светских норм общественной жизни, других религий и мазхабов). Например, Р.К. в ИК-27 в своем интервью отметил *«…чтобы избежать террористических актов в КР, религиозным авторитетам Кыргызстана необходимо обратиться к руководству ИГИЛ и Ан-Нусра (как к халифу), что в Кыргызстане нет притеснений мусульман».* Тем самым, он фактически оправдывает цели (установление халифата) и деятельность перечисленных террористических организаций, призывая к их признанию.

Анализ полученных материалов свидетельствуют о наличии еще одной категории заключенных, названной нами **«Соучастники, косвенно причастные»**. Главным признаком принадлежности к ней является отсутствие радикальной идеологизированности осужденного и отсутствие у него намерений продолжать в будущем террористическую или экстремистскую деятельность. При этом, такой человек мог ранее принять участие в террористической и экстремистской деятельности. Например, выезжал или имел намерение выехать в зону боевых действий, но не успел это сделать, оказал пособническое содействие террористам и т.д.

Отсутствие же радикальной идеологизированности определятся нами по ответам в ходе интервью и на вопросы теологической анкеты.

Колоритным примером является М.У. в СИЗО-5. По его признанию: «*… выходил на даават на 3 дня в Араван… заряда мне от даавата хватало на 1 месяц, но после 15 дней заряд падал… потому что я играю в азартные игры в карты, умею мухлевать… в тюрьме жизнь интересная, здесь выносят справедливые решения… хочется в Европу в Германию, хочу английский выучить*».

Большинство из лиц, осужденных за попытку выезда в зоны боевых действий за рубежом - молодые люди, и тот факт, что они не успели совершить террористические действия и не имеют устойчивых радикальных идеологических убеждений, позволяет выделить данную группу и применять к ним отдельные методы дерадикализации. При этом, имеются сведения о том, что некоторые лица, возвратившиеся из Сирии, сознательно сдались властям и пошли на сотрудничество, разуверившись в джихадистской идеологии и не желая далее участвовать в террористической деятельности, одновременно опасаясь за свою безопасность перед лицом возможных угроз прежних единомышленников.

Еще одним характерным примером осужденного данной категории является Ш.М. в ИК-27. Анализ полученных в отношении него данных свидетельствуют в пользу того, что он по характеру, пристрастиям и поведению близок к криминальному миру, однако, ранее оказал содействие группе террористов, предоставив им жилье. В местах заключения открыто, активно конфликтовал с администрацией учреждений и осужденными за терроризм и экстремизм, но, в тесном окружении последних, постепенно начал сближаться с ними. Представляется, что к подоб-

ным лицам нельзя относиться также как к «воинствующим или идеологическим экстремистам» и содержать с ними в одних камерах.

Главной целью профилактической работы с осужденными за ТиЭ является их дерадикализация. Иногда в результате целенаправленной работы администрации и под влиянием внутренних побуждений (усталость от тюремной жизни) некоторые лица отходят от экстремистской идеологии. Данную категорию мы назвали **«Раскаявшиеся».** Критериями отнесения к ней являются:

– Признание своих преступлений в прошлом и открытый отказ от идеологии и организации,

– Готовность к сотрудничеству с силовыми органами,

– Соответствие других внешних проявлений поведения и убеждений искреннему раскаянию.

Примером такого осужденного является Т. в ИК-27, который пробыл в Сирии 2 месяца в составе международной террористической организации (МТО) «Джабхат-ан-Нусра», задержан и осужден на 4 года лишения свободы. В ходе интервью он достаточно подробно рассказал о своем участии в террористической деятельности, признает свою вину и раскаивается. Мотивы выезда и поведение указанного лица также свидетельствуют в пользу его искреннего раскаяния.

Важно вовремя и эффективно построить работу с данной категорией лиц, чтобы закрепить их исправление и, возможно, использовать в дерадикализации других осужденных, а также в профилактической деятельности за пределами мест заключения (например, с помощью привлечения их к видео-интервью).

Последняя категория осужденных - это **«Не поддающиеся на текущий момент достаточно точному определению»**. Критериями отнесения осужденных к ней являются:

– Полное или преимущественное отрицание участия в ТиЭ деятельности, в то время как приговор суда свидетельствует об обратном, а в ходе опросов выявляются элементы радикальных религиозно-политических убеждений,

– Отсутствие в результатах опросов проявлений явного экстремизма при наличии признаков сознательного сокрытия радикальной идеологии,

– Отказ принимать участие в исследовании.

В ходе исследования респонденты часто отказывались от выдвинутых против них и доказанных судом обвинений в участии в преступлениях террористического характера. При том, что исключать вероятность следственной или судебной ошибки в отношении них нельзя, мы исходили из предположения, что она не больше чем среднестатистическая по всем категориям преступлений. В большинстве случаев осужденные пытаются сознательно или несознательно оправдать себя.

Так, среди не признающих свое участия в ТиЭ оказались лица, осужденные по «тяжелым» статьям и приговоренные к большим срокам.

Кроме того, в ответах, полученных от представителей данной категории, достаточно часто прослеживается противоречивость, целенаправленный отказ отвечать на многие вопросы, связанные с выявлением радикальных политических и религиозных убеждений, наличие отдельных радикальных высказываний. Некоторые отказались совсем от участия в исследовании. Все это может указывать о попытках сокрытия ими своих истинных взглядов.

Есть предположение, что ряд представителей исследуемого контингента имеют неустойчивые взгляды, так как слабо представляют радикальную идеологию. Они почти не получили общеобразовательных знаний, так как многие из них не окончили даже начальную школу или совсем плохо учились.

При этом других уточняющих сведений (от администрации, сотрудников учреждений) в отношении подобных лиц получить не удалось.

Соответственно, было трудно сделать выводы об их настоящей идеологической приверженности и уровне риска, которую представляют, а потому они отнесены к данной категории.

Одновременно, нельзя исключать, что некоторые из них имели косвенное отношение к террористической деятельности, не будучи идеологизированы и сами того не осознавая до конца всех последствий, а в настоящее время пытаются отрицать свою причастность полностью. То есть, при дальнейшем изучении возможно выделить среди них «соучастников, косвенно причастных».

Также к «Не поддающимся определению на текущий момент» мы отнесли ряд лиц, которые ранее были явно из числа воинствующих, но в настоящий момент по разным причинам потеряли открытую агрессию, о чем свидетельствует интервью и психологическая экспертиза. В их числе, например, Б.А. в СИЗО-1. Результаты рис.теста: *регрессия, торможение. Возможности слуховой галлюцинации или болезненно воспринимает критику окружающих о себе. Плохая ориентировка в пространстве. Сосредоточенность на цели, принятия некоторого порядка. Непринятия реальности. Поиск самоутверждения и контактов. Тревога, связанная с мышлением или воображением. Тенденция к импульсивному поведению. Непостоянство в поведении. Нехватка устойчивости, настойчивости, упорства. Чувство нехватки психологической теплоты дома. Примитивная агрессия. Возможности плохой личностной организации. Отказ реально смотреть на вещи. Страх. Присуща вербальная агрессия. Большая речевая активность (болтливость).*

С данной категорией осужденных должна проводиться системная работа, направленная на дальнейшее выделение из нее представителей перечисленных выше категорий, для более точного определения подходов в работе с ними.

При этом к «Не поддающимся на текущий момент достаточно точному определению» экстремистам необходимо повышенное внимание ввиду наличия среди них скрытых «Воинствующих экстремистов», которые могут вынашивать опасные террористические намерения. С другой стороны, отдельные из них могут относиться к «Соучастникам, косвенном причастным» экстремистам и легче воспринимать воздействие в плане их дерадикализации.

Необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что определение осужденных в ту или иную категорию не является безошибочным и неизменным, может меняться с течением времени. Требуется систематически и разными способами уточнять, перепроверять и корректировать информацию в отношении исследуемого контингента и сделанные на ее основе выводы. Вместе с тем, использование данной классификации может послужить одним из достаточно полезных оценочных инструментов, в рамках методологии работы по дерадикализации осужденных экстремистов.

Библиография

1. Эсенаманова Н.С., Вейцель Р.В. “Хизб ут-Тахрир” в Кыргызстане: состояние и тенденции. Бишкек. 2015.

2. Полевое исследование было проведено коллективом авторов межведомственной группы и данная статья основана на отчете «Организация работы сотрудников уголовно-исполнительной системы с контингентом осужденных за экстремистские и террористические преступления». Бишкек, 2018 г.

3. Следует отметить, что для классификации в Алжире применяется инструмент с 180 вопросами. Более подробно см.: Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. ООН, Нью-Йорк, 2017 г. С. 45. Кроме этого, отечественными исследователями предлагается следующая градация - отсутствие радикализации, экстремизм, воинствующий экстремизм, терроризм. См.: В отчете по итогам мониторинга исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Кыргызской республики по работе с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Бишкек, 2018. С. 48-49.

Религиозная атрибутика: отношение общественности к хиджабу в Казахстане (анализ дискуссий и обсуждений в республиканских СМИ)

Карлыгаш Бижигитова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Социально-гуманитарных наук,
Университет Международного Бизнеса,
Алматы, Казахстан

В данной статье рассматривается вопрос, связанный с запретом ношения хиджабов в школах Казахстана, который вызвал большой общественный резонанс. Дается анализ мнениям и дискуссиям по данному вопросу в СМИ.

Споры вокруг вопроса о ношении хиджабов в учебных заведениях Казахстана возникал не раз за последние годы. Так, Министерство образования и науки РК приказом от 14 января 2016 года № 26 внедрило «Единые правила для школьной формы, согласно которым в стенах государственных учреждений образования необходимо придерживаться определенных правил в соответствии с законодательством». В октябре 2016 г. вице-министр образования и науки РК Эльмира Суханбердиева в очередной раз подчеркнула, что «*Ношение религиозной атрибутики, одежды, головных уборов (хиджабов, ермолок) не допускается и не допускалось ранее*» /1/.

Министерство юстиции, поддержав Министерство образования и науки по данному вопросу, отметило, что запрет на ношение религиозной атрибутики в школах не является новым. Вице-министр юстиции Зауреш Баймолдина прокомментировала позицию Министерства юстиции следующим образом: «*Это требование существовало давно. Некоторые люди просто не хотят исполнять его сознательно, или в силу незнания законодательных норм нарушают эти требования. Теперь же, когда мы вернулись к обязательности школьной формы, этот вопрос приобрёл остроту. Это требование у нас всегда было – запрет на ношение какой-либо религиозной атрибутики в средних учебных заведениях*» /2/.

Решения указанных министерств по вопросу ношения хиджабов в школах вызвали шквал обсуждений и дискуссий, которые выплеснулись на страницы республиканских СМИ. Они не оставили равнодушными представителей различных слоев общественности. Разброс мнений был самым разнообразным и противоречивым, от негодования от намерения о принятии запрета, до негодования об отсутствии решения о запрете. Даже эксперты не ожидали такого накала страстей при обсуждении проблемы, которая многих не задевала напрямую.

Какие взгляды и позиции выявили эти дискуссии?

В первую очередь надо отметить позицию официальных структур, как государственных, так и религиозных.

Представители государственных структур в основном опирались на мнение Назарбаева Н.А., озвученное во время встречи с духовенством в Акорде в апреле 2017 г., когда президент открыто заявил следующее: «*В результате непросвещенности наши молодые люди отпускают бороды и подрезают себе брюки. Увеличивается количество казахстанских девушек, которые полностью покрывают себя черными одеяниями. Это не соответствует ни нашим традициям, ни нашему народу. Необходимо проработать вопрос запрета этого на законодательном уровне. Казахи надевают черную одежду в траурное время»*. Кроме того, президент напомнил об истории казахской культуры и традиционной одежде казахских женщин, подчеркнув отсутствие связи между черным одеянием и религией. «*Если молодежь будет следовать наставлениям, чуждым нашему народу, то что будет с государством? Мы не допустим этого. Независимый Казахстан должен иметь светлое будущее, нация должна быть едина, страна должна быть светской и развиваться дальше. Мы не потерпим тех, кто выступает против нашей цели. Это интересы не только государственного аппарата, это интересы всего народа Казахстана, его будущего*» /3/.

Это высказывание президента послужило для других официальных лиц толчком для действия. Так, Бакытжан Кулекеев, и. о. председателя Комитета по делам религий Министерства по делам религий и гражданского общества РК высказался следующим образом: «*Этот вопрос не только внешней атрибутики, будь то одежда, хиджаб, короткие штаны, борода. Среди населения проповедуется чуждая нам идеологическая установка, ценности. Иногда, к сожалению, это доходит до радикальных проявлений. Понятно, что в этих условиях общество и государство должно реагировать*» /4/.

Министерство образования и науки РК, которое собственно и стало катализатором этого спора, заняло более прагматичную позицию, сведя данную проблему к школьной форме. На официальном сайте, оно дало разъяснение по этому вопросу: «*Требования к школьной форме запрещают ношение хиджаба, так как любая атрибутика, символ, элемент так или иначе подразумевает под собой пропаганду вероучения, к которому они относятся. Обеспечивающие равенства всех религий перед законом принципы светскости не допускают преимущество какой-либо религии. Запрет на ношение хиджаба в стенах школы введен лишь в целях сохранения внутреннего распорядка учебного заведения в соответствии с принципами светскости*». При этом надо отметить существенное дополнение, что «*За пределы школы запреты по данному вопросу не распространяются*» /4/.

Весьма интересную позицию по данному вопросу занял ДУМК (Духовное

Управление мусульман Казахстана), призвав все стороны к диалогу и сотрудничеству, высказав свое мнение и рекомендации: «*Религия Ислам призывает все человечество к получению знаний… Советуем родителям больше уделять внимание дочерям, чтобы они получили обязательное светское образование… Согласно Корану и хадисам Пророка Мухаммеда (мир ему и благословение Аллаха), а также уникальным мнениям мусульманских ученых, мусульманка обязана носить платок с момента наступления умственного и полового созревания, то есть с совершеннолетия. А несовершеннолетние девочки не обязаны носить платок, так как это не соответствует Шариату. Поэтому родители не должны обременять своих несовершеннолетних дочерей с ношением платка и запрещать получение обязательного образования*» /5/. Таким образом, Духовное управление мусульман Казахстана призывает джамаат, родителей к сплоченности и прийти к компромиссу с руководителями школ.

Подобная позиция ДУМК вызывает определенные вопросы, беря во внимание, что ранее официальное духовенство выпустило фетву о мусульманских платках, защищая право женщин на ношение их на работе и на учебе.

Так в 2013 г., ссылаясь на п.5 ст.3 Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», ДУМК заявило, что «*принуждение кем-либо снять платок, а также недопущение к занятиям из-за отказа снять этот головной убор, является воспрепятствованием законной религиозной деятельности, нарушением гражданских прав физических лиц по мотивам отношения к религии и оскорблением их религиозных чувств*» /6/.

Таким образом, можно наблюдать явную трансформацию взглядов духовенства, которое выпускает фетву в 2013 году как гражданского права на вероисповедание, а также рассмотрение платков, как традиционной одежды казахских женщин, которые исторически пользовались в повседневной жизни. А затем, после встречи с президентом в 2017 г. происходит изменение позиции и взглядов на данную атрибутику. Такое изменение во взглядах официального духовенства в республике затрудняет понимание и оценку его реальной позиции.

Если такое бурное обсуждение мусульманской атрибутики стало в какой-то степени неожиданностью для казахстанского общества, то для европейских стран, эта дискуссия актуальна на протяжении последнего десятилетия. В некоторых европейских странах эта полемика также потребовала законодательного решения вопроса. К примеру в Бельгии в 2011 году вышел закон о запрете ношения хиджаба, а в 2017 году, Европейский суд по правам человека в Страсбурге вынес решение по двум искам, признав, что запрет носить в Бельгии в общественных местах одежду, полностью или частично закрывающую лицо, не нарушает Европейской конвенции по правам человека. Суд не обнаружил нарушений статьи

8 (право на уважение частной и семейной жизни), 9 (право на свободу выражения мысли, совести и религии) и 14 (запрещение дискриминации) Конвенции по правам человека. Суд, в частности, отметил, что установленный запрет можно рассматривать в качестве «условия совместного проживания», а установленное ограничение является «необходимым» в демократическом обществе. Вопрос о разрешении или запрете такой одежды должно решать само общество /7/.

В том же году, Европейский суд в Люксембурге - высшая судебная инстанция Евросоюза постановил, что европейские работодатели имеют право запрещать сотрудницам носить мусульманские головные платки на рабочем месте. Это первое его решение о демонстрации религиозных символов на рабочем месте. Решения Европейского суда обжалованию не подлежит. «*Введение внутреннего распорядка, запрещающего ношение видимых атрибутов, выражающих политические, религиозные или философские взгляды, не является прямой дискриминацией*», - говорится в решении суда /8/.

Первым закон о запрете ношения хиджаба приняли во Франции, который вызвал тогда не только бурные обсуждения, но и активное сопротивление со стороны как мусульман, так и либеральной общественности. В этом году ООН, комитет по правам человека постановил, что французский закон номер 2010-1192, запрещающий ношение хиджаба и никаба нарушает права человека /9/.

При этом надо заметить, что в европейских странах дискуссии и решения по данному вопросу находится в правовой сфере, когда ношение религиозной атрибутики , в данном случае – ношение хиджабов рассматривается как нарушение определенных законов, существующих в стране.

Обсуждение данного вопроса в казахстанском обществе носит в большей степени культурологический характер. Право на ношение хиджабов связывают с традициями народа, его культурой. Хиджабы, борода, одежда выступают как атрибутика, которая подчеркивает религиозную идентичность. Граждане через них подчеркивают первичность своей религиозной принадлежности. Это приходит в явное противоречие с задачами и целями государства, которое предпринимает большие усилия по формированию гражданской идентичности. В этой ситуации государство начинает апеллировать к национальным традициям и обычаям, возврату к истинным национальным корням, которые, по его мнению, может противостоять исламизации общества. Эксперт из Германии, сотрудница Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) в Берлине Беате Эшмент отмечает: «*Я бы это объединила под заглавием «ре-традиционализация». Обычаи, свойственные тем или иным кругам, исповедующим ислам, составляют лишь часть этого общего процесса. Он в Казахстане идет, но Казахстан тут в Центральной Азии не одинок*». Кроме того, она утверждает, что «*в этом проявляется потребность определенных кругов общества в ориентирах, и тут ощутим провал государства. Государство начало формировать нацию и*

предлагать картину того, что означает быть казахом, и, видимо, в этом не преуспело, поскольку многие люди, очевидно, иначе себе представляют, что такое быть типичным казахом в обществе. И это ведет к конфликтам между различными социальными группами» /10/.

Экономически независимые общины становятся опасными для государства в силу своей неконтролируемости, в силу своей самостоятельной базы для развития и существования. Приобретая независимость, они могут начать выдвигать свои требования и условия. Но методы, используемые государством не позволяют взять их под полный контроль, отсюда стремление ограничить их определенные права.

В спорах и дискуссиях относительно религиозной атрибутики, государство отрицает их, как элементы, противоречащие национальной культуре, историческому прошлому. Поэтому многие, в особенности националистически настроенная часть населения поддержало мнение президента, когда многие атрибуты, которые стали характерным для казахстанского общества в последнее время – черные одеяния, бороды, хиджабы - не являются традиционными для казахского народа. Поэтому они вызывают отторжение среди людей, которые призывают обратиться к национальной одежде и атрибутам. Такой подход в осмыслении религиозной символики уводит людей от решения проблемы, потому что, оно не лежит в данной плоскости. Религиозная атрибутика не может быть национальной, ислам как мировая религия всегда стремилась быть выше национальных особенностей. Тем более ханафитский масхаб, которому принадлежит мусульмане Казахстана не отрицает народные традиции, он пытается максимально учесть эти особенности. Так как, в казахстанском обществе появилось множество представителей других направлений ислама, которые нарочито подчеркивают свою религиозную принадлежность, то, они не отражают основную тенденцию в обществе. Эта группа представляет значительное меньшинство, по которым нельзя делать выводы об отходе от национальных традиций. Но, они служат поводом, для стремления к контролю со стороны государства всего религиозного общества.

Другая категория граждан считают, что решение МОН о регулировании школьной формы, с введением запрета на ношение хиджабов является попыткой отвлечь общественность от решения реальных проблем в системе образования, которые требуют более пристального внимания и безотлагательного решения.

Теме не менее, анализ мнений и позиций, которые высказывались в СМИ, четко очертил существующие в обществе проблемы, которые давно требовали своего решения или, в крайнем случае, открытого обсуждения.

Активное использование религиозной атрибутики, которое не характерно для «традиционной», официальной религии требует от людей определенной позиции, которое может восприниматься как вызов. Поэтому все эти одеяния, необычная

одежда, хиджабы вызывают подозрение.

Для политической же элиты одним из главных задач государства является построение современной нации, поэтому, обращение определенной части граждан к религии часто рассматривается, как своеобразный вызов целям и задачам государственной политики.

Личное право человека на ношение хиджаба или другой атрибутики столкнулось с правом государства регулировать форму школьников. В этом противостоянии, одни видят желание верующих противопоставить свои личные интересы общественным, другая сторона обвиняется в давлении на личные права гражданина. В общественном мнении, до сих пор, преобладает известный принцип демократического централизма, когда меньшинство должно подчиняться большинству. Это приходит в противоречие, с необходимостью защиты интересов меньшинства.

Именно наличие этого противоречия, спровоцировало ожесточенные споры и дискуссии, одни за то, чтобы меньшинство подчинялось, другие, за то, что меньшинство имело свои права. Пока не разрешится это противостояние, любые решения в этом направлении будут вызывать споры, которые охватывают все общество.

Закон, запрещающей ношение хиджабов в Казахстане до сих пор не принят, соответственно и решения отдельных ведомств по этому вопросу не имеют определенной правовой базы, что вызвало и вызывает закономерные споры. Мнение главы государства, высказанное в качестве пожелания, было воспринято многими государственными ведомствами как руководство к действию. Но, не имело под собой основания и условий для его реализации. В тоже время, эти дискуссии показали, что религиозная ситуация в стране имеет сложную природу, требует особого внимания и тщательного анализа. При принятии решений необходимо исходить из реальных потребностей общества, а не руководствоваться своими страхами, стереотипами и предположениями.

https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstane-vyiskazalis-zaprete-nosheniya-hidjaba-shkolah-304258/

https://yvision.kz/post/722112

https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-vyiskazalsya-o-kazahstankah-v-chernyih-odeyaniyah-316434/

http://control.edu.gov.kz/

https://www.nur.kz/1293532-dumk-vyskazalsya-o-noshenii-platkov-v-shk.html

https://azan.kz/ahbar/read/dumk-vyipustilo-fetvu-v-zaschitu-musulmanskogo-platka-i-musulman-2420

https://www.segodnya.ua/world/europe/espch-podtverdil-zapret-na-noshenie-

hidzhaba-v-belgii-1037216.html

https://www.bbc.com/russian/news-39264955

https://legal-dialogue.org/ru/france-niqab-ban-violates-human-rights-un-committee

https://www.dw.com/ru/казахстан-между-хиджабом-и-светским-обществом/a-42270132

Concepts of Religion in Educational Media

Zrinka Štimac
Ph.D., Senior research fellow
Georg Eckert Institute for International Textbooks Research
Braunschweig, Germany

Political, media and academic circles are currently engaged in debate over the supposed renaissance of religion, with globalisation, pluralisation and desecularisation variously cited as drivers. This said, the phenomenon appears not to be entirely new; as early as the 1970s, the Western world experienced, along with a reduction in numbers of the faithful regularly attending churches, a rise in interest in new religious movements and private expressions of faith (Luckmann, 1971; Barker, 1990). At the same time, immigration to Western societies has occasioned pluralisation in religious lifestyles (see, for example, Pollack, 2003–2012; Tomka, 2000). Recent research, in its engagement with these developments, no longer defines 'the religious' simply as the opposite of the secular, but instead is now identifying the emergence of forms of the religious in secular spaces (Wohlrab-Sahr and Burchard, 2012, 881). In light of these societal developments, research on textbooks and educational media does not stand apart from this widespread interest in religion.

1. Who we are? GEI and Religion in Textbooks

The Georg Eckert Institute conducts applied and multidisciplinary research into textbooks and educational media related to textbooks, informed primarily by history and cultural studies. Since 2013 religion is one of the relevant topics also at the Georg Eckert Institute. General information about the Institute can be found on the homepage: "The Institute conducts applied and multidisciplinary research into textbooks and educational media related to textbooks, informed primarily by history and cultural studies. It also provides advisory services to national and international education policymakers and practitioners, and acts as a coordinator and mediator in international issues and projects related to textbooks. Research, knowledge transfer and research infrastructure services are all closely interconnected in the work of the GEI. Flourishing in its role as a non-university institution both carrying out and facilitating research into textbooks and educational media the Georg Eckert Institute has grown in recent years to become an internationally recognised reference centre in the field."[92]

The retrospective shows that religion was studied at the institute back in the 1980s. At that time the Islamic scholar Abdoldjavad Falaturi and the religious scholar and evangelical theologian Udo Tworuschka published several studies on the presentation of Islam in curricula and textbooks for the study of religion, geography and histo-

[92] http://www.gei.de/en/the-institute.html

ry.[93] With a focus on the long-term developments of Islamic narratives, a longue durée research examined European textbooks. In a study of German, Austrian and Dutch school history books over a period of about 300 years, the religious historian and Islam researcher Gerdien Jonker asked to what extent the narratives of Islam contributed to the stabilization of the concepts of "We" and the "Other" and what change they have experienced in the time.[94] The portrayal of Islam in contemporary German, English, French, Austrian and Spanish schoolbooks was analyzed by a study led by sociologist and ethnologist Susanne Kröhnert-Othman.[95] Together with educational researcher Klaus Spenlen, she strove to have a concrete and objective effect on the discussion on the introduction of Islamic religious education and textbooks in the public schools.[96] A project by the historian Simone Lässig deals from a historical perspective with Jewish sermons, educational materials and music materials such as religious and hymnals from the late period of the Enlightenment in Europe.[97]

Since 2013, religion-related research at the Georg Eckert Institute has focused on the scholastic treatment of different religions and worldviews. How are religions discussed under the conditions of pluralisation and de-secularization in educational media of different subjects? Which diachronic changes can be observed there? The emergence of new teaching content and didactic concepts on the subject of religion and beliefs, the revision of curricula and textbooks as well as the introduction of new subjects (eg values and norms, practical philosophy, Islamic religious education, culture and religion) represent substantial breaking points in which the partly controversial debates on religions and worldviews in the educational context and the entanglements of religion and society - for example, in the national self-understanding - to understand.

Currently religion in textbooks has been analysed in the department "Textbook and Society". Here we deal with textbooks as seismographs of societal processes as an arena where the configurations, representation and reception of different religions with an emphasis on Islam, and of socio-cultural diversity in general have been negotiated. The transnational educational discourses on religion show, the formulation and trans-

---

93 Falaturi, Abdoldjavad und Udo Tworuschka. Der Islam im Unterricht: Beiträge zur interkulturellen Erziehung in Europa. Beilagen zu den Studien zur Internationalen Schulbuchforschung, Braunschweig: Georg-Eckert-Institut, 1992.

94 Jonker, Gerdien. „Caught in a Nutshell: 'Islam' and the Rise of History Books in Germany (1700-2005)", in: *JEMMS* 3 (1), 2011, 61-81.

95 Kröhnert-Othman, Susanne und Melanie Kamp, Constantin Wagner. Keine Chance auf Zugehörigkeit? Schulbücher europäischer Länder halten Islam und modernes Leben getrennt. Braunschweig: Georg-Eckert-Institut, 2011.

96 Spenlen, Klaus, Kröhnert-Othman, Lässig, Simone (Hg.). Integrationsmedium Schulbuch. Anforderungen an islamischen Religionsunterricht und seine Bildungsmaterialien. Göttingen: V&R unipress, 2012.

97 http://www.gei.de/en/departments/textbooks-and-society/innovation-through-tradition-approaching-cultural-transformations-during-the-sattelzeit-via-jewish-educational-media.html

mission of pedagogical concepts for dealing with religious and ideological diversity is relevant both at the local and global level.

Both our researches as well as the researchers from around the world use the *library*, whose collection of textbooks for history, geography, social and political studies, religious studies and values education is unparalleled worldwide. Also the GEI's offers modular information and communication gateway *Edumeres.net*, which provides virtual access to the most up-to-date information, publications and data from the fields of textbook and educational media research. The institute's extensive programme of *fellowships* and scholarships is dedicated to raising awareness of textbooks and textbook research. Next year we shall welcome one participant from Kyrgyzstan. And finally each year since 2012 the Institute has honoured excellence in educational media by awarding the '*Textbook of the Year'* award at the Leipzig Book Fair.

2. Why Textbooks? Projects on Religion?

According to Gerd Stein the textbook has been characterised as an *informatorium*, a *paedagogicum* and a *politicum.*[98] *Thomas Höhne add one new dimension: the notion of an educational medium as a constructorium*.[99] This approach emphasises the specific socio-cultural, constructional and discursive properties of textbooks, alongside the fact that textbooks do not represent mirror images of an 'objective' reality, but rather confluences of differing constructions of and references to that reality. In this light, researchers working on textbooks must seek to establish the origins and types of knowledge they transmit.[100]

Research on religion in textbooks and educational media takes place in a range of academic disciplines and covers a broad spectrum of geographical regions and investigative questions. The principal focus in terms of school subjects lies on religious education, history, geography, social studies, languages and ethics education, the latter being a relatively new subject which as a rule emphasises intercultural education.

The questions with which researchers engage in relation to educational media and religion vary in accordance with the relevant geographical setting and depending on the particular education policy context. We might illustrate this point by way of a number of examples: In south-eastern Europe, religious education is a significant societal issue in the light of the experience of communism and of the recent war. Textbook analyses focusing on this region examine all forms of religious education, frequently exploring the extent to which content critical of ideology appears in textbook depictions relating

98 Stein, G. (1977). Schulbuchwissen, Politik und Pädagogik. Untersuchung zu einer praxisbezogenen und theoriegeleiteten Schulbuchforschung. Kastellaun: Henn.

99 Höhne, T. (2003). Schulbuchwissen. Umrisse einer Wissens- und Medientheorie des Schulbuches. Frankfurt am Main: Johann Wolfgang Goethe-Universität, here p. 18.

100 Štimac, Zrinka: Transnational Perspectives on Religion and on Textbook Research. In *Religion and Educational Research. National Traditions and Transnational Perspectives* ed. by David Käbisch, Münster, Waxmann 2019 (forthcoming).

to religion (Kuburić/Moe 2006) or seeking to illuminate the explicit or implicit attitudes of these depictions towards the democratic system (Husremović et al., 2007). Work issuing from Central and Eastern Europe frequently regards religion as a positive resource in education (Pusztai, 2008); this research revolves, for instance, around whether religious education textbooks in the region meet the standards of intercultural education (Shakhnovich, 2015). Textbook research on religion also relates to countries, such as the US, in which religious education is not taught as a regular curricular subject in schools (on depictions of Islam here, see Douglass 2005, 1998). A project launched by the Egyptian Ministry of Higher Education explored representations of Islam and Arab culture in European, American, Asian and African history textbooks (El-Halougi 2016).[101]

At the GEI we deal currently with different project on religion in education.[102] Two of the projects have been currently funded "Islamic religious instruction: negotiation, mediation and acquisition of a new subject" and "Transnational discourses on education – Focus on religion". Here are some details about the projects.

"Islamic religious education lessons: How a new subject is negotiated, taught and practised"

The project homepage states that for decades, "one of the key issues in debates surrounding Islam in Germany has been the religious education of young Muslims. There is now broad consensus that Islamic religious education (IRU) should be introduced as an official subject in state schools in accordance with Article 7. Para. 3 of the German Constitution. The state of Lower Saxony has been one of the pioneers in this case; introducing IRU in the 2013/14 academic year. The current debate no longer centres on *whether* IRU should be introduced, but rather *how* it should be designed and structured: What should be its aims? Which problems should it address? What exactly should lessons contain? While the controversy rages on, lessons have already begun. This project is the first in-depth, systematic study of IRU in primary and secondary schools and uses interviews, lesson observations and an analysis of curricula and teaching materials in Lower Saxony." [103] The main research questions are:

1. What content should Islamic religious education convey – according to the central figures in the debate?
2. What content will actually be taught in lessons, how will pupils acquire it, and why will it be organised in that way?
3. Which interpretations of Islam will be expressed in curricula, syllabi and

[101] See Štimac, Zrinka: Religion and Textbook Research. In: *Palgrave Handbook of Textbook Studies.* Fuchs, E. / Bock, A. (eds.), New York: Palgrave 2018, S. 251-265.

[102] Please see: http://www.gei.de/en/projects/current-projects.html

[103] For the project by Riem Spielhaus and Felicitas Macgilchrist please see: http://www.gei.de/en/departments/textbooks-and-society/islamic-religious-education-lessons-how-a-new-subject-is-negotiated-taught-and-practiced.html

in the classroom?[104]

The project combines two studies. The first study to be conducted as part of the overall project is research project examining the first question: Taking curricula ('policy curriculum') into account as well as textbooks and other teaching materials ('programmatic curriculum'), this sub-study involves the analysis of materials and interviews with education policy makers, commission members, authors and religious representatives. The second study is also a research project, and addresses the second question: Using ethnographic lesson observations in four schools, interviews with teachers and pupil focus groups, the study explores what actually occurs in the classroom ('enacted curriculum'). When consolidating the two sub-studies the project heads will investigate the significance of Islam in the policy, programmatic and enacted curricula. With recourse to the heuristic 'theory of change' method the project as a whole will systematically investigate which *problems* IRU should address from the perspective of the various participants, how the individual problems can be translated into *objectives* and *concrete recommendations for action* and what happens when these recommendations are *implemented* in practice.

The project offers substantive and methodological innovations: (1) Both sub-studies will contribute to an expansion of the wider knowledge of the proceedings in current IRU lessons. (2) They will reveal how the enacted curriculum relates to the expectations and objectives of the policy and programmatic curricula. (3) The project focusses on the perspectives of pupils, largely neglected in studies until now. This approach will stimulate new responses to the central research questions as well as giving realistic and practical impulses for further developing IRU. (4) In addition the project is developing and testing an innovative methodological approach designed by an institute in Lower Saxony, which will not only produce results for this project but will be used for further research projects throughout Germany. As the state of Lower Saxony introduces IRU as an official subject and publishes the first curricula and teaching materials, this is a unique opportunity to accompany the process, to gain academic insights and to generate substantiated impulses for education practice.

"Transnational discourses on education – Focus on religion"

For some decades now, we have been able to observe a global trend for international organisations, such as the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), the Council of Europe (CoE) and UNESCO, to devote themselves to developing various concepts and tools relating to engagement with religion and religious plurality. International stakeholders have linked the ideas and concepts they have developed to social issues with relevance to education in the national, transnational and

[104] See Riem Spielhaus: Der Umgang mit innerreligiöser Vielfalt im Islamischen Religionsunterricht in Deutschland und seinen Schulbüchern. In Zrinka Štimac / Riem Spielhaus (Hrsg.) (2018): *Schulbuch und religiöse Vielfalt. Interdisziplinäre Perspektiven*. Eckert. Die Schriftenreihe 143. Göttingen, V&R unipress.

global context, primarily matters of social cohesion, security and diversity. Discussion around the issue of how to handle religion, specifically tendencies towards religious pluralisation and individualisation, has its theoretical home in, first, the 'world polity' approach and the expanded concept of 'transnational educational spaces', and, additionally, in the context of what we might call the securitisation of religion in education processes. The organisations mentioned work with a range of documents, resolutions and recommendations via which they state and clarify their positions on specific issues. The research questions are as following?

1. What is the concept of religion in different documents (see teaching about religion)?
2. How do the international actors influence the national education policies and vice versa?

The project addresses is firstly carrying out an analysis of internal modernisation processes and the education policy and legal arguments used to legitimise normative education concepts. This will be augmented by an analysis of the communication strategies and dissemination channels used within school education. Secondly, changes in religious terminology and the range of religions and world views over the last 30 years will be reconstructed from the policy documentation on human rights and intercultural education issued by the above-named organisations. As such terms are found in contexts such as human rights, diversity education and conflict resolution, this analysis will therefore also constitute a contribution to research into the interrelations between religion and politics. The third part of the project will be a comparison of the named organisations in which terminology, concepts and strategies will be investigated for similarities and divergence. The findings from these analyses will reveal what understanding of religion exists when increasingly dominant security policies related to religion encounter the presumption of a harmonising global society. In addition to addressing desiderata in this area of research, the important aspect of the project also lies in ascertaining which knowledge will be deemed relevant for the future of these organisations. It will become apparent from the documents and guidelines what future generations should learn about religion and what knowledge will find its way into future educational media.[105]

3. "Teaching about" and "teaching from"

In German education different approaches to religion in education has been applied: denominational, confessional-cooperative learning, interfaith education, and study of religion / integrative approach. All of them are part of an intercultural education. In English speaking world the wording "teaching about" and "teaching from" was coined to mark some core differences.

[105] For the project by Zrinka Štimac please see: http://www.gei.de/en/departments/textbooks-and-society/transnational-discourses-on-education-focus-on-religion.html

The approach that has been called 'teaching about religion' is shared by different international organizations and recommended as an educational practice with regard to teaching about religious plurality (from the perspective of the 'study of religion'), whose primary interest is in the communication of knowledge about religion in the context of diversity of faiths.[106] The 'interpretative approach', formulated by Robert Jackson[107] is the basis from which this manner of teaching proceeds. It encourages pupils to relate to a way of life that is different from their own by interacting with what real people from various religious traditions actually say and do (reflexivity) and helps them to connect insights from those traditions with their own personal knowledge and experience. Pupils think about what they do at Easter and hear how an Eastern Orthodox Christian family celebrates it. They then relate what they hear about this family to their own experience, including their feelings and attitudes. The strength of this approach is that it provides opportunities for pupils to actively interpret religious meaning-making, not just passively receive information about a tradition, and raises awareness of the difficulty of generalising about religion and belief and about those who follow particular traditions.[108] Nevertheless, it is not easy to employ the anthropological methods of this approach where access to first-hand materials and contacts is unavailable. There is still a danger of generalising from the particular examples chosen for study and of by-passing the truth claims made by adherents to a specific faith. There can be a particular challenge to make a 'bridge' between the pupils in the classroom and the children and families being studied.[109]

"Teaching from" approach proceeds from the assumption that religions and beliefs usually respond to human longings in some way, and human longings are ultimately understandable in spiritual and religious ways. Therefore, this approach postulates that religions and beliefs should be studied not only in their own right but also with a view to what they can contribute to the personal development of the learner. The life-world of religious experience should be brought into focus alongside the life-world of the pupil. Practically, with reference as an example to the theme of worship, pupils discover the worship practices of a community and are then encouraged to consider what it is about these practices that they personally revere and respect most deeply, and how that makes them feel. This model has resolved some of the perceived tensions in phenomenology by introducing a personal element. Nevertheless, 'learning about' and 'learning from' do not always fit neatly together.[110]

---

106 Jackson, R. (2008). Teaching about Religions in the Public Sphere: European Policy Initiatives and the Interpretative Approach. Numen, 55 (2), 151-182. See also Jackson, R. (1997*). Religious Education: an interpretive approach.* London: Hodder & Stoughton.

107 Ibid 2008, pp. 168-169.

108 See http://www.reonline.org.uk/knowing/how-re/

109 Ibid.

110 Grimmitt, M. (1987). *Religious Education and Human Development.* Great Wakering: McCrimmon.

Concluding remarks

Both the work of the Georg Eckert Institute as well as the selected projects show, that there is a diverse range of interactions that take place between educational media and different levels of local and global society. In such a situation textbooks reveal their multidimensionality. They are coined by historical and geographical, political and pedagogical, theoretical and methodical approaches. In secular societies the textbooks show that different religious concepts such as confessional, interreligious, and integrative exist well side by side, and that there are many approaches to religion in schools. It is to be analyzed which of these different approaches are going to be relevant for the future society.

See also Grimmitt, M. et al. (1996). *A Gift to the Child.* London: Prentice Hall.

Три этапа ре-исламизации: циклический процесс секуляризации и де-секуляризации

Толипов Фарход,
Директор негосударственного научного учреждения
“Билим карвони”,
Ташкент, Узбекистан

Реисламизация как таковая проходит несколько взаимопереплетенных стадий в своем развитии. *Первая стадия ассоциируется с возрождением исламской культуры, исламской идентичности людей. Это, так сказать, стадия, ориентированная на идентичность*. В ходе этого периода бывшая атеистическая система демонтируется; политическая риторика насыщается религиозными выражениями; исторические места, связанные с исламским прошлым, реконструируются; создан Исламский университет; началось массовое паломничество в Мекку и Медину.

Следующая стадия, на наш взгляд, будет, так сказать, интеллектуально (на знания) ориентированой. В ходе этого периода требование и интерес к пониманию смысла Ислама, содержания Корана и Сунны станут жизненно важными. Все больше верующих людей будут не просто осуществлять ритуальную молитву, но и стараться понимать то, что они произносят на арабском языке во время молитвы. Все больше людей будет читать Коран и понимать его каноны. Наконец, все больше мусульман станут благочестивыми мусульманами. На этой стадии будет возрастать индивидуальный запрос (inquiry) на правильное истолкование тех или иных исламских правил и коранических сур и оятов. Такие запросы уже можно все чаще наблюдать в мечетях во время пятничной хутбы, когда, с одной стороны имамы сами рассказывают об этом, а с другой – прихожане передают имаму записки с вопросами на разные темы.

Когда появится «критическая масса» образованных, зрелых мусульман, начнется третья стадия, которую можно назвать ориентированной на действия, или даже политически ориентированной. Мусульмане теперь будут готовы требовать, чтобы государственная политика проводилась, а страна управлялась в соответствии с исламскими правилами. Это не означает, что на данной стадии принцип секуляризма будет отвергаться, но это будет означать, что секуляристы столкнутся с новым вызовом со стороны своих соотечественников, которые будут обсуждать эту проблему.

Нынешние политические элиты были образованы и обучены в духе «вульгарного советского понимания атеизма» и только начинают переосмыслять старую концепцию секуляризма. В ходе дискурсов многие приходят к представлению,

что старое понимание принципа секуляризма означало отделение религии от государства, в то время как согласно европейскому подходу к этому принципу, он означает только отделение церкви от государства. Таким образом, дебаты на эту тему привели многих к «открытию», что государство и религиозные организации могут быть отделены друг от друга, а религия и государство не могут.

Тем временем, на общественный дискурс вокруг проблематики религиозных ценностей влияют множество факторов и сопутствующих дискурсов касательно национальных ценностей, модернизации, демократии, прав человека и т.п. И СМИ, и духовенство, и учебные учреждения, например, все больше говорят о тревожной тенденции деструктивного влияния Интернета, социальных сетей, компьютерных игр и мобильных телефонов. В своих пятничных проповедях имамы напоминают вредных сайтах, которые распространяют безнравственную и лживую информацию, которая все больше увлекает молодежь, захватывает большую часть жизни человека и приобретает эффект домино. В результате люди отвлекаются от совершения намазов, забывают свою веру и мусульманскую сущность.[111]

До недавнего времени на переднем информационном фронте борьбы с религиозным экстремизмом стоял образ Президента И. Каримова. Его ответы на вопросы корреспондента информационного агентства «Туркистон-пресс», данные после терактов в Ташкенте 16 февраля 1999 г. были изданы отдельной брошюрой «Оллоҳ қалбимизда, юрагимизда» («Аллах в наших душах, сердцах») и стали своеобразным религиозным манифестом высшего руководства, если можно так выразиться. В ней Президент говорит: «[М]ы не можем представить нашу нацию в отрыве от этой священной религии». Религиозные ценности, исламские понятия настолько пропитывают нашу жизнь, что без них мы лишимся нашей идентичности»[112]. Он уверенно утверждал: «[К]ак руководитель Узбекистана я никогда не допущу, чтобы какие-то злые силы оскорбляли нашу священную исламскую религию, веру наших предков, наших мусульманских граждан и создавали угрозу жизни нашего общества»[113].

В рамках общегосударственной кампании противодействия религиозному экстремизму проводится определенная идеологическая и профилактическая работа. По первому каналу государственного телевидения на всю страну регулярно транслируется телепередача «Хидоят сари», на которой муфтий города Ташкента выступает на различные темы, связанные с сущностью Ислама, содержанием ханафистского мазхаба, правильным образом жизни, а также осуждающие насилие и нетерпимость и т.д. ДУМУ издает газету «Ислом нури» и журнал «Хидоят». Они в большом количестве распространяются по подписке, а также есть в продаже. Прихожане могут их приобрести в мечетях.

111 http://ummat.uz/index.php/media-m/video-lavhalar/item/302-internet-va-telefon-fitnasi

112 И. Каримов. Оллоҳ қалбимизда, юрагимизда. – Ташкент: “Ўзбекистон”, 1999. – С.5.

113 Там же. – С. 12.

Покойный первый шейх Узбекистана Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф создал сайты www.islom.uz и www.islam.uz (на узбекском и русском языках соответственно).Он раньше выступал по радио с ежегодными получасовыми речами в течение всего месяца Рамадана (т.е. 30 дней); это были очень интересные и искренние проповеди, аналогичные пятничным проповедям в мечетях.

С 2008 года в Узбекистане функционирует Республиканский научно-просветительский центр Имама Бухари. Этот Фонд ведет научную, образовательную, просветительскую, общественную, а также издательскую деятельность. Он издает периодический журнал «Имом ал-Бухорий сабоклари» («Назидания Имама Аль-Бухари»). В своей деятельности, в том числе на своем иллюстрированном и насыщенном сайте Фонд стремится раскрывать сущность религиозного экстремизма и терроризма, на его сайте этой проблеме посвящена отдельная страничка[114]. С 2017 года этот центр реорганизован в Международный Научно-исследовательский Центр имама Аль Бухари в г. Самарканде.

В апреле т.г. Указом Президента Шавката Мирзиеева создана Международная исламская академия и Научная школа хадиса для совершенствования религиозно-просветительской деятельности в стране.[115]

В целом, за годы независимости государственная политика в области религии создала и закрепила достаточно устойчивую секулярную политическую систему Узбекистана, которая не отчуждает религию, а привлекает ее к сотрудничеству. Но, как мы понимаем, проблема секуляризации и де-секуляризации как соперничающие мировоззренческие и социально-политические процессы (доктрины) сосуществуют в сложном диалектическом единстве. Поэтому с учетом выше обозначенных трех стадий ре-исламизации, проблема регулярной корректировки политики в этой области всегда будет существовать. В силу этого, общественный дискурс и, в частности, роль СМИ в этом отношении будут подвержены влиянию динамики изменения соотношения между секуляризацией и де-секуляризацией.

В данном контексте в идеологической системе Узбекистана был изобретен замысловатый термин «узбекская модель» демократии, выведенный из концепции постепенности и пошаговости реформ. В сфере СМИ это проявляется в таком явлении, которое можно назвать «виртуальным плюрализмом», который воплощается в двух обличиях. С одной стороны, например, на телевидении в последнее время стали проводиться своеобразные диалоговые передачи на различные житейские темы (от семейных отношений и духовности до влияния поп-культуры). В этих дискуссиях осторожно задеваются и темы экстремизма, главным образом в рамках дискурса о проникновении в молодежную среду чуждых узбекскому народу ценностей и идей. Но подобные передачи и иные СМИ-платформы все еще

[114] Другой вопрос, насколько популярны публикации Фонда и строги с исламоведческой точки зрения. Но соответствующую политическую и идеологическую функцию они как бы выполняют.

[115] https://ru.sputniknews-uz.com/society/20180417/7981136/uzbekistan-islamskaya-akademiya.html

сохраняют пережитки формализма.

С другой стороны, более оживленный и менее формальный дискурс переместился в среду Интернет. Появились независимые Интернет-сайты, в том числе умеренно критические. Например, сайты *www.anhor.uz, www.gazeta.uz, www.kun.uz, www.12news.uz, www.uz24.uz, www.islam.uz,* и другие. Конечно, чувствительная политическая и правозащитная тематика и в этих сайтах поднимается с некоторой долей осторожности, но по крайней мере, они не отдают таким односторонним формализмом, как «живые» СМИ. Кроме того, электронные СМИ имеют и другое преимущество: они открывают перед пользователями мировое информационное пространство, тем самым компенсируя дефицит плюралистической информации в государственных СМИ Узбекистана. Именно поэтому Интернет СМИ становятся наиболее популярными среди граждан Узбекистана.

Дискурс, разворачивающийся нынче в СМИ относительно идентичности, ценностей, веры, традиций узбекского общества, обнаруживает довольно пеструю картину мнений, взглядов, позиций как в экспертной среде, так и в общественном мнении. Красноречивым примером может служить недавнее обсуждение на телевидении трагического инцидента в ночном клубе, когда в результате потасовки был убит известный спортсмен, чемпион мира, который отказался подчиняться требованиям охраны. Участники дискуссии в студии разделились на тех, кто считал и требовал закрыть все ночные клубы, и на тех, кто считал, что они нужны молодежи и имеют право на существование. Критики, помимо прочего приводили аргументы, ссылаясь на менталитет, ценности и религию ислама в узбекском обществе.

Выводы и рекомендации:

СМИ и государство вместе, в целом, находятся попеременно в первом и втором стадиях вышеназванного циклического процесса ре-исламизации. Третья стадия пока остается очень слабо выраженной, поскольку она зависит от динамики и цикличности первых двух стадий. Тем временем, в этой сфере возникла довольно противоречивая дуалистическая ситуация. Государственные СМИ, создавая информационные фильтры, иногда переусердствуя в этом, вроде гасят конфронтационный потенциал, скрытый в экстремистской среде. Но Интернет во многом поднимает информационные шлюзы и полностью погасить «чуждые и враждебные» голоса, звучащие в виртуальной среде невозможно. Как мне представляется, государство и СМИ уже ощущают свое отставание в международной информационной борьбе. Следовательно, можем предположить, что мы постепенно входим и в третью стадию циклического процесса.

Диалог между государством и гражданским обществом в данной сфере, как, впрочем, в любой другой сфере, остается малоэффективным. Учитывая, особый характер рассматриваемой проблемы, имеющей отношение к духовным пере-

живаниям людей и их естественным религиозным устремлениям, важно внести коррективы в государственную политику в направлении уменьшения формализованных мероприятий, как говорится, «для галочки» и выхода на взаимно заинтересованный, доверительный диалог с гражданским обществом.

Уровень и масштаб экстремистской и террористической угрозы, очевидно, заметно возрос на международном уровне, особенно в связи с появлением ИГИЛ. В то же время, «местная» угроза со стороны ИДУ в некоторой степени снизилась. Это, в свою очередь, требует усиления и консолидации международного сотрудничества в борьбе с терроризмом на глобальном и региональном уровне. В свое время Первый Президент Узбекистана И. Каримов выдвинул инициативу о создании при ООН специальной комиссии по вопросу об ИГИЛ для разработки способов борьбы с этой террористической организацией. Аналогично, и в центральноазиатском регионе важно создать механизм сотрудничества между Духовными Управлениями мусульман и другими религиозными структурами, а также совместную систему противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

СМИ должны больше затрагивать вопросы религиозного экстремизма и радикализма и освещать и анализировать на живых примерах и событиях, а также на основе разъяснения подлинного смысла сур и аятов Корана, хадисов, фикха, отдельных понятий и исторических сюжетов. Целесообразно создание соответствующих телевизионных передач, на которые нужно приглашать не только духовенство, но и светских специалистов – исламоведов, международников и т.п. Вообще было бы целесообразно создание специальной совместной передачи по искомой теме в рамках региона. Включить в фильм обширные интервью разных богословов, ученых, политиков и проч. для того, чтобы показать – в адаптированном для каждой страны виде – на телевидении каждой страны.

Целесообразно организовать межрегиональную (либо в рамках СНГ) конференцию религиозных лидеров для обсуждения ряда схожих проблем и вызовов. Важно предложить обсуждение точек зрения богословов в отношении разных форм насильственного экстремизма, радикализма и т.п. проблем. Просить духовных лидеров в качестве заключительного документа составить общее богословско-правовое решение (*фатва*) по поводу фактов радикализма, террора и других неприемлемых явлений для мусульманской общины. Подобные мероприятия могли бы стать началом (либо зачаточной формой) диалога между государством и религиозными деятелями.

Radicalization and Internet

Thierry De Wilde,
Attaché of Internal Affairs
French Embassy in Moscow,

Introduction

On 11 January 2016, in Marseille, a teacher of Jewish faith was attacked with a machete by a 15-year-old minor claiming to be from the Islamic State (EI). The Marseilles prosecutor's office indicated during the arrest of this high school student of Kurdish origin, from a "classical and normal" background, that he had probably become radicalized on the Internet. A few months later, Barack Obama said that the author of the Orlando massacre in Florida (June 12, 2016) was "inspired" by violent content on the Web. In turn, after exploiting Mohamed Lahouaiej Bouhlel's computer equipment, the public prosecutor of Paris, François Molins, mentioned the radicalization on the Internet of the latter, author of the terrorist action in Nice carried out in the ram truck on the evening of 14 July 2016.

These conclusions, which are quick to incriminate the Web, are reminiscent of those of the press and American authorities, in the aftermath of the arrest of the Tsarnaev brothers, guilty of the Boston Marathon attacks in April 2013. Indeed, in the absence of a formal membership in an identifiable violent group, digital networks are then seen as the origin of a form of radicalization in the two brothers of Chechen origin. Media reports include the fact that the elder had posted on You Tube several videos promoting jihadist action, visited jihadist forums, and was in possession of several copies of the digital journal Inspire, an English-language magazine produced by Al Qaeda in the Arabian Peninsula (AQPA).

Similarly, radicalization via the Internet and social networks is taken into account by the French National Centre for Assistance and Prevention of Radicalization (CNAPR). In the light of the terms used in the alerts sent to the platform, two recurrent terms, among a vocabulary often anxious or related to the practice of Islam and the Muslim world, refer to jihadist propaganda: Internet and Facebook.

Many media, politicians and families of radicalized people have shared the same point of view. Joined by some "experts" in de-radicalization, they advance the crucial role of the Internet in the shift of individuals to "endogenous terrorism". *The Web, through social networks, video platforms or messaging applications, is, without a doubt, a powerful vector of dissemination of jihadist propaganda* as an abundant literature reminds us on the subject. However, should this be seen as the main element in production of engagement trajectories in jihadist militancy? Can the Internet be the exclusive driving force of adherence to jihadist ideology, or even the transition to ter-

rorist action? In short, are all the 47 million French Internet users likely to contribute to the jihadism in contact with propaganda 2.0? It is to these questions that we hear to respond through empirical data and biographies of radicalized individuals and figures from the national database for the radicalized people (FSPRT).

Although the Internet is clearly an operational platform for the terrorism, *in the light of this study it appears that the world of research and of practitioners remains divided on its effective role in self-radicalization. The study of reports made to the CNAPR tends to reinforce this uncertainty.*

1. Internet, the operational platform for terrorism?

Without publicity, the political attack would not be possible. This is why modern terrorism only really appeared at the very end of the 19th century, at a time when the attacks committed by anarchists in Russia were relayed by means of leaflets. This terrorism of newspaper printing presses precedes that of generalist dailies and bookstores that comment and illustrate anarchist actions and their propaganda by the fact. This is followed by the time of the radio and photo terrorism, mainly related to national liberation struggles. The hostage-taking during the 1972 Munich Olympic Games marked the advent of a television terrorism that reaches its peak with the images of the attacks of 11-September. Hijacking planes makes it easier to hijack screens.

The Internet, which corresponds to the fifth age of the attack, is becoming a vector for communication and propaganda of jihadist groups since the 1990s. The Islamic Media Center, the first jihadist site, was created in 1991. The first site directly linked to Al Qaeda (AQ) was created in February 2000 while the famous platform alneda.com was founded the following year, a few months before the attacks on America. Particularly weakened by the destruction of its training camps in Afghanistan, the organization then tries to compensate for its operational decline by decentralizing its action through subsidiaries - Al Qaeda in Iraq (2004), Al Qaeda in the Islamic Maghreb (2006-2007), then AQPA (2009) - which set up their own media production facilities. In practice, AQ has become a decentralized nebula, and quickly understands that the Internet is the means to give the illusion of its omnipresence and control in all conflict theatres around the world.

Similarly, the emergence of pro-jihadist forums responds to the transition from Web 1.0 to the Web 2.0. Initially Arabic-speaking, many sites and discussion platforms were created in 2006. In January 2012, the Dutch intelligence services published a study estimating the number of jihadist supporters, from about 100 countries, taking part in the discussions on the various forums directly or indirectly related to the AQ movement. In France, the Ansar Al-Haqq forum had about 2,500 members in 2011, including one hundred appeared as active.

Under surveillance by intelligence services and sometimes targeted by cyber-attacks, the collaborative platforms are gradually losing their influence to the new alternative that social networks represent. Until 2008, some AQ support groups have broad-

casted propaganda videos on Facebook and YouTube. However, it is expected that 2012 and the first flows of foreign volunteers to Syria will take place before the Social Web, through the use of tens of thousands of Twitter and Facebook accounts, serves ISIS group to disseminate its caliphal project and deploy its terror strategy through skillfully staged execution videos.

In addition, the social networks Facebook and Twitter are becoming also recruitment areas. "Some individuals radicalize themselves alone through the consultation of forums and websites affiliated with the Islamist nebula," writes the ANAJ-IHEDN in June 2015. "Facebook has many advantages in identifying and initiate contact between recruiter and target, with controlled risk. Indeed, the social network algorithm suggests publications and profiles according to the type of liked pages. The study refers to two profiles of "cyber indoctrinated": the "self-entrepreneurs", who seeks contact with a radical group on his own initiative, and the "non-consenting targets", indoctrinated according to the aggressive method of sects.

In addition to propaganda, the social web has other functions. *The Internet is like this become a real operational platform for broadcasting the main strategic orientations of jihadist groups,* such as the preach of Abu Bakr al Baghdadi (July 2014), following the capture of Mosul (Iraq), calling on Muslims to place themselves under his caliphal authority to lead the jihad. Internet is also the relay of calls for action and the promotion of individual terrorism or domestic via, for example, the promotion of videos filming fighters urging Muslims in France to take the fight to France and Belgium. Providing operational advice to facilitate the use of the violence, videos or manuals, sometimes grouped together in the form of encyclopedias, are blooming on the Web from 2010. In five years, AQPA has put online 14 magazines of Inspire, an English-language magazine of professional quality, both in its writing and in his modeling. ISIS uses the same strategy from 2014 with high quality digital products such as Dabiq or Rumiyah, later declined in many languages. The virtual world also allows many jihadi forum users to raise funds to finance a trip or prepare a terrorist action via free, encrypted and anonymous messaging services such as the application Telegraph set up by the Telegram Company.

In this virtual domain of the Web's jihadi-sphere, ISIS has progressively eclipsed AQ: as Pierre Conesa and François-Bernard Huygue point out in a report on the Francophone communication of ISIS, more than AQ, ISIS is able to combine global mass propaganda on the Web and an individual approach on social networks: the organization has produced classical "one to all" type propaganda (with its various magazines and videos on Web 1.0) but also, and this is particularly innovative, a personalized " one to one approach", on social networks over which he has an excellent command (Facebook, Twitter...).

2. The world of research and practitioners divided on self-radicalization

A. The Internet, a major engine of radicalization for some people....

Journalist David Thomson, author of the books "The French jihadists" and "The returnees", brought his contribution. He transcribed the words of Abu Na'ïm, a 23-year-old French recruiter, before talking about the use of the Internet and networks by a man named Zoubeir:

"The truth is I catch people all over Facebook. I see the people, the kouffar of France; they say yes, we are afraid of the Internet, jihadists on the Internet, etc. But you're right to be afraid! They are right to be afraid these kouffar! Because there are many people I brought them to Syria and I brought them from there. So they are right to be afraid, that's what I'm telling them. Social networks, they can never do enough well enough to monitor. I will continue my work and I will continue to bring people in and they will continue to be unable to do anything to stop them from leaving and coming. Facebook is a way to target. Thanks to this, only in the last two weeks, about ten brothers have arrived, not to mention women and children".

"*As it is often the case, the first exchange between Zoubeir and a jihadist sympathizer will not take place in a mosque or in his neighborhood, but on the Internet. "It was on a forum that had nothing to do with jihadism. I was looking for information on political Islam and I came across it, completely by chance. One person told me about his vision of Islam and jihad for the first time. He was a jihadist from France. "This first discussion took place in April 2013; Zoubeir was only 16 years old and claimed to be a Quietist Salafist. He left for Syria just seven months later. As he became interested in the jihad sphere, he quickly broke with the Quietist circles. On Facebook, Zoubeir has subscribed to pages promoting the hijra, leaving France and migrating to jihad lands, like Wake up Ouma, which no longer exists. According to the algorithmic lockdown game, he met his first jihadist contacts on this mainstream platform. Then others on a social network dedicated to insiders, a kind of jihadist Facebook in French that has now disappeared, Ansar Ghuraba".*

At the end of 2014, anthropologist Dounia Bouzar was formal: Among 160 families followed by her NGO, in more than 90% of cases, indoctrination was carried out through Internet. She concluded as follows:

"What is this inhumanity that suddenly contaminates innocent and fragile souls, not particularly turned on cruelty, to the point of turning them into beasts thirsting for monstrosity and blood? It is not the issue here of drug use, or any chemical behavioral, not a switch to a form of temporary, or total, psychotic madness. No, the reality is much more frightening because of its banality, since these are young people who have become self-radicalized on the Internet, in contact with proselytes skillful. The "new terrorist discourses" have refined their recruitment techniques by mastering the tool Internet, to such an extent that they manage to offer an "individualization" of the offer that can talk to young people all over the world to be quite different. Then, they will shift the young person from virtual indoctrination to recruitment into the world. real".

Thus, according to this vision of the Web, any individual is likely to fall into the radicalization. In October 2014, L'Obs and Rue89 published an article entitled Comment Facebook put me on the path of jihad on the basis of consulting pages related to the state Islamic on the platform created by Mark Zuckerberg. The author of the article, Gurvan Krinstanadjaja, notes that his news feed very quickly locks him into an "extreme endogamy", trapped by social network algorithms.

Dounia Bouzar, in «La métamorphose opérée chez le jeune par les nouveaux discours terroristes», does not say better:

"A young person who types in a keyword such as "injustice" or "false advertising" can be trained, from video to video, in a whirlwind that proves to him that the world is nothing but "lies and plots". It's the principle cumulative and participatory Internet that allows fundamentalist networks to finely bring young people back to them, then that many did not ask themselves any spiritual questions but only wanted to fight the injustices".

The "specialist" in de-radicalization then tries to outline the process of indoctrination on the Internet, stating that a "first series of videos persuades him that he lives in a world corrupted by lies. One thing leading to another, he is convinced by a second series of videos that "secret societies manipulate humanity" before a third series of videos convinced him "that only one final confrontation with the world can save humanity through true Islam. Arrivals finally "recruitment videos which can be of variable duration and very stylish heterogeneous" which, in the end, locks up the young person who "finds himself mentally trapped paranoia that can lead him to see the worst acts in order to face the worst world".

In 2009, the International Center for the Study of Radicalization and Political Violence (ICSR) is holding with a few words close to the same point: It seems obvious that the Internet can play an intensifying and accelerating role in the radicalization process. In fact, it could be argued that the Internet is particularly beneficial to marginal and/or illegal groups and movements, because it facilitates the formation of potentially dangerous (virtual) communities, which would be impossible to implement in the real world.

B. Marginal phenomenon for others

For other experts or practitioners, self-radicalization via the Internet remains questionable. Maajid Nawaz, co-founder of the British think-tank Quilliam Foundation and repentant radical ideologue, is categorical at the invitation of the World Affairs Council of Houston (June 2015): "Self-radicalization on the Internet is a myth".

In Terrorists - The 7 Pillars of Insanity, French judge Marc Trévidic is even more explicit:

"Radicalization occurs in a variety of ways: reading, the Internet, meeting a mentor. Self-radicalization, on the other hand, is a buzzword, but it is meaningless. Even

if he is alone in front of a computer screen, surfing the web, passing from link to link, how can you claim that an individual can self-administer? As if there was no one on the other side of the screen, no one behind the Islamist sites! As if the jihadist propaganda disseminated on these sites was not thought out, built, and elaborated knowingly by administrators, moderators, super-moderators! As if terrorist groups didn't have their own Internet fighters! What is called self-radicalization is nothing more than the radicalization of the 21st century. The vector of radicalization changes and the image prevails over the written word. In this civilization of the image, jihadist videos are more successful than the writings of jihad theorists. However, radicalization through the Internet has not completely replaced carnal contact. While the incorrect term self-radicalization is supposed to refer to a person who has become radicalized only on the Internet, the case remains exceptional. The need to physically meet one's fellow human beings, to communicate directly with them and not through an interposed screen is far too strong. The Web facilitates the implementation of relationship but does not exclude physical relationships. Whether we discuss theology in the mosque, in an improvised prayer room, on the street, with friends, by phone or on the Internet, it is always the same thing".

And Judge Marc Trévidic to continue about the different phases, leading to terrorist action:

"The phase of radicalization can go very quickly, especially since the individual is young and unable to appreciate alternatives, to use a critical sense. It will also depend, in its speed and strength, on the people around it. More and more, we are seeing in our files how quickly a young Muslim can radicalize himself in a favourable universe. ...].The situation is alarming with regard to minors. Influencable, without reference, with relatively vague notions of good and evil, an absolutely null general culture, the minor has become the ideal subject of radicalization. Others move on to the next step, the one called indoctrination. The word "exploitation" is more accurate. The operator is called a mentor, guru, imam, emir, scientist, preacher, big brother. We call it what we want, but it is essential. Exploitation is the necessary phase of taking advantage of the acquired radicalization to legitimize the passage to the third act, the ultimate act, the terrorist act."

Benjamin Ducol, doctoral student in political science and researcher at Laval University from Quebec City, shares this skepticism about the role of the Internet in radicalization in conclusion of his thesis entitled Becoming a jihadist in the digital age. "Can individuals pay in violent clandestine militancy under the influence of digital networks?" he asks before mobilizing the life stories of a dozen individuals of three French-speaking countries known for their jihadist militancy. And to answer: If the biographies testify to the omnipresence of digital environments in the background of mobilization pathways in jihadist activism, in one form or another, digital environments are in reality only one element among others in the production of engagement

trajectories. In other words, the author finds, through the life stories collected, that exposure to digital networks is above all guided by relational selection mechanisms, illustrating the prior insertion of these individuals into universes of jihadist socialization in the real world. Benjamin Ducol thus deconstructs the caricatured vision of the impact of the Web in the field of radicalization, by taking into account consideration of environmental influences, the "grammar of mechanisms" and the cognitive context in which individuals are situated.

RAND Europe in turn analyses the role of digital networks in engagement processes through the study of 15 cases of British terrorists and extremists. While it concludes that the Internet accelerates the process of radicalization and acts as an echo chamber, their study points out, among other things, that cyberspace is a complement to communication between jihadists and not a substitute. While the effectiveness of AQ and Daech propaganda is well established, Pierre Conesa and François-Bernard Huyghe, co-authors of the study entitled La communication francophone de Daech (2016), also mitigate Daech's access to propaganda: "The interviews we have conducted tend to strongly relativize exclusive radicalization on the Internet. If cases may exist, they are marginal. Personalized contact, virtual or physical, is almost systematic".

3. Self-radicalization on the Internet in the light of the FSPRT and cases practices

A. A predominance of people with fragile mental health...

Testimonies of cases of radicalization on the Internet received by the CNAPR or within the prefectures' security staffs (EMS) are innumerable. Listening to families, the use of the Internet as a space for autonomous radicalization is no longer to be demonstrated:

Many alerts, randomly selected according to the sole search criterion "Internet", reveal, for the most part, chaotic paths and above all, psychological fragilities, in many of these subjects. Thus, in the light of these reports, while the mechanics of self-radicalization on the Internet are indisputable, they seem overwhelmingly limited to people with fragile mental health.

Several terrorist actions over the past five years reveal the same process. Among these, the attack on Alexandre Dhaussy, a young converted marginal who stabbed a soldier on a Vigipirate security mission in La Defense site, three days after the events in Woolwich. He will be described as bipolar by a first psychiatrist expert, schizophrenic by a second.

In addition, self-radicalization as a consequence of a chaotic journey is not limited to France. In 2014, Canadian services provided evidence of recurrent profiles whose radicalization process results above all from an individual approach without the intervention of a referent or a leader thought: they are men, aged 18 to 30 years, generally exposed or having been exposed to violence, drugs, or experiencing psychological or

even psychiatric fragility.

The archetype of the isolated actor, the Canadian Martin Couture-Rouleau perfectly illustrates this profile. Charged twice in the 2000s, particularly active on networks as well as on Twitter and Facebook, the one that overthrew two soldiers in with his vehicle on October 20, 2014 in Saint-Jean-sur-Richelieu, Quebec, is radicalized on the Internet from spring 2013 following a depression and after to have gone bankrupt.

B. Spread over a territory that does not derogate from the main geographical features of the radicalization.

In addition to the low weight of reports whose "Internet and social networks" field is informed, i.e. 13.6%, that there is one job per municipality for the domiciliation of radicalized people, including the Internet and social networks' field is filled in provides figures that nuance the impact of the Internet alone. For example, two of the largest metropolitan areas where the maximum Internet coverage, in this case Bordeaux and Nantes, are absent from the list of the 57 cities most affected by radicalization. On the other hand, Hérouville-Saint-Clair (14), a small town of 23,000 inhabitants located in the suburbs of Caen, has as many cases of radicalization as Lyon intramural, a city with more than 500,000 inhabitants. This leads us to believe that if the Internet is of fundamental importance to the point of view of the relatives of radicalized individuals who have to contact the CNAPR, the role of the Web in the process of radicalization, particularly visible in cases of chaotic pathways in mentally fragile individuals or marked by favorable cognitive biases, ultimately appears very relative.

Conclusion

As we have seen, Daesh has made the Internet vector, particularly through the use of networks the basis for the dissemination of its propaganda. Nevertheless, the control of the vector of privileged communication of digital natives, coupled with the jihadist offer of many productions of high technical quality, are they enough to "recruit" an Internet user without predisposition? Many twitter account holders, who, very early on, started too eager to respond positively. The in-depth study of many cases of radicalization reported to the platform CNAPR intends to qualify this statement. The profile and trajectories of radicalized individuals show that *the Internet is only one element among many others in the "recruitment" process.* While the virtual world undoubtedly serves the interests of radicalized movements, networks and interactions with agents of radicalization in the real world, but also certain favorable "terrains" such as fragile mental health, socio-economic instability, generational "nihilism" are much more radicalizing factors.

In other words, likely to last less than 140 characters: radicalization vector does not mean necessarily a factor of radicalization.

Размышления о религиозной политике государства и противодействии экстремизму и терроризму

Бакыт Дубанаев,
Кандидат юридических наук,
Эксперт по вопросам государственной безопасности,
Докторант Академии управления МВД России,
Бишкек, Кыргызстан

Государство на современном этапе должно четко обозначить, что религия Ислам не радикализуется, радикализуются террористические и экстремистские организации, прикрывающиеся религией Ислам.

Практически все проведенные исследования, в том числе проведенные мной, показали, что не излишняя религиозность, а наоборот религиозная безграмотность толкает молодежь в объятия террористических и экстремистских организаций, вербовщики пользуются тем, что молодежь не знает азов религии. Практически не обнаружено случаев, чтобы в Сирию и Ирак уехали воевать выпускники религиозных учебных заведений (к примеру Исламского университета) Кыргызстана.

Сегодня на каждом шагу говорят о религиозной радикализации. Однако, мы видим, что религиозные каноны (Ислама Ханафитского мазхаба) на процесс радикализации личности не оказывают никакого влияния. Речь идет о том, что международные террористические организации, а также признанные экстремистскими и запрещенные в КР организации, берут на вооружение искаженную радикальную идеологию воинствующего ваххабизма, такфир-джихадизма, которые мало того, что не имеют никакого отношения к Исламу, но и наоборот наносят нашей религии непоправимый вред.

В ходе пресс-конференции 19 декабря 2018 года Президент поддержал слова главы исполнительного комитета Абу-Даби (ОАЭ) Али Рашид Абдулла Аль Нуами, высказанного в ходе международной конференции «Ислам в современном светском государстве», который призвал распространять в Кыргызстане ислам, основанный на национальных ценностях. Теперь, для того, чтобы реализовать это на деле, чтобы в республике развилась своя исламская модель, основанная на наших традициях и обычаях, необходимо оберегать наше общество от пришлых религиозных миссионеров, которые поставили перед собой цель распространить свое понимание религии.

Следующим логическим шагом государства должно стать ограничение обучения нашей молодежи в зарубежных религиозных учебных заведениях, особенно в салафитских теологических учебных заведениях Саудовской Аравии и не-

понятного происхождения теологических центров Пакистана. Молодежь должна получить возможность обучаться за рубежом только в авторитетных и проверенных спецслужбами теологических учебных заведениях, в рамках повышения интеллектуального уровня и квалификации, и отправлять туда можно только после того, как молодой человек получит первое образование в теологических учебных заведениях Кыргызстана, то есть у него уже будет сформирована своя устоявшаяся база знаний по Ханафитскому мазхабу. Отучившиеся за рубежом молодые люди, по чуждой культуре и пониманию религии, будут пытаться насаждать на нашу почву чуждый Ислам.

Глава исполнительного комитета Абу-Даби также отметил немаловажную вещь, что детей толерантности и нравственности необходимо обучать с первого класса, это совершенное верное умозаключение. Модель понимания нашего кыргызского традиционного Ислама мы можем «внедрить» в голову наших детей с юношеского возраста, так же как «внедряли» идеи социализма и коммунизма с октябрятских и пионерских лет. Религия, это идеология, как ее привьешь детям, так она будет и восприниматься. Он также отметил, что нужен комплексный план противостояния экстремизму, причем данный план по нашему мнению, должен состоять из конкретных мероприятий и быть финансово обеспеченным.

Нынешняя Программа Правительства по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-2022 годы, утвержденная распоряжением Правительства №414-р от 20 сентября 2017 года остается жить на бумаге, так как не определены источники финансирования данной Программы, а сами мероприятия имеют обобщенный, неконкретный характер. Мероприятия должны быть конкретизированы: например, издать учебник «Ислам в современном светском Кыргызстане» для учеников 5 класса средних школ, тираж столько-то экземпляров, срок исполнения октябрь 2019 года, источник финансирования там-то, ответственный Министерство образования. Снять документальный фильм: «Джихад современной молодежи», направленный на воспитание школьников старшего возраста, длительность 40 минут, источник финансирования там-то, срок исполнения ноябрь 2019 года, ответственный Министерство культуры и ГКДР.

В настоящее время кыргызское общество слишком поляризовано. Есть часть общества которая хочет праздновать Новый год, справлять корпоративные вечеринки в кафе и ресторанах, водить детей на новогодние утренники, а есть другая часть общества, которая не приемлет этого праздника, против водружения елок на площадях нашей страны, против празднования в увеселительных заведениях и употребления гражданами спиртных напитков. И это действительно проблема для государства!

Задача государственных органов состоит в том, чтобы не дать этим категориям общества впадать в крайности. Нельзя позволять отдельным лицам выступать прилюдно с лозунгами о том, чтобы насильно сбривать бороду, насильно

заставить кыргызских девушек снимать хиджаб и не покрывать голову. Точно так же нельзя позволять отдельным верующим гражданам выступать против светских праздников, заставлять закрывать те или иные заведения общепита или продовольственные заведения (такие факты все чаще регистрируются в регионах), выступать с призывами к многоженству и так далее, то есть нарушать светские законы.

Любой призыв нарушать светские законы не должен оставаться без внимания. Органы прокуратуры должны в соответствии с Законом «О противодействии экстремизму» выдвигать предостережения, а при повторном нарушении, виновные должны подвергаться штрафу и это необходимо прописать в Кодексе о нарушениях. Государство должно «держать в узде» как религиозных, так и светских экстремистов.

Задача государства и государственных органов - быть арбитром и работать на консолидацию нашего общества, вместе с тем, требуя от граждан неукоснительного соблюдения законов. Бывают моменты, когда ситуация казалось бы патовая. Одни говорят, что в государственную среднеобразовательную школу нельзя впускать девочек в хиджабе. Другая часть наших сограждан, не намерена вообще отправлять в школу своих девочек, если им не разрешат покрывать голову.

В таких случаях государство должно принимать «Соломоново решение», такие решения должны быть нестандартными. Например, решение данного вопроса мне видится в том, чтобы запретить в государственную школу ходить в хиджабах (он больше воспринимается населением как религиозный атрибут, несмотря на то, что это тот же самый платок), тем самым мы успокаиваем одну сторону, выступающую за светскость. Другим решением Министерства образования ввести как атрибут в школьную форму ношение белых платков, завязывающихся назад (как у кыргызских девушек), утвержденной Министерством образования расцветки (белый), определенного размера и правил ношения. Таким образом мы успокаиваем другую сторону, религиозную часть населения, которая требует, чтобы девочки ходили в школу с покрытой головой. То есть довольны будут и те, и эти. Голова девочки покрыта – покрыта, но это не хиджаб – не хиджаб, атрибут не религиозный, в то же время атрибут школьной формы, установленный государственным органом! Таким образом можно решать большинство из накапливающихся проблем.

События, произошедшие в ноябре 2018 года в исправительном учреждении в Таджикистане, связанные с бунтом заключенных, и убийством сотрудников исправительного учреждения, а также жестокого подавления бунта с применением спецназом огнестрельного оружия, обнажила проблему содержания осужденных за совершение преступлений террористического и экстремистского характера в исправительных учреждениях.

У нас в республике был похожий случай, связанный с побегом в 2015 году из СИЗО-50 пожизненно осужденных за совершение тяжких насильственных преступлений с осужденными членами террористических организаций, также сопряженный с убийством сотрудников СИЗО-50. После данного случая государство, как показывает нынешняя ситуация, приняло правильное решение, содержание категории осужденных, за совершение преступлений террористического и экстремистского характера отдельно от основной категории осужденных, в локальных участках, в изолированных камерах. Во-первых, удалось оградить эту категорию осужденных и обуздать дальнейшее распространение радикальной экстремисткой идеологии в исправительных учреждениях, во-вторых удалось поставить заслон вербовке новых членов террористических и экстремистских организаций из числа заключенных лиц основного контингента, поэтому состояние безопасности в исправительных учреждениях Кыргызстана немного улучшилось.

Вместе с тем, необходимо отметить, что категория осужденных за совершение преступлений террористического и экстремистского характера, в ходе отбытия наказание, вовсе не исправляются и не перевоспитывается, от своих радикальных воззрений не отрекаются. Исследования показывают, что многие из них еще более радикализуются, возникает обособленность от общества и озлобленность на государство. Ситуация показывает, что с таким контингентом государству необходимо на постоянной основе работать.

Назрела необходимость разработки системы государственных реабилитационных и реинтеграционных мер, направленных на коррекцию поведения таких лиц, изменение их убеждений и успешное возвращение их в социум. У кого проблемы с теологическим восприятием и отношением к религии, специалисты должны проводить теологическую коррекцию взглядов. У кого ненормальная психика, должны работать психиатры и психологи. У кого проблемы в жизни с интеграцией в социум, должны работать социологи и юристы.

Если не работать с такой категорией, не проводить с ними профилактическую работу, а после отбытия наказания просто отпускать, то не исключено, что среди них появятся будущие террористы и вербовщики террористических и экстремистских организаций, а это очень опасно! Вступающий с 1 января 2019 года новый Уголовно-исполнительный кодекс имеет упущения в этой части. Если прежний УИК КР предусматривал административный надзор за подобной категорией осужденных, то после нового года понятие административный надзор, исчезнет. Новый Закон о пробации данную категорию осужденных не охватывает, так как они условно-досрочно не освобождаются. Совершившие менее тяжкие преступления будут под постоянным пробационным надзором, а насильники детей, члены организованных преступных групп, террористы и экстремисты (лица, не имеющие право на УДО) после отбытия наказания освобождаются и могут

идти «на все четыре стороны». Кодекс не предусматривает нахождение данной категории под надзором, это по крайней мере нелогично и опасно! Необходимо в этой части также пересмотреть законодательство.

Women Leadership Performance and Work-family Balance: Policy and Religious Concern

Sharifah Hayaati Syed Ismail al-Qudsy
Assoc. Professor Dr,
Lecturer at the Department of Islamic Political Science,
Academy of Islamic Studies, University of Malaya,
Kuala Lumpur, Malaysia

Abstract

Work-family balance (hereafter, WFB) is the degree to which an individual is able to simultaneously balance emotional and behavioral demands of both paid work and family responsibilities. Studies had shown that WFB can lead to Job quality and achievement (JQA) and JQA is determinant for job satisfaction (JS). This WFB, JQA and JS circle is important for women in playing her role as a wife, mother and leader. Due to significant demand on women leadership performance (WLP) and empowerment, quality service and well child upbringing, the role especially as a religious woman to balance up between work and family becoming more challenging. At the same time, studies proved that good policy and religious concern (RC) can ensure WFB but this account is found largely unexplored. Existing WFB discussions are found to be more on western setting. Thus, this report attempts to highlight the religious concern (RC) and Malaysia policy (MP) of which is hoped to enrich dimensions on WFB discussion from non-western setting. Simultaneously contribute to current scenario and empirical analysis. This report is also investigate what are the religious elements in national policy potential for WFB and simultaneously provide local insight on how Malaysia governs for WFB. By using literature review and official documents analysis, this report is hoped to share local insight and contributes to policy and religious concern on WFB. It is found that although many related policies are introduced, their effectiveness in achieving WFB in Malaysia is still an undergoing process. Nevertheless, religious elements embedded in the national policies are viewed as potential in developing RC and good values for Muslim women.

Introduction

Work-family balance (hereafter, WFB) is the degree to which an individual is able to simultaneously balance emotional and behavioral demands of both paid work and family responsibilities. (Moazami-Goodarzi 2018; Clark 2017) Balancing work and family are a delicate task especially for married women because they are closely associated with household cares and chores (Geetha Subramaniam and *Doris Padmini Selvaratnam* 2010). In Malaysia, working mothers are a dual career. Dual career means the individual has the dual role of a homemaker and a wage earner in the workplace.

Currently, 54% of the labour force in Malaysia comprises women which mean they earn their own money and 70% of them are married. (Ministry of Finance 2017) This situation of not rightly balance can contribute to social and work family conflict (WFC) (Sugumar 2013). Whereas WFC can lead to several `negative externalities' such as stress, poor job performance, loss of motivation, burn out, absenteeism, employee turnover, health and social problems among workers such as drug abuse, mental-illness and stress. (Sugumar 2013). Generally, people with mental problems are also associated with family problems and dissatisfaction in the workplace. Generally,women are said to face mental stress 1.5 times more than men. (Stienstra and Gucciardi 2002). Besides, frustration over not achieving work and family balance will likely make employees leave the organization and bring harm to the family and community. Employees who are satisfied with their jobs live longer and are less likely to fall ill (Higgins et.al 1991). A study showed that burnout among employees is more common and may affect every aspect of their task, have a harmful effect on interpersonal and family relationships and lead to a negative attitude towards life in general (Lacovides et. al 2003). This implication will therefore be impacted on women leadership (WL), job satisfaction(JS) and job performance (JP).

One common research finding shows that job satisfaction (JS) correlates with family and life satisfaction (FLS) (Wayne 2017; Clark 2017: Rain, Lane and Steiner 1991). This correlation is reciprocal whereby one who is satisfied with her job tend to be satisfied with her life including family satisfaction, and one who is satisfied with life tend to be satisfied with her job. JS and FLS give positive environment and act as good factors contribute to job quality and job achievement (JQA) and reduce possibilities of WFC. Thus WFB, JQA and JS circle is important factors for women leadership performance (WLP). The correlation between WFB, JS, FLS, JQA and WLP is draw as below;

WFB $\Rightarrow$ JS $\Leftrightarrow$ FLS $\Rightarrow$ JQA $\Rightarrow$ WLP

Based on the above background and the fact that many studies in Malaysia have not focused attention on both the policy angle and religious concern, this report attempts to further investigate the WFB related policies and religious concern (RC) in Malaysia governance.

Women and work policies in Malaysia

Workforce in Malaysia is governed by several statutes of employment and labor laws such as the Employment Act 1955, Industrial Relations Act 1967, Minimum Wages Order 2012 and Minimum Retirement Age Bill 2012 (for private sector employees), Employees' Social Security Act, 1969, and Pensions Act, 1980. Malaysian Law also provides special protection for women in the workforce. For instance, Part VIII of the Employment Act 1955 specially highlights that women in the non-professional force are prohibited from night work as well as underground work. On the other hand, women in the professional category are in a different scenario altogether, as dictated by their

professions and relevant statutes.

The government in all sorts of instruments approves and encourages women participation in development. The progress in the advancement of the cause of women in Malaysia should be viewed within the context of the overall framework of national development policies, plans, and objectives. This is because efforts and plans to improve the status of women are integrated and incorporated into the various long-term and sectoral planning and the National Five-Year Development Plan. The relevant policies are the New Economic Policy (1971-1990); the National Policy for Women 1989, the contents of which were incorporated in The Sixth Malaysia Plan (6MP,1991-95); The National Development Policy (1991-2000), Vision 2020; National Transformation (TN50), National Budget and several Islamic policies and approaches such as the inculcation of Islamic values; Islam *Hadhari* and *Wasatiyyah*.

Cited from The 6MP states, "The government recognizes that specific strategies must necessarily be formulated to effectively incorporate women in the process of development. Towards this end, concerted efforts will be made to progressively reduce existing constraints and facilitate the assimilation of women into the mainstream of social and economic activities."

The primary objectives of the National Women Policy under the 6MP are (KPWKM, 2005):

> (i) To ensure equitable sharing in the acquisition of resources, information, opportunities and benefits of development for men and women. The objectives of equality and justice must be made the essence of development policies which must be people-oriented so that women, who constitute half of the nation's population, can contribute and realize their potential to the optimum; and
>
> (ii) To integrate women in all sectors of development in accordance with their capabilities and needs in order to enhance their quality of life, eradicate poverty, ignorance and illiteracy, and ensure a peaceful, harmonious and prosperous nation.

The government made bold allocations of funds in its budget especially from the Third Malaysia Plan (3MP) for the development of women, primarily in their roles and functions as housewives, mothers, and supplementary income earners. In the Malaysian Budget 2018, a sum of RM20 million is allocated to conduct women training and entrepreneurship programs, which include Performance Empowerment Acceleration Knowledge (PEAK) to enhance the contribution of women in national development (Ministry of Finance Malaysia 2017). These funds were channeled through organizations such as the National Family Planning and Development Board or the ministry dealing with social welfare. For this purpose, the Ministry of Women, Family and Community Affairs set several objectives for its programs as follows:

First: To rigorously implement the Women Directors Program for achieving 30

per cent participation of women in the decision-making group. The government plans to train 125 women directors to fill vacancies on the boards of directors of private and government-linked companies.

Second: To improve opportunities for women to return to work through the 1Malaysia program that focuses on Housewife Support and encouragement for skills training of housewives; and

Third: To encourage Professional Career Women to return to the labour market through a new program called Talent Corp.

In an effort to mainstream gender into national development, women's empowerment is given special mention in the Tenth Malaysia Plan (2011-2015). As women account for 49.1% of the population, they are recognized as a primary force in contributing to the economy. Realizing this fact, the Government has set a target to increase the participation of women in the labor force from 46.1% in 2010 to 55.0% in 2015 (http://www.pmo.gov.my, 4th Annual Young Corporate Malaysians Summit).

Women & Family Friendly Work Policies in Malaysia

Malaysia is a developing country. Statistics issued by the Department of Statistics in 2010 showed that the total population of men and women was 28,908.8 million. Of this, 14,712.6 million were men and 14,196.2 women (Statistics, http://www.kpwkm.gov.my). The population of Malaysia is estimated in 2018 to be around 32.04 million.[116] More than half of university first degree holders in Malaysia are women. Women contribution to employment and the economy in Malaysia is an undeniable fact. Even at the lower levels and in minor roles, their contribution is significant. Extensive research has determined that companies with more women do better especially in terms of sales performance at more than 50 percent. Thus, without women in workplaces, Malaysia would not be able to achieve its goal of becoming a high-income country by the year 2020. At the same time, the importance of work-family balance has been given prominence since the Sixth Malaysia Plan and even more from the Ninth Malaysia Plan (2006-2010). The successful implementation of these policies could contribute towards higher organizational commitment, reduced turnover intention, and lower level of absenteeism in the workplaces (Hamid & Mohd. Amin 2014).

Furthermore, under the Economic Transformation Program, women are recognized as potential human capital to be leveraged on to increase productivity. Various measures have been outlined to promote greater participation of women in economic activities and which at the same time are beneficial for WFB. These include the following suggestions (BERNAMA News April 2015):

(i) Implement workplace policies to allow greater flexibility in working hours and the provision of child-care support;

(ii) Introduce policies that require all ministries and agencies to ensure gen-

[116] See the records at http://worldpopulationreview.com/countries/malaysia-population/

der issues are part and parcel of their policy design. In other words, all programs must incorporate the gender element; and

(iii) Encourage private sector firms to place more women executives in decision making positions. Women‘s special capacity for recognizing talent and building a culture to sustain teamwork, contributes significantly to higher productivity.

Year 2018 is also announced as the Women Empowerment Year. In this respect, several initiatives will be implemented including proposing maternity leave for the private sector to be increased from 60 days to 90 days as implemented by the public sector; and encouraging women who have been on a career break for at least two years to return to the workforce, the government proposes that their earnings on a maximum of 12 months consecutive salary received be given personal income tax exemption. The incentive is available for women who return to the workforce between 2018 and 2020.(Ministry of Finance Malaysia, 2017). Besides, there are five women and family friendly related work policies that support WFB in various forms in Malaysia. They include;

1. Leave Entitlements

Annual leave, emergency leave, unpaid leave, maternity and paternity leave are allocated under the Malaysia Policy. Examples of some of the provisions are listed below:

For Maternity Leave Facilities, Public Service Circular, Number 14 of 2010 provides;

`In line with the Government’s intention of caring for the welfare of officers, feasibility and ease regulations on maternity leave are determined as follows:

1. For an officer who is eligible for maternity leave, Full Pay maternity leave for as long as 300 days during her tenure;

2. The employee is given the flexibility to determine her own maternity leave from 60 days to 90 days for each birth; and

3. Maternity leave commences on the date of delivery of the officer.

However, an employee may choose to use maternity leave earlier than the date of delivery at any time within 14 days of the expected date of childbirth’. For paternity leaves, fathers employed within the public sector are entitled to seven days of paternity leave, in contrast with three previously. In the private sector, leave granted may range from one to four days, depending on the company’. (Employment Act 1955; Amendment 2012)

2. Childcare / Daycare Policy

Incentives are provided to encourage the establishment of childcare centers at the workplace in the public sector and in the community. Employers in the private sector that set-up a specific building for a childcare center are also given tax exemption of 10

per cent of the total cost for a period of ten years.

The Government, through the 2014 Budget speech, has agreed to increase the eligibility of monthly household income of civil servants from RM 3,000.00 to RM 5,000.00 for the purpose of providing fee subsidy for childcare centers at the workplace of the public sector. Fee subsidies for childcare centers were enjoyed by civil servants provided through Circular No. 4 of 2007 and Circular No. 13 of 2008. In terms of fee assistance as well as tax exemptions and double deduction incentives, the Service Circular Number 4, 2007 (Public Service Department of Malaysia, 2007b) offers a new initiative for civil servants whose monthly household income is below RM 2000 to claim up to RM 180 in subsidized childcare fees per child. This initiative was extended in 2009 to include those whose monthly household income is below RM 3000 (United Nations, 2011). Malaysia Budget 2013 provides double deduction on childcare allowance for employees, in which they can be exempted from tax up to RM 2400 per year.In the 2018 budget, the local authorities are required to ensure that childcare facilities are provided in all new office buildings, starting with Kuala Lumpur. (Ministry of Finance 2017)

3. Flexible Work Arrangements

Providing opportunities for flexible work arrangements - such as flextime, compressed workweek, part-time, job share and telecommuting - can create a more productive and effective work environment and help workers, especially caregivers, to experience less stress than those without such arrangements. In Malaysia, flextime is applied for civil servants where the employee can choose starting and ending hours based on the time provided, but usually must be at work during a core period when all employees are present (Service Circular Number 2, 2007). The Employment Act 1955 also prohibits female employees to work in any industrial or agricultural undertaking between 10.00 pm to 5.00 am and to start work again the next day without having had a period of 11 consecutive hours free from such work.

4. The Provision of Training Opportunities for Up-Skilling and Re-Skilling

This provision is to equip women with the necessary skills and technology know how. It is also to diversify their economic activities instead of concentrating on certain sectors such as manufacturing. In response to the economic crisis, the Ministry of Human Resources has organized various skills training and entrepreneur development programs for retrenched workers including women. (Training of Human Resources Public Sector, Service Circular Number 6, 2005. Recruitment Policies and Procedures Daily Time Employees, Service Circular Number 3, 2011).

5. Religious Concern and Value Policy

Government has introduced several value and Islamic-based policies and approaches including Inculcating Islamic Values Policy, Islam *Hadhari* (Civilizational Islam) and *Wasatiyyah* (moderation). Malaysia also form the Institute of Wasatiyyah

Malaysia (IWM) to carry out government mission in instilling moderate and tolerance approach in nation-building (Sharifah Hayaati et.al, 2016). In Civilizational Islam approach, there are ten Islamic spiritual principles underlined;

- Faith and piety in Allah
- Just and trustworthy government
- Freedom and independence to the people
- Mastery of knowledge
- Balanced and comprehensive economic development
- Good quality of life for all
- Protection of the rights of minority groups and women
- Cultural and moral integrity
- Protection of the environment
- A strong defense policy

Several other values are embedded and fixed to the core values of public service including in the Public Service Ethos 2012, the Public Service Circular Guidelines and objectives of the Department of Public Service and government agencies themselves. In fact, this Islamic spiritual value-based service has also become the basis for the Training of Human Resources in the Public Sector under Circular No. 6 of 2005. It is designed to meet the following objectives:

a. To provide qualified personnel, capable and competent;
b. To achieve high quality work;
c. To enhance competence and productivity;
d. To shape values and positive attitudes;
e. To create value-creation added-value in the public sector; and
f. To provide direction for career advancement.

In the Vision 2020, the government identifies values as a challenge for the public service. The main objective of Vision 2020 is to make Malaysia a fully industrialized and developed nation. The government envisions that by the year 2020, Malaysia will become a united nation, with a confident Malaysian society, infused by a strong moral and ethical values, living in a democratic, tolerant, caring, economically just and equitable society, progressive and prosperous and in full possession of an economy that is competitive, dynamic, robust, resilient and socially just. Indeed, in protecting as well as enhancing Muslim women, government through its Department of Islamic Development Malaysia (Jakim) has formed a Panel Committee on Current Issues for Muslim Women (PISWI) in 2010.This Panel is established to:

a) Generate thoughts and formulate strategies to increase the awareness on the rights and responsibilities of women in Islam;

b) Identify and correct the misunderstandings and confusions in all women-related aspects, and harmonizing inter gender relations from the Islamic perspective; and

c) Advice policy makers and all stakeholders involved with current issues related to women and Islam.

There are at least eight major frameworks that enable religious concern and Islamic values to be inculcated effectively in Malaysia. They include; (Sharifah Hayaati, 2007)

(1). Federal Constitution legislative provision that Islam is a national religion;

(2). Malaysia as an Islamic country;

(3). The inculcation of Islamic Value Policy

(4).The Malaysia Plan and Vision 2020

(5). National Integrity Plan (NIP);

(6). Civilizational Islam(Islam Hadhari) as the government approach to bring the Islamic civilization glory in Malaysia;

(7). *Wasatiyyah* as the approach and mechanism for development especially under the NKRA (National Key Reformation Area);

(8). National Budget.

The 2018 Malaysian budget stressed on upholding the greatness and integrity of Islam in its Eight Thrust: Balancing between the Par Excellence of Worldly and Hereafter.

Religiosity for WFB

What is important to balance between work and family according to the previous studies is emotions. Theories assert that spill over emotions between work and family systems or disappointment one may experience in one system may affect individual performance in the other system. Some studies however asserted that emotions can be balanced through the element of religiosity. In simple words, religiosity is the degree of being religious (De Run et al. 2010; O'Connell 1978). Religiosity is the extent to which an individual is committed to his religion, reflected in his/her attitudes and behaviour (Johnson 2001). Whereas spirituality has been described to include a broad range of concepts and values such as transcendence, balance, sacredness, altruism, meaning in life, living with a deep connectedness to the universe, and the awareness of something or someone greater oneself (God, or an energy force) that provides energy and wisdom that transcends the material aspects of life (Klerk 2005).

Religiosity in Islam comprises 3 dimensions; belief, commitment and behavior dimensions.(Ghozali (2002). Religiosity in Islam is always referred as *al-tadayyun* (Sharifah Hayaati 2017). Islam comes with belief (tawhid), practices (Ibadat) and values (Akhlaq). The combination of these three practices brings into the religiosity and spirituality in oneself. For example, having good faith and belief in Allah, pray five times a day and fasting during Ramadan.

Islam recognizes the importance of women in nation-building and therefore allows and supports their essential roles including in career and family building; (al-Hassani, 2010) Allah Said;

> "And as for the believers: both men and women are in charge (or protectors) of one another, they (all) enjoin the doing of what is right and forbid the doing of what is wrong, and keep up prayers and render the purifying dues, and pay heed unto God and His apostle. It is they upon whom God will bestow His grace…." (al-Quran 9:71)

Islam highlights the unique creation of man and woman and therefore they compliment and support each other in practicing their roles; The Qur'an states that;

> "On mankind, indeed we have created you from male and female and made your nations and tribes that you may know one another. Indeed, the most notable of you in the sight of Allah is the most righteous to you." (al-Quran 49:13)

Previous studies also proved positive relationship between religiosity and job quality and job achievement (JQA)(AAhad M. Osman-Gani, Junaidah Hashim and Yusof Ismail 2013); Inasoria (2014); Benefiel, Fry and Geigle (2014). Thus, religious concern through the work of religiosity and value policy have a potential influence to one emotion to work for balance between work and family.

Conclusion

Women in Malaysia play a primary and traditional role of looking after the family, especially their children and aging parents. There are five related WFB policies in Malaysia. They include Leave Entitlements; Childcare/Daycare Policy; Flexible Work arrangements; The Provision of Training Opportunities For Up-Skilling And Re-Skilling and religiosity and values; This framework is further solidified with federal Constitution; National Pillars or `Rukunegara' and Islamic value principles. These policies not only to achieve WFB but also aimed as a cause for women enhancement and leadership. Although there are many work-family friendly policies in Malaysia, studies also showed that current work-life practices in Malaysia fall short in a number of ways. Study by Rozita (2014) showed that Malaysian employees are still struggling to find a balance between work and family life. Moreover, the absence of child care centres at the workplace, inequitable distribution of work and the inequitable division of care tasks between women and men in the household have left women with a disproportionate double burden at home and in the work place. This results in work–life imbalance, stress and stress-related sicknesses, overwork, workplace absenteeism, less knowledge of children's experience, and child neglect. Studies also showed that religious concern through religiosity is a potential way to balance emotions that lead to WFB. It involves faith and believe that upholding work and family chores with sincerity and good values is a Muslim responsibility and will be rewarded by Allah the Almighty.Religious concern also means that consciousness in bringing family close to the practice of Islam.

Thus, bring to a conclusion that policy and religiosity contribute to positive environment for WFB and WFB contributes to quality and potential element for WLP.

Acknowledgements

Special thanks to FP002-2014A for granting this research and for the conference organizer for the invitation and sponsorship.

References

Article Journal:

Allen, T. D. Herst, D.E. Bruck, C. S. and Sutton, M. Consequences Associated with Work-To-Family Conflict: A Review and Agenda for Future Research. *Journal of Occupational Health Psychology* 5(2) (2000): 278-308

Albena, Z. S, Randy, K. C. and Jeffrey, H. G. Negative Affectivity, Role Stress and Work–Family Conflict. *Journal of Vocational Behavior* 60(1) (2002): 1-16.

Ali, Faiza, Ashish Malik, Vijay Pereira, and Akram Al Ariss. "A relational understanding of work-life balance of Muslim migrant women in the west: Future research agenda." *The International Journal of Human Resource Management* 28, no. 8 (2017): 1163-1181.

Aminah Ahmad. Role Overload, Social Support and Emotional Exhaustion Among Married Female Medical Officers. *Australian Journal of Psychology* 56 (Supplement) (2004): 56.

Aminah Ahmad with Maznah Baba. The Effects of Role Overload and Social Support on Work-Family Conflict. *The Journal Asian Regional Association of Home Economics* 10(4) (2003): 196-201.

Aminah Ahmad. Job, Family and Individual Factors as Predictors of Work-Family Conflict, *the Journal of Human Resource and Adult Learning 4*(1) (2008): 57-65.

Azlina Abdullah. Themes And Issues In Research On Social Problems In The First Decade Of The 21 Century In Malaysia. *Akademika* 78 (2010): 3-14

Barnett, R. C. Home-To-Work Spill-Over Revisited: A Study of Full-Time Employed Women in Dual-Earner Couples. *Journal of Marriage and the Family* 56 (1994): 647-656

Barnett, R.C. with Hall D.T. How to Use Reduced Hours to Win the War for Talent. *Organizational Dymatic* 29(3) (2001): 192-210

Boswell, C.A. Work stress and job satisfaction for the community health nurse. *Journal of Community Health Nursing* 9 (1992): 221-227.

Cameron, L. A., Dowling, M., & Worswick, C. Education and Labor Market Participation in Asia: Evidence from Five Countries. Economic Development and Cultural Change. (2001): 459-477.

Christopher Higgins, Linda Duxbury, Karen Lea Johnson Wiley and Sons, Inc.

Part-Time Work for Women: Does It Really Help Balance Work and Family? Human Resource Management, Spring 2000, Vol. 39, No. 1 (2000): 17-32.

Clark, Malissa A., Cort W. Rudolph, Ludmila Zhdanova, Jesse S. Michel, and Boris B. Baltes. "Organizational support factors and work–family outcomes: exploring gender differences." *Journal of Family Issues* 38, no. 11 (2017): 1520-1545.

Duxbury, Linda E. with Higgins, Christopher A. Gender differences in work-family conflict. *Journal of Applied Psychology* Vol 76(1) (1991): 60-74.

Fu, C. K. with Shaffer, M. A. The Tug of Work and Family-Direct and Indirect Domain-Specific Determinants of Work-Family Conflict. *Personnel Review* 30(5) (2001): 505-522.

Geetha Subramaniam and *Doris Padmini Selvaratnam.* Family friendly policies in Malaysia: Where are we? *Journal of International Business Research* 9(1) (2010): 43-55

Goodstein, J. D. Institutional Pressures and Strategic Responsiveness: Employer Involvement in Work-Family Issues. *Academy of Management Journal* 3(2) (1994): 350-382.

Gottlieb, B. H. Kelloway, E. K. and Martin-Matthews, A. Predictors of Work-Family Conflict, Stress, And Job Satisfaction Among Nurses. *The Canadian Journal of Nursing Research* 28(2) (1996): 99-117.

Greenhauss, J. H. with Beutel, N. J. Source of Conflict between Work and Family Roles. *Academy of Management Review* 10(1) (1985): 76-88.

Greenhaus J.H., Collins K.M. and Shaw J.D. The Relation between Work-Family Balance and Quality of Life. *J Vocat Behav* 63 (2003): 510-53.

Grzywacz J.G. with Carlson D.S. Conceptualizing Work-Family Balance: Implications for Practice and Research. *Advance Development Human Resource* 9 (2007): 455-471.

Grzywacz J.G. with Marks N.F. Reconceptualizing The Work-Family Interface: An Ecological Perspective on The Correlates of Positive and Negative Spillover Between Work and Family. J *Occupation Health Psychology* 5 (2000): 111-126.

Haar, J. M., Spell, C. and O'Driscoll, M. Managing Work-Family Conflict: Exploring Individual and Organisational Options. *New Zealand Journal of Human Resource Management,* Special Issue: Work-Family & Gender (2009): 200-2015.

Hamid, Abdul. Rahman. with Mohd. Amin, S. Work family conflict and work family enrichment and their consequences in Malaysia. *Middle East Journal of Scientific Research* (2014): 729-733.

Hendrickson, R. What Does the Future Holds for Health Care? Elder Care and Long-Term Care Coverage for Workers and Their Families? *Perspectives on Works* 4(2) (2000): 16-17.

Jeffrey H. Greenhaus and Nicholas J. Beutell Source. *The Academy of Management Review*. 10, No. 1 (1985): 76-88

Joseph G. G., David, M. A. and Daniel, A. M. Work–Family Spill over and Daily Reports of Work and Family Stress in the Adult Labor Force. *Family Relations* 51(1) (2002): 28-36.

Kang, Hye-Ryun with Chris Rowley. Women in management in South Korea: Advancement or retrenchment? *Asia Pacific Business Review* Vol 11, No. 2 (2005): 213-231.

Lacovides, A., Fountoulakis, K.N. Kaprinis, S. T. and Kaprinis, G. "The Relationship Between Job Stress, Burnout and Clinical Depression". *Journal of Affective Disorders* 75, (2003): 209-221.

Mahpul Irwan Nadzif and *Abdullah* Nor Azaian. The prevalence of work family conflict among mothers in Peninsular Malaysia. *International Journal of Humanities and Social Science* 1:17 (2011a): 154-161.

Marks S.R. with MacDermid S.M. Multiple Roles and The Self: A Theory of Role Balance. *J Marriage Fam* 58 (1996): 417-432.

Mat Ali, M. F., Hamed, A. B. and Abu Hasan, H. F. Hubungan Antara Stress Peranan, Ganjaran, Etika Kerja Dan Kepuasan Kerja. *Jurnal Pengurusan Awam* (2008): 141-155.

Mariappanadar, S. "A Conceptual Framework for Cost Measures of Harm of HRM Practices", *Asia-Pacific Journal of Business Administration* Vol.5 No.2 (2013): 103-114.

Mersmer-Magnus, J. R. with Viswesvaran, C. Convergence between measures of work-to-family and family-to work conflict: A meta-analytic examination, *Journal of Vocational Behaviour 67* (2005): 215-232.

Miliken, F. J., Martins, L. and Morgan, H. Explaining Organizational Responsiveness to Work-Family Issues: The Role of Human Resource Executives as Issue Interpreters. *Academy of Management Journal,* 41(5) (1998): 580-592.

Ministry of Finance, Budget 2018. Kuala Lumpur: Malaysia

Moazami-Goodarzi, Ali, Jari-Erik Nurmi, Saija Mauno, Kaisa Aunola, and Johanna Rantanen. "Longitudinal latent profiles of work–family balance: Examination of antecedents and outcomes." *International Journal of Stress Management* (2018). No Pagination Specified.

Ollier-Malaterre, A. Organizational Work-Life initiatives: Context matters. France compared to the UK and the US. Community, *Work and Family,* 12(2) (2009): 159-178.

Sabitha Marican, Surena Sabil, Roza Hazli Zakaria and Asmak Ab Rahman. Can supportive management contribute to the well being of Muslim working women in Malaysia? *African Journal of Business Management* Vol. 5(12), (2011): 4883-4890.

Shaffer, M.A., Joplin, J.R.W and Hsu, Y.S. Expanding the Boundaries of Work-Family Research: A Review and Agenda for Future Research, *International Journal of*

Cross Cultural Management Vol.11 No.2 (2011): 221-268.

Sharifah Hayaati S.I, Sharifah Latifah S.A Kadir. ilhaamie A.G.A, Siti Arni B, Idris Nayan. The Potential of al-Wasatiyyah Value Concept for Human Sustainability (HS)in Civil Service, *Humanomics* Vol.3 (2), (2017) doi:10.1108/H-08-2016-0067

Sharifah Hayaati Ismail al-Qudsy, Values & ethics towards quality public delivery system of Malaysia: an Islamic perspective, *Syariah Journal* 15:2, (2007):25-43.

Sue Campbell Clark. Work/Family Border Theory: A New Theory of Work/Family Balance. *Human Relations* Vol. 53 no. 6. (2000): 747-770.

Wayne, Julie Holliday, Marcus M. Butts, Wendy J. Casper, and Tammy D. Allen. "In search of balance: A conceptual and empirical integration of multiple meanings of work–family balance." *Personnel Psychology* 70, no. 1 (2017): 167-210.

Wee Chan Au with Pervaiz K.Ahmed. "Sustainable People Management Through Work-Life Balance: A Study of The Malaysian Chinese Context", *Asia-Pacific Journal of Business Administration* Vol.6 No.3 (2014): 262-280.

Williams, K. J. with Alliger, G. M. Role Stressors, Mood Spill over, And Perceptions of Work-Family Conflict in Employed Parents. *Academy of Management Journal* 37 (1994): 837-868.

Book:

Bond, J. T, Galinsky, E. and Swanberg, J. E. *The 1997 National Study of The Changing Workforce*. New York: Families and Work Institute, 1998.

Cameron, L. A., Dowling, M. and Worswick, C. Education and Labor Market Participation in Asia: Evidence from Five Countries. Economic Development and Cultural Change, 2001.

Ellen Galinsky, James T. Bond and Dana E. Friedma. *The Changing Workforce: Highlights of The National Study.* New York: Families and Work Institute, 1993.

Hochschild, Arlie Russell. *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work,* no: 1. New York: Metropolitan Books, 1997.

Malaysian Employment Handbook: *A Guide for Both Employer and Employee*. Kuala Lumpur: MDC Publishers, 1997.

Ross, Randall R. with Elizabeth M. Altmaier. "Intervention in Occupational Stress". London: Sage Publications, 1994.

Shore, R. *Ahead of The Curve: Why America's Leading Employers Are Addressing the Needs of New and Expectant Parents*. New York: Families and Work Institute, 1998.

Thesis:

Aziz, Azelin. (2011). Role Demands and Work Family Balance Experience in Malaysia: The Different Moderating Effects of Collectivism and Gender Role Identity

Among Diverse Ethnic Groups. *Unpublished PhD Thesis*. Queensland University of Technology, Australia.

Conference/Paperwork:

Christopher Higgins, Linda Duxbury, Lee, C., and Mills Shirley. (1991). *Balancing Work and Family: A Study of The Canadian Federal Public Sector*. Prepared for the Department of Health and Welfare Canada (NHRDP), Ottawa

Fauwaz Hasbullah. (2014). *Kajian Keseimbangan Kerjaya Dan Keluarga Dalam Forum Penyebaran Hasil Penyelidikan LPPKN Siri 2*, May 8, 2014, Hotel Crystal Crown, Petaling Jaya.

Othman, N., Ibrahim, H., Sheik Osman, W.R., Mohd Yusof, S.A. and Md. Yussop, Y. (2011). Exploring Factors That Influence Teleworkers in The Search for Work Family Balance. *Proceedings of the 3rd International Conference on Computing and Informatics*, 8-9 June, Bandung, Indonesia.

Mahpul Irwan Nadzif and *Abdullah* Nor Azian. (2011b). Work Life Balance Among Mothers in Peninsular Malaysia. *International Conference on Population Dynamism of Asia*. 11-13 July. pp. 189-191.

Взаимодействие женщин сектора безопасности в профилактике насильственного экстремизма

Айдаркул Каана
Доктор исторических наук,
Профессор КГУ им.И. Арабаева
Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В статье рассматриваются причины радикализации населения, обусловленные трудностями переходного периода, приведшего к безработице, массовой бедности, миграции, коррупции, росту проституции, алкоголизма, потребления наркотиков, распространению ВИЧ инфекции. Особенно уязвимыми в этом плане стали женщины. В то же время именно на женщинах лежит большая ответственность в профилактике этих негативных явлений. Поэтому для нас сегодня назрела необходимость разработать и осуществить превентивные комплексные стратегии и методы в противодействии этим угрозам. Кыргызская Ассоциация женщин сектора безопасности, созданная в 2016 году, одной из своих главных задач видит в налаживании и развитии такого взаимодействия с местными сообществами, религиозными организациями.

Обретение республикой суверенитета и независимости, рост национального самосознания ее граждан снял все запреты и ограничения на свободу вероисповедания. Во многом обеспечение новых реальных условий демократизации общества, в первые годы независимости способствовало полноценному развитию религий и религиозных конфессий в республике. На смену политике государственного атеизма пришло демократическое решение религиозного вопроса, открывшее возможность свободного мировоззренческого и вероисповедного самоопределения, распространения своей веры. Рост мусульманского самосознания происходит с конца восьмидесятых годов XX века. С девяностых годов, стали уже говорить о религиозном ренессансе в Кыргызстане. Принцип свободы совести, закрепленный конституционно, открыл для этого возможности. За сравнительно небольшой отрезок времени, количество религиозных организаций возросло более чем в десятки раз, то же произошло и ростом числа культовых учреждений. Если до 1991г. в Кыргызстане функционировало всего 39 мечетей, то в настоящее время их в 7 областях и 2-х столицах насчитывается более 2743, по данным Муфтията их еще больше.

При этом общее количество мечетей в южных регионах составляет 68 процентов от всех религиозных объектов мусульманского духовенства. Кроме того, у нас имеются 76 медресе и девять религиозных вузов.

Подобные же факты имеются и по христианской религии. В стране также

действуют 365 христианских объектов[117]. Все это способствовало полноценному развитию религии и религиозных организаций. Практически в течение одного десятилетия существенно изменилась структура конфессионального пространства Кыргызстана, возникла новая религиозная ситуация.

К началу 90-х годов XX столетия она была представлена двумя конфессиями: суннитским исламом и православным христианством. Причем около 80% населения считало себя мусульманами, 15% христианами и 5% приходилось на различные секты.

Многие процессы, которые происходят в наши дни в Кыргызстане можно связать с процессами глобализации. В поиске своей идентичности многие кыргызстанцы обращаются к религии. Рост интереса к религии можно рассматривать и как реакцию на кризис переходного периода, приведшего к безработице, массовой бедности, миграции, коррупции, росту проституции, алкоголизма и потребления наркотиков, распространению ВИЧ инфекции, и т.д. В таком контексте религия предлагает своего рода социальную терапию, улучшение морального здоровья и практическую помощь для людей, потерявших смысл жизни.

Важное место здесь занимают вопросы, связанные с безопасностью.

Такие комфортные условия отмечаются, например, в Новой Зеландии, Сингапуре и Японии. В этих государствах правительство несколько десятилетий назад провело радикальные реформы в правозащитных сферах, реформировали суды, ввело огромные штрафы за нарушение общественного порядка и законов. В Швеции на 10 млн. жителей в год совершается до 100 убийств, что в 5-6 раз меньше, чем в крупных городах России. При этом Швеция в Европе государство № 1 по количеству изнасилований, к которым приравнивается намек на половой акт или домогательства. В связи с этим в этой скандинавской стране недавно приняли закон о том, что перед сексом партнер должен получить от женщины официальное согласие на него[118]. В Австрии совершается еще меньшее количество убийств – на 9 млн. человек в год совершается всего 40 преступлений. Или на 100 тыс. населения 0.9, в Кыргызстане, к сожалению этот показатель в 9 раз больше.

Не секрет, что наиболее уязвимой группой становятся женщины, независимо от национальности, религиозной принадлежности, при этом, уровень преступности измеряют по следующим показателям:

- Социальный статус женщин.
- Уровень образования среди женщин и доступ к нему.
- Предоставление квалифицированной медпомощи.

---

[117] https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chislo-mechetej-vyroslo-v-70-raz-mvd.html

[118] https://visasam.ru/emigration/vybor/prestupnost-v-mire.html

- Уровень домашнего и сексуального насилия[119].

Все эти показатели в нашей стране, в последние годы имеют тенденцию к ухудшению. К сожалению, мы «переняли» такие показатели как высокий уровень безграмотности среди женщин, и насилия в семье, дискриминация по половому признаку несоблюдение их прав, насильственная выдача замуж, унижения, высокий порог насилия по отношению к девочкам разного возраста и женщинам, продолжаются похищения девушек, в средствах массовой информации мы читали и о лишении женщины жизни, которую муж заподозрил в нарушении правил. Женщины часто становятся жертвами насилия со стороны старших родственников. Зачастую женщины же и потворствуют им в совершении насилия.

Перечисленные выше изменения, появились в последние годы и «пришли» вместе с радикализацией общества. Ранее к базовым принципам нашего общества были присущи такие качества, как: уважение к женщинам, старости, детям, уважение к чужому мнению, коллективная порука, коллективизм, уважение к обычаям, традициям, патриотизм и т.д.

Вместе с тем, в последние годы мы сталкиваемся с очень сложным явлением, происходит целенаправленное внедрение различных религиозных течений, среди которых есть явно экстремистские, функционируют различные секты, действуют миссионеры различного толка.

Появившийся в этот период идеологический вакуум стал заполняться различными учениями, искажающими сущность самого ислама.

Причем, если христианские миссионеры протестантского толка стремятся к сплошной евангелизации населения, то миссионеры «священного ислама» одержимы идеей создания исламского государства. В Кыргызстан началось проникновение представителей экстремистских и тоталитарных религиозных направлений. Естественно это накладывало свой отпечаток на формирование идентичности кыргызов.

На сегодняшний день на территории Кыргызстана зарегистрировано около 3 тысяч 200 религиозных организаций[120]более 30 религиозных конфессий.

Это, прежде всего:

- Суннитский ислам;
- Православное христианство (Русская православная церковь);
- Храм покрова Божей матери (сторонники старого православия);
- Евангельская церковь христиан-баптистов;
- Христиане Адвентисты седьмого дня;
- Христиане пятидесятники (представлены в двух ветвях «Союз цер-

119 https://visasam.ru/emigration/vybor/prestupnost-v-mire.html

120 http://knews.kg/2017/11/v-kyrgyzstane-zaregistrirovano-svyshe-3-tys-religioznyh-organizatsij/

квей христиан Веры Евангельской и религиозное объединение «Кудай жамааты»);

- Евангелистско-лютеранская община;
- Евангело-христианские церкви;
- Евангельско-христианская пресвитерианская церковь;
- Религиозный центр Свидетелей Иеговы;
- Христианская церковь полного Евангелия («Сун Богом»);
- Христиане Новоапостольцы (община);
- Поместная церковь Иисуса Христа;
- Союз церквей христиан Веры Евангельской;
- Церковь Иисуса Христа Святых последних дней;
- Лютеране;
- Саентологическая церковь;
- Лютеранская церковь «Конкордия»
- Община бахаи;
- Общины католиков;
- Общины протестантов;
- Буддийская община;
- Иудейская община;
- Мессианская еврейская община «Бейт Ешуа»
- Община русской православной церкви (не относящаяся к РПЦ);
- Община древнеправославных Христиан-поморцев (староверов-поморцев, не относящиеся к РПЦ);
- Неденоминированные религиозные организации протестантского направления (представлены 13 церквями);
- Универсальная церковь (деятельность которой, на сегодняшний день приостановлена);
- Ахмадийское общество мусульман и др.

Кроме них на территории Кыргызстана нелегально действует ряд религиозных организаций и отдельные ячейки религиозно-экстремистских партий. Следуют отметить, что экстремизм и незаконность их действий определены Верховным судом Кыргызской Республики, Духовным управлением мусульман Кыргызстана и Узбекистана и силовыми структурами двух республик. В их числе:

- Хизб ут-Тахрир аль Ислами («Исламская партия освобождения», в Кыргызстане появилась в середине 90-х годов XX в.);

- Группа «Акромия» (откололась от партии Хизб ут-Тахрир в 1997 г.);
- Группа «Хизб ан Нусра» («Партия победы», откололась от партии Хизб ут - Тахрир в 1999 г.);
- Ваххабиты (ортодоксальные мусульмане);
- Фалунгунь;
- Церковь объединения Сен Мен Муна;
- Белое братство;
- Синий лотос;
- Сатанизм;
- Учения культа Шри Чинмоя;
- Международное общество сознания Кришны;
- Школа менеджмента Махариши и др.

С каждым годом прочнее входит в общественную жизнь кыргызстанцев ряд новых конфессий, во многом чуждых и неизвестных местному населению. Страна становится поликонфессиальной. Причем, эти процессы идут с опережающими темпами,

Для традиционного общества Кыргызстана такие явления не типичны. При всей поликонфессиональности данного региона такое положение несет в себе источник для будущих конфликтов. Разумеется, большинство конфессий в своей деятельности придерживается принципа мирного сосуществования. Однако проблемой является то, что не все стремятся к этому. Многие вышеперечисленные конфессии в борьбе за умы людей, все чаще используют недопустимые, нелегальные методы и пути привлечения новых сторонников

В настоящее время новые религиозные течения обладают крупными финансовыми средствами, мощной материально-технической и информационной базой, огромным опытом миссионерской деятельности. Они имеют возможность арендовать престижные залы и обещать молодежи выезд за границу на учебу или работу. Все больше разворачивается борьба между конфессиями за умы и духовную жизнь населения, которые вполне могут привести к устойчивым межконфессиональным конфликтам интересов и может даже ценностей. Уже сейчас многие представители духовенства и народов Кыргызстана выражают обеспокоенность и выступают против открытого проведения различных акций богатыми западными религиозными сектами и течениями, чтобы не допустить дальнейшего обострения межрелигиозных отношений.

Баткенские события явили нам образец ислама экстремистского толка. Сегодня экстремистские силы проводят религиозную обработку населения, ведут религиозно-идеологическую экспансию. Прикрываясь религиозной фразеологией, по существу налицо стремление разрушить устои государства и создать

в Ферганской долине исламское государство. Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждается, очевидно, в поднятии моральной планки по поводу того, что допустимо, и что не приемлемо в обществе, когда речь заходит об этнической, религиозной, политической принадлежности граждан. И в этом ислам как мировая религия, которую исповедует подавляющее большинство населения, мог бы сыграть положительную роль. Тем более что, опираясь на наше прошлое можно сказать, что экстремизм не заложен в нас исторически, не случайно главный герой нашего народа Манас звался Великодушным. Несмотря на невосприимчивость к пропаганде ислама, на протяжении длительного времени, предки кыргызов были известны своим уважительным отношением к его служителям. Об этом свидетельствуют случаи, когда после своих набегов они «возвращали принадлежавший дервишам скот с извинениями и уверениями в том, что они питают к «божьим людям» не меньше уважения, чем сами ферганские мусульмане[121]» Между тем, очевидно, что в истории как нашей страны, как и всего центрально-азиатского региона, есть немалый опыт толерантности, который нужно использовать. Ситуация в Кыргызстане отличается большим многообразием: мусульман по происхождению и убеждениям представляют около 20 этносов.

В этом отношении мнения экспертов - лидеров национально-культурных центров об опасности крупных конфликтов на религиозной почве не лишены основания и требуют неустанного внимания в оценке развития религиозной и межэтнической ситуации, как со стороны государства, так и общества в целом.

Мы сами должны мобилизовать свои ресурсы на противодействие радикализации, понимая, что его жертвами будут все граждане. И наиболее уязвимой группой в этом плане, являются женщины. Подвергаясь насилию со стороны мужчин, она является бесправной, безграмотной. Воспитание детей от этого только страдает. Многие семьи не отправляют детей, а девочек после 9 класса в школы, не делают прививки. Многие называют все это возвратом в средние века… Среди кыргызского народа никогда не было явного угнетения на основе религиозных учений, кыргызы исповедуют умеренный ислам и не приемлют пропагандируемые радикальными исламскими организациями нормы поведения. В силу этого, в настоящее время, особенно важным, является распространение среди женщин и для женщин таких базовых принципов.

В настоящее время все больше приходит признание того факта, что применение только традиционных, ориентированных на обеспечение безопасности мер в противодействии насильственному экстремизму является недостаточным. Необходимо переходить к наиболее комплексным и интегрированным способам решения этой угрозы. Еще не использован потенциал ислама в устранении кон-

[121] Бартольд В.В. Киргизы. Глава V: Тянь-Шанские киргизы в XVI И XVII веках //Сочинения. - М., 1963. - т.II - часть 1 - С.56.

фликтных ситуаций в обществе, семье, связанных с ростом преступности. Эпизодическа роль и в профилактике алкоголизма, наркомании ВИЧ-СПИДа и т.д.

В этой связи, большую роль играет взаимодействие правоохранительных и других государственных органов, общественных, религиозных организаций, местных сообществ и т.д. Кыргызстана. И, особая роль здесь принадлежит женщинам, матерям. Поэтому для нас сегодня назрела необходимость разработать и осуществить превентивные комплексные стратегии и методы в противодействии этим угрозам.

Кыргызская Ассоциация женщин сектора безопасности, созданная в 2016 году, одной из своих главных задач видит в налаживании и развитии такого взаимодействия с местными сообществами, религиозными организациями. Имеются уже и первые положительные практики такого взаимодействия.

Необходимо тщательно изучить опыт других стран, развивать взаимоотношения с неофициальными лидерами и сотрудничество с ними, в целях совместного решения проблем и задач, проведения лекций об Исламе с представителями других конфессий. И от разовых акций и мероприятий переходить к массовым и одиночным повседневным действиям. Необходим общественный мониторинг радикализма, его профилактика и нейтрализация на массовом низовом уровне, создание Сети с самым широким охватом включая государственные органы образования и правоохраны, местного самоуправления и т.д. Нужна программа по противодействию радикализации, определению стратегии и тактики ее реализации.

Первой важнейшей составляющей частью этого процесса совершенно справедливо считают социокультурную интеграцию нашего общества, предусматривающую развитие миростроительства, включающую и взаимопроникновение национальных культур и традиций, религий, своеобразия и самобытности различных этнических общностей. В этом плане мы намечаем большую программу действий с женщинами Узбекистана, в контексте заключенного летом этого года Меморандума о взаимопонимании Кыргызской Ассоциации женщин сектора безопасности и Республиканским Комитетом женщин Узбекистана, налаживаем сотрудничество с Международной исламской Академией РУ, с научной и культурной интеллигенцией других стран. .

Для демократического развития и мирного сосуществования всех религиозных конфессий Кыргызстана, важным является разработка, и реализация комплекса мер и программ по созданию нормативно-правовой базы, и определению путей для осуществления их деятельности. Выработке мер по пресечению и недопущению деятельности миссионеров, пропагандирующих идеи реакционного толка, сект и партий, запрещенных в других странах, введение в основной общеобразовательный курс ВУЗов предмета, изучающего мировые религии.

Вопрос состоит в том, каким образом, в современных условиях этого достичь? В какой мере государственная власть может, и может ли, опираться на религиозное образование? В любом случае, оптимальный вариант решения проблемы взаимоотношения религии и общества состоит в деполитизации этих отношений, реальном обеспечении конституционного права совести и вероисповедания, осуществлении подлинного равноправия религий, нахождении баланса между конфессиями и мировоззрениями, выполняющими жизненно важные для людей функции.

Некоторые аспекты свободы совести и вероисповедания в Республике Таджикистан

Фаррухулло Олимзода,
заместитель председателя Комитета по религии,
упорядочению традиций, торжеств и обрядов
при Правительстве Республики Таджикистан

После распада Советского Союза и приобретения независимости бывшими союзными республиками и ликвидации господствующей атеистической идеологии, отношение государства к религии и верующим в ново созданных государствах коренным образом изменилось. Население этих стран проявляли особое внимание своим наследиям и религиозным традициям. Одновременно религиозные организации и общины проявляли больше активности в общественной жизни своих стран.

Однако, этот процесс в новых постсоветских независимых государств не происходило одинаково, он под вмешательством и влиянием извне и неправильного понимания понятия свободы различными агрессивными группами становился трудным, ситуация относительно свободы совести и вероисповедование населения не была ровным счетом гладким, и она подверглась различным трудностям на фоне общественной жизни граждан страны. В Таджикистане с одной стороны возрождение исламских устоев, обращение к исламу и его ценностям считалось как частью ускорения процесса национального самосознания, то с другой стороны определенные группы используя подходящий момент, распространяли чуждые религиозно-экстремистские идеи. Эти идеи в основном проникшие из-за рубежа, постепенно оказали определенное негативное влияние различным течениям, общественным группам. В первые годы периода независимости первостепенной задачей руководства страны было принятие основного закона, с учетом всех реалий и условий того периода в целях укрепления законности, управления государством и защиты прав граждан и интересов общества, и тем самым представить всем гражданам соответствующие условия для свободного волеизъявления и свободы совести. Главный закон страны Конституция Республики Таджикистан определяет основы конституционного строя страны, и выступает в качестве основного источника правовой системы государства. Её нормы считаются основной правовой базой во всех сферах республики, в том числе в сфере религии. Вся правовая база республики по регулированию общественных отношений в сфере религии сформирована на основе норм Конституции Республики Таджикистан. Статьи 1, 5, 8, 10, 14, 17, 26, 30 и 100 Конституции Республики Таджикистан непосредственно относятся к направлению формирования государственной политики в сфере религии, нормы которой имеют прямое действие. К примеру,

согласно статьи 26 Конституции Республики Таджикистан каждый человек имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакую, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов. На этом основании, нормы Конституции занимают основное место в регулировании отношений в области прав человека на свободу совести и свободу вероисповедания.

В 1990 году в Таджикистане был принят Закон «О религии религиозных организациях», который действовал вплоть до 2009 года. А в 2009 году в целях совершенствования законодательных актов относительно вероисповедания, свободы совести и регулирования в области религии парламентом Таджикистана был одобрен Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который имеет важную роль в удовлетворении религиозных потребностей общества.

В Республике Таджикистан наравне с другими видами свобод в сфере религии предоставляются все условия и гарантии для получения религиозного образования. В стране обеспечивается доступ к различным видам и уровням образования, в том числе религиозного, но только в порядке предусмотренным уполномоченными органами в сфере образования и религии в рамках действующего законодательства. К примеру, наравне с светским характером образования, государство предоставляет получать религиозное образование. В соответствии со статьей 5 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» относительно взаимоотношения государства и религиозных объединений, дается четкое определение, что государство обеспечивает светский характер образования в государственных образовательных учреждениях. Одновременно согласно пунктом 1 статьи 8 данного Закона каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.

Организация учреждений религиозного или же светского обучения, как особые формы деятельности, где обучаются дети, в соответствии со ст. 29 Конвенции о правах ребенка во всех развитых и цивилизованных обществах имеет свои стандарты и минимумы. Эта общепринятая практика. В Таджикистане также с целью защиты прав детей на образование, эти вопросы регулируются законом. Например, уровень знаний преподавателя, условия образования, предметы обучения должны соответствовать духовному и моральному воспитанию подрастающего поколения, и утвержденным программам. Общество и государство не могут быть равнодушными к столь важным вопросам относительно своего будущего, как воспитание подрастающего поколения, ибо в ст. 29 Конвенции о правах ребенка говорится: «образование ребенка должно быть направлено на: а) развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме; воспитание уважения к правам человека и основным свободам…» и в пункте 2 этой статьи упоминается: «образование, даваемое в таких

учебных заведениях, соответствовало минимальным нормам, которые могут быть установлены государством». Такое требование установлено Министерством образования и науки, и все виды обучения должны соответствовать этому минимуму. В части 14 статьи 4 Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» относительно прав на свободу совести и свободу вероисповедания приводится, что «родители или лица, их заменяющие, вправе обучать и воспитывать своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии с учетом права ребёнка на свободу совести». Республика Таджикистан создала благоприятные условия для обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания, соблюдения законных прав и интересов верующих граждан и религиозных объединений.

Одним из важных шагов в деле укрепления ответственности родителей за воспитание детей в духе гуманизма, любви к Родине, уважение общечеловеческим, культурным и национальным ценностям, а также защиты прав и интересов ребенка явилась принятие Закона Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей». Данный закон был принят на основе демократических принципов. Проект данного Закона был всенародно обсужден, и в обсуждении приняли участие все органы государственной власти, министерства и управления, предприятия, учреждения и другие организации, города и районы, поселки и селения с привлечением учёных, специалистов, религиоведов, общественных деятелей и широких масс. В общем, в обсуждение приняли участие более 2 миллионов граждан республики. Поступило более 12 тысяч предложений по совершенствованию законопроекта, и комиссией частично или полностью были учтены и приняты около 11 тысяч предложений.

Относительно запрета лицам моложе 18 лет принимать участие в отдельных видах деятельности религиозных объединений, нужно отметить, что принятию Закона Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» способствовали множества причин и проблем. Одним из основных причин являлось защита прав ребенка на образование и его нормальное физическое и умственное развитие. В соответствии с данным законом, родители обязаны контролировать поведение своих несовершеннолетних детей, в том числе их участие в деятельности религиозных объединений. Для правильного понимания сути данной нормы необходимо осознать вид деятельности религиозной организации. Деятельностью религиозных объединений являются методы и способы соблюдения, и виды удовлетворения религиозных требований граждан. Согласно части 3 статьи 3 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» основные виды деятельности религиозных объединений - это организационная, миссионерская, образовательная и культовая, т.е. существуют четыре вида деятельности. Относительно запрета на участие детей в организационных и миссионерских деятельностях религиозных объединений споров нет, и законы всех развитых стран и международные правовые акты под-

держивают это. Ибо по гражданскому Кодексу и другим актам, участие в таких сферах деятельности требует совершеннолетия субъекта, т.е. достижения им восемнадцатилетия. И в части 2 статьи 9 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» совести установлено, что минимальным возрастом учредителя религиозных объединений должно быть 18 лет. То есть ребёнок не может быть учредителем религиозного объединения, и в то же время запрещено привлечение ребёнка к пропагандистским работам. Ведь обязанностью и ответственностью ребёнка является получение образования и умственного и телесного развития. Этот вопрос был определен государственными и международными нормами. Исходя из этого, запрет на привлечение ребёнка в деятельностях религиозных объединений имеет существенные обоснования и не может стать предметом для споров.

Остаются еще два вида деятельности религиозных объединений: образовательная и культовая. По этому поводу в законе написано оговорка «за исключением детей, официально обучающихся в религиозных объединениях». Эта часть закона, имея бланкетное свойство, указывает на часть 15 статьи 4 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях», где указано: «Запрещается вовлечение несовершеннолетних в деятельность религиозных объединений, а также обучение несовершеннолетних религии без письменного согласия их родителей или лиц, их заменяющих». То есть ребёнок может получить религиозное образование в религиозных объединениях только по письменному согласию родителей и те, кто получают такое образование, могут участвовать в других религиозных деятельностях и совместных молитвах. Из этого следует, что выражение «за исключением» имеет смысл того, что дети могут беспрепятственно участвовать в двух видах деятельности религиозных объединений, то есть получать образование и участвовать в совместных молитвах, только под наблюдением своих родителей и с их согласия.

Наряду с этим, одним из важных мер в этом направлении является принятие Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии, которая утверждена Указом Президента РТ от 4 апреля 2018 года, №1042. Данная концепция была разработана с учетом нынешних условий свободы совести и вероисповедания в стране. Необходимо отметить, что государственная политика Республики Таджикистан в сфере религии формируется на основе Конституции Республики Таджикистан, международных правовых актов, признанных Таджикистаном, Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединений» и других нормативных правовых актов Республики Таджикистан, поручений и наставлений Президента Республики Таджикистан, также с учётом национальных и государственных интересов Республики Таджикистан как светского государства. В Республике Таджикистан государственная политика в сфере

религии осуществляется на основе светских размышлений и идей, свободы совести, свободы вероисповедания, религиозного плюрализма, толерантности и уважение ко всем религиям и конфессиям, равенства последователей всех религий. Целью данной концепции является в дальнейшей перспективе защитить религиозные права и свободы человека, развитие основ светского государства, распространение толерантности и уважение ко всем религиям и конфессиям, обеспечение безопасности, взаимопонимания и согласия в религиозной среде страны.

Можно сказать, что многие граждане республики неофициально обучаются в сомнительных учебных центрах за рубежом. Большинство их родителей даже не знают о местонахождении своих детей. События последних лет в некоторых ближневосточных странах свидетельствуют о том, что Правительству республики и народу Таджикистана судьбы наших соотечественников, которые обучаются за рубежом незаконными путями в сомнительных учебных центрах (то ли это религиозная или же военно - миссионерская), не безразличны. Поэтому Правительством республики принимаются соответствующие меры, ведутся разъяснительные работы среди населения.

В соответствии со статьей 8 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» получение религиозного обучения в зарубежных странах, в том числе в зарубежных высших учебных религиозных заведениях разрешается только после получения религиозного образования в Республике Таджикистан и с письменного согласия государственных уполномоченных органов по делам религии и сферы образования. Порядок получения религиозного обучения гражданами Республики Таджикистан в зарубежных странах определяется Правительством Республики Таджикистан. На основании данной статьи с целью урегулирования процесса получения религиозного образования граждан Республики Таджикистан за рубежом был принят постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2011 года №662 «Об утверждении Порядка получения религиозного образования граждан Республики Таджикистан за рубежом». Принятие данного Постановления основано на разумных и объективных критериях, исходящих от Основного закона, реалий жизни нашего общества и религиозной атмосферы, оно никоим образом не ущемляет право граждан на получение религиозного образования, обучение религии.

Некоторые СМИ, международные организации твердят о наличии ограничений на мирную религиозную деятельность. Такого ограничения в республике не существует, а есть определенные обозначенные места, где граждане могут выполнять коллективные религиозные обряды. Часть 3 ст. 20 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» предоставляет гражданам право проводить богослужения, религиозные обряды и ритуалы в молитвенных зданиях, относящихся к ним территориях, в святых местах, на кладбищах

- в зависимости от особенностей вероисповедания, а также в жилых помещениях и домах граждан. То есть согласно с этими нормами граждане могут, исходя из своих вероисповеданий, сами или коллективно проводить богослужения и религиозные обряды в предназначенных для этого местах. Во-первых, норма ч. 3 ст. 20 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» является правообладательной нормой и определяет места для проведения богослужений. У каждой религии определены время, место и порядки проведения религиозных обрядов. Чистое и безопасное место одна из религиозных требований для проведения богослужений. Ни одна демократическая страна, с высоким уважением свобод граждан, не может позволить себе предоставлять каждой религиозной организации, согласно их потребностям, места для проведения религиозных обрядов и богослужений. Учитывая это, законодатель определяет общепринятые места для проведения коллективного богослужения, где граждане могут свободно удовлетворять свои религиозные и духовные потребности. Кроме примерно 4 тысяч религиозных объединений и нескольких тысяч кладбищ и святых мест, Закон позволяет проводить богослужения в миллионах домах граждан. Из этого следует, что в республике нет ограничений на мирную религиозную деятельность, в том числе нет ограничений в проведении религиозных обрядов.

Множество инициатив и предпринятых шагов Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона в целях возрождения культурных и религиозных ценностей являются предпосылкой для изучения истинных ценностей ислама в ракурсе светского государства.

Объединение усилий стран с мусульманским населением против религиозного экстремизма и радикализма вносить существенный вклад в сохранении стабильности в зонах риска и предотвращении возможной активизации экстремистских движений в ближневосточном и в постсоветском пространстве. Хочу особо отметить, что взгляды Основателя мира и национального единства - Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона для предотвращения экстремистских, террористических актов и мирное сосуществование приверженцев различных религий реалистичны и заслуживают особого внимания. В одних из своих выступлений он подчеркнул, что: «В наши дни террористические и экстремистские группировки, сращиваясь с радикальными религиозными, националистическими и другими преступными сообществами, провоцируют вражду и насилие, религиозные, конфессиональные, этнические кровопролития и конфликты и, даже, противостояние цивилизаций. Вызывает глубокую озабоченность и то, что террористы и экстремисты, прикрываясь пречистым именем ислама, способствуют распространению исламофобии и разжиганию ненависти к мусульманам. Порочить таким образом светлое имя религии ислам, последователи которой составляют более полутора миллиарда населения земного шара и вносят заметный вклад в развитие современного мира, может

привести к опасным последствиям. Следовательно, для пресечения исламофобии нам необходимо расширить атмосферу доверия, толерантности и взаимопонимания между обществом и цивилизациями, что увеличивает, в свою очередь, наши возможности для противодействия современным угрозам и вызовам».

Одним из способов консолидации в деле упрочения безопасности и мира в ближневосточном регионе, а также в странах, где проживают мусульмане может послужит исламская солидарность. Я имею ввиду то, что все страны, невзирая на то, что по типу религиозные или светские должны сплотиться и в нужный момент отвечать вызовам в целях предупреждения и предотвращения дестабилизации в обществе. В тех странах, где обеспечены верховенство законов, права и свободы граждан, в том числе свобода вероисповедания, предоставлены все необходимые условия для удовлетворения религиозных потребностей, то естественно царит спокойствие и взаимопонимание. Именно такая религиозная атмосфера существует в Республике Таджикистан.

Можно без никаких сомнений утверждать, что достижения Республики Таджикистан в период независимости в области религии очень заметны. Уровень прав и свобод человека относительно вероисповедания в Таджикистане измеряется наличием религиозных объединений, количеством регистрированных объединений, проводимой просветительными мероприятиями в области религии и религиозного образования. В период своей независимости Таджикистан достиг значительных результатов в реализации свободы вероисповедания граждан, и в целом религиозную ситуацию в республике можно оценить, как стабильной и нормальной.

Необходимо отметить, что основные цели и задачи государственной политики в сфере религии определяются с учётом стратегических целей, которые государство поставило перед собой в новых историко-политических условиях в направлении укрепления независимости страны, обеспечения национальной безопасности и интересов, стабильности, демократизации общественной жизни. Республика Таджикистан и впредь будет осуществлять необходимые меры для создания благоприятных условий для укрепления созидательного сотрудничества государства и религиозных объединений, реализации конституционных гарантий гражданам в сфере свободы совести, обеспечения религиозно-конфессионального равенства и толерантности, предотвращения распространения идей и убеждений, радикальных движений и течений в религиозной среде, и для создания атмосферы толерантности и взаимопонимания в обществе Таджикистана.

Связь демократии, религии и светскости

***Али Хакимпур*,**
руководитель Культурного представительства
при Посольстве Исламской Республоики Иран
в Кыргызской Республике

Уважаемые руководители, ученые!

Дорогие гости!

Прежде всего позвольте выразить слова благодарности организаторам сегодняшнего международного научного форума. Мне хотелось бы поговорить о связи демократии с религией и светскостью. То, что может играть фундаментальную роль в изучении и рационализации религии и светскости, есть демократия.

Я хотел бы начать свой доклад с определения понятия «демократии». Как известно, слово «демократия» происходит с древнегреческого языка от сочетания двух слов «демо» и «кератос», что означает «власть над людьми и для людей». (Дополнительную информацию см.: Демократия, Энтони Арбластер, перевод Хассана Мортазави, Изд-во «Ашиян», Издание второе, 2006, стр. 29). В соответствии с этим, страной управляют граждане и их представители.

Прежде чем перейти непосредственно к теме доклада, я хотел бы отметить, что демократия не возникла в одночасье ни откуда. Это был достаточно длительный процесс, требовавший определенных условий и подготовки, в т.ч. роста уровня национального образования, относительного процветания и безопасности общества, развития средств массовой информации, свободного обмена информацией, развития туризма и международных отношений, консолидации усилий людей, интеллектуализма и других предпосылок.

Основной целью демократии является присутствие большого количества людей и их представителей в управлении обществом, установление демократии не означает игнорирование культуры, традиций и порядков общества. Опыт показывает, что верховенство демократии в демократических странах приводит в т.ч. и к улучшению культурных, религиозных показателей, взаимоотношений в обществе, гражданских прав и свобод.

Но демократия должна пониматься не только номинально, ее практическое воплощение возможно при соблюдении ряда необходимых условий. Иными словами, без этих требований нельзя назвать общество демократическим. В своем кратком докладе я хотел бы остановиться на нескольких требованиях и факторах, необходимых для установления демократии:

1. **Верховенство закона**

В демократическом обществе граждане видят свою пользу и целесообразность в том, чтобы защищать личные и общественные права и интересы, полагаясь на закон. В гражданских обществах за нарушение закона приходится дорого платить, и права не могут быть так просто нарушены. Сила и эффективность гражданских прав зависит от верховенства закона, и игнорирование этих прав может сбить общество с рельс, стремящихся к построению гражданского общества.

2. **Свобода слова и печати**

Свобода слова и печати является важной предпосылкой демократии. Без этих двух элементов невозможно построить гражданское общество. Поэтому для каждого члена общества должны быть созданы условия для свободного выражения своего мнения без какого-либо беспокойства и страха за сказанное.

Свобода мысли и обмен мнениями должны обеспечиваться в СМИ. А эксперты и мыслители страны должны соблюдать этические принципы выражения своих взглядов. Строгий контроль государства препятствуют свободе слова и печати, мешает развиваться творческим талантам в теоретической и интеллектуальной сферах.

Наличие множества различной литературы и периодики в том или ином обществе говорит о росте демократии в нем. Необходимо попытаться создать в столице и во всех городах книжные магазины и библиотеки для повышения уровня общественного сознания.

3. **Политический плюрализм (плюрализм как политическая философия)**

Сохранение уважения к различным взглядам является признаком существования демократии в обществе. В плюралистической среде возрастают возможности для взаимодействия и столкновения идей, повышения опыта и знаний. Люди в этом пространстве будут искать причину для того, чтобы дистанцироваться от фанатизма и насилия. В многогранном и свободном обществе создается еще больше основ для творчества, новаторства и просвещения.

4. **Соблюдение гражданских прав**

Обучение гражданским правам оправдано именно в демократических государствах. В этих обществах не только в школах, но и во всех других образовательных учреждениях и структурах сферы культуры учат гражданским правам и их положительным и отрицательным последствиям.

Следовательно, во всех государствах, считающих себя демократическими, необходимо ввести в практику посвящать в средних школах хотя бы один учебник, рассказывающий об основных понятиях демократии, гражданских правах, важности конституции, правах меньшинств, преимуществах социального взаимодействия и обсуждения, плюсах толерантности и управления в

общественной жизни.

5. **Формирование гражданских институтов;**

Существование гражданских институтов является одним из требований укрепления демократии. Парламент и местные советы, представляя интересы народа, играют важную роль в повышении уровня демократии в обществе.

СМИ и НПО также играют ключевую роль установлении демократии. Они могут как ослабить общество, введя в заблуждение, так и просветить его. Но если среди средств массовой информации и НПО будет иметь место здоровая конкуренция, результатом их взаимодействия будет демократия. Закрытие или введение запрета на издание прессы и запрет на деятельность частных телеканалов будет являться признаком ослабления демократии.

6. **Разделение ветвей власти**

Одной из наиболее главных форм демократии является наличие законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Независимость и разделение ветвей власти не означает то, что между ними нет никакого взаимодействия. Три ветви власти не только взаимодействуют, совещаются и сотрудничают друг с другом, но в определенных обстоятельствах играют надзорную роль по отношению друг к другу. Иногда парламент прибегает к объявлению импичмента президенту и также может отозвать кабинет министров, правительство в свою очередь использует другие инструменты для оказания влияния на парламент и судебную власть. Кроме того, судебная власть предотвращает распространение коррупции и административных проявлений мошенничества среди руководителей.

7. **Сокращение экономической коррупции**

Взяточничество и все формы воровства и коррупции ведут к экономическому, социальному и политическому разложению общества. Существование демократии приводит к снижению уровня коррупции во власти и обществе.

Поэтому, чтобы выявить истинную демократию, нужно видеть насколько благонадежно и «чисто» это общество! Претендуя на демократичность нельзя назвать страну демократической. Как говорил Саади Ширази: Работа спориться на деле, а не на словах.

8. **Связь религии и демократии**

Религия играет роль проводника. Всевышний послал пророков с целью исправления, наставления общества и уничтожения всевозможных пороков и моральных недостатков. Мудрые слова дорогого Пророка Мухаммада говорят: *«Я был послан пророком для совершенствования морального достоинства людей»* (Бейхаки, Ахмад ибн Хусейн, аль-Сунан аль-Кобра, т. 10, с. 323, Бейрут, Дар уль-Кутаб аль-Илмия, Издание третье, 1424 г.л.х.). Следовательно, религия защищает чистую и искреннюю веру и вероубеждение людей, призывает к совершению добрых дел и запрещает греховные и пагубные деяния.

Несмотря на это, религия не является синонимом демократии, однако оказывает огромное влияние на нее, поскольку религия выступает против бунтарства и угнетения. В Священном Коране резко осуждается поведение царей и правителей.

«Ступайте к Фараону вдвоем, ибо он преступил границы дозволенного.

Говорите с ним мягко, быть может, он прислушается к назиданию или устрашится». (Сура ТаХа, 43-44)

Кроме того, в аяте 34 суры «ан-Намль» («Муравьи») говорится: *«Когда цари вторгаются в селение, они разрушают его и превращают его самых славных жителей в самых униженных. Вот так они поступают».*

В исламе запрещена зависть, ложь, обман, лицемерие, оскорбление, посягательство на права других, воровство, измена, убийство, распутство, нанесение вреда другим и т.д. А взамен эта религия призывает к соучастию, совещательству, взаимной помощи, уступкам, защите слабых и обездоленных, защите чести и репутации, борьбе с распутством, взяточничеством и недозволенными сделками, доброму нраву, доброму слову, терпимости и т.д.

Одной из главных целей демократии является воплощение этих качеств на деле в обществе. Во многих аятах Священного Корана Всевышний призывает людей к благодарности по отношению к человеку, соблюдению прав человека и воспитанию здорового и благодетельного общества. В священном аяте 70 суры «Исра» («Ночной перенос») говорится: *«Мы почтили сынов Адама и позволяем им передвигаться по суше и морю. Мы наделили их благами и даровали им явное превосходство над многими другими тварями».*

Следовательно, если государства воспользуются опытом религиозных мыслителей и станут распространять и обучать исламским наукам и ценностям, тем самым помогут установить демократию. Игнорирование этого вопроса приведет к утрате опыта, а возможно и к отклонению этих обществ от верного пути. К сожалению, распространение экстремизма в религиозных обществах тесно связано с этим вопросом.

9. Связь демократии со светскостью

Светскость или секуляризм – это школа, основанная на «облагораживании» мирской жизни людей. Эта школа, вопреки представлениям некоторых людей, не имеет противоречий с религией. Ее основная цель – использовать все материальные и моральные блага и возможности для лучшего управления обществом. Ислам будучи религией, направленной на управление гражданского религиозно-центрированного общества, обладает таким потенциалом, чтобы оказать помощь светским государствам исламского мира. Необходимо подчеркнуть, что исламская религия имеет две особенности: личностную и социальную. То есть, религия кроме того, что уделяет внимание личным вопросам верующих, так же имеет множество правил и принципов управления обществом. С другой стороны,

религия имеет два конкретных подхода к тому, как улучшить мирскую и загробную жизнь. Здесь религия приобретает общественную роль и считает необходимым войти в сферу права и политики.

В связи с этим, светские государства в исламских обществах могут широко использовать правовые и социальные взгляды и положения мусульманских ученых. С другой стороны, помочь мусульманским обществам в вопросах частного права, а именно брак, развод, наследство, попечительство над детьми, забой дозволенных животных согласно нормам религии, обучение религиозным знаниям в общеобразовательных школах, строительство мечетей и медресе, проведение ряда религиозных мероприятий, межконфессиональный диалог, празднование дня рождения Пророка Мухаммада (с) и т.д.

Необходимо отметить, что если то или иное светское государство будет управляться на основе принципов демократии, несомненно, использование учений ислама об обществе и личности только поможет укреплению морали и духовности этого общества. И таким образом, можно избежать излишних расходов власти в управлении моральными нравами, привитии цивилизованности, культуры и всеобщего соучастия. В действительности, светское государство, используя научный и культурный потенциал религии, помимо удовлетворения нужд своих религиозных граждан, также сможет помочь сохранить спокойствие, гармонию и довольство народа. Тогда укрепиться дух единства, солидарности и духовность в обществе. Тогда религия и светскость, прибывая в демократической среде, обретут более высокий статус. Но если эти два понятия отдаляться от принципов демократии, это затянет общество в трясину экстремизма, отсталости, коррупции и диктаторства.

Выводы:

Здоровое общество, стремящееся к росту и прогрессу, должно прежде всего ценить демократию и процесс ее установления во власти, а также вкладывать средства для воплощения ее на деле. В таком обществе, будь то религиозном, либо светском, соблюдение прав граждан, моральных устоев и закона будет приоритетом. В той мере, как недемократические общества, прибегая к прикрывающимся религией ошибочным учениям, призывают к насилию и дегенерации граждан, светскость также может привести к насилию, гнету, разврату, отхождению от морали и гражданских прав. Поэтому, правильное управление общества не есть разделение религии от политики, а есть соблюдение принципов демократии. А борьба с внешними атрибутами и ценностями религии в странах, где большинство населения является верующими в Бога, обернется лишь пустой тратой сил и средств тех стран. И даже тогда, религия не выйдет из души и сердца народа, не выйдет из общества. Огромные затраты бывшего Советского Союза, направленные на искоренение религии и не давшие никакого результата, является подтверждением реальности.

В заключении, считаю необходимым отметить, что Исламская республика Иран, обладает ценным опытом в вопросах религии и демократии, которым она готова поделиться с братской и дружественной Кыргызской Республикой. Этот опыт включает в себя следующие моменты:

1. Богатый опыт сосуществования религии, демократии, модернизма и гражданской жизни общества;

2. Практический опыт написания учебно-методической литературы по вопросам религии для учащихся школ и ВУЗов, что играет огромную роль в повышении правильного религиозного сознания молодежи. Эти знания во многом эффективны в плане предотвращения вовлечения молодежи в радикальные группировки.

3. Колоссальный опыт ИРИ в борьбе с экстремизмом и терроризмом, который помог защитить общество от преступлений современности. В этой связи мы готовы делиться опытом и проводить совместные мероприятия обучающего характера в Иране и Кыргызстане.

ТЕГЕРЕК СТОЛ: АЗЫРКЫ МУЛЬТИМАДАНИЯТТЫК КООМДОГУ ЖАШТАРДЫН РОЛУ ЖАНА ОРДУ

ROUND TABLE: "THE ROLE AND PLACE OF YOUTH IN MODERN MULTICULTURAL SOCIETY"

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОЛЬ И МЕСТО МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ»

Identification of Young Muslims in Scandinavian Countries

Jonas Otterbeck
Dr. of Philosophy,
Institute for the Study of Muslim Civilisations,
Aga Khan University (International) in the United Kingdom,
London, United Kingdom

The first thing I would like to stress is that young Muslims are not a group in any meaningful understanding of the concept. Neither are not Muslims in general. However, they do form a segment of a population sharing some characteristics, if not the particular interpretation, of their faith. In Scandinavia – i.e. Norway, Denmark and Sweden – no particular regional background among Muslims is dominating as it is in Germany (Turkish) or Great Britain (Pakistan, Bangladesh, India). Rather, if taking Sweden as an example, roughly equal-sized parts of the Muslim population originate from Turkey, Bosnia, Iraq, Iran, Afghanistan, Syria and Somalia with lesser parts having a family background in, for example, Pakistan, Egypt or Nigeria.

Structurally, some traits are shared. The majority of Muslims in Scandinavia are fairly recent migrants who have arrived the last 30 years. Some came far earlier than that but not in substantial numbers. Today some 5–8 percent of the populations have a Muslim family background. It is estimated that 1/3 are below the age of 15. Further, Muslims tend to live in the few larger cities and especially so in the poorer neighbourhoods, due to it being easier to find housing there to a fairly reasonable price and due to certain preferences to live with people who speak the same language and share the migration experience. Things are not homogeneous though, for example, on the Swedish labour market, Bosnians and Iranians are doing far better than Somalis and Iraqis. What this actually depends on is unclear but part of the explanation is the pattern of education of the respective groups. Iranian and Bosnian educations have proven to be more successful on the Swedish labour market.

If there is one thing we know about migration it is that it disrupts. It disrupts social structure, cultural expectations, social networks, the value of obtained education, and

cultural and religious capital. It further easily leads to a stress on intergenerational tension. The new generation, growing up in Scandinavia are less attached to their parents' country of origin, their languages, cultural practices and values including expected religious forms and interpretations. Especially the nostalgia of the first generation of migrants, attempting to recreate a ritual space in the right way, can become a hinderance of ritual inclusion for the young ones who are not trained in archaic language ideals of a sermon and who are not ready to accept old patterns of authority and gender. Especially, young adult Muslim women are seldom feel included in the mosque as a ritual space and rather turn their religious energy and interest to youth groups or privatize their face, experiencing the competence sphere of faith as primarily at home. But also young men loose interest and experience not being included.

There are only a few statistical studies available about young adult Muslims in Scandinavia, one that I particularly like is from Denmark and include the answers of 1986 pupils in upper secondary school. The pupils where asked about their activities and beliefs regarding faith.

From it, one can deduce that the 58 persons that self-identified as Muslim are not likely to engage as members of a Muslim organization, but will all hold principal beliefs. Their practice of central rituals are so and so. For example, while 54 out of 58 consider that they have received a religious upbringing and considered themselves religious regardless of their individual practice, 50 percent said they prayed often and 30 percent at times, no one seemed to visit a mosque regularly, but about 50 percent said they did occasionally. This will have to be contrasted to that 79 percent of the total sample (including the Muslims) where members of a religious congregation, primarily the Danish People's church, the main church in Denmark, but only 22 percent thought they have had a religious upbringing. Generally, the young adults who answered the questionnaire did not believe in the general tenants of their respective religion. From my own and other's qualitative studies on Muslim youth I recognize the pattern. Most Muslim youth in Scandinavia will remain attached to their religion but not relate to that through practice in everyday rituals to any higher degree. The most likely is to avoid pork and possibly not drink alcohol. The most popular holiday is Ramadan, which could be explained by it occurring once a year, albeit for a month, instead of being something that has to be attended to the year around.

For the ones who chose to be more active there are a number of comments to be made. To start with, many active youth groups like the local and national chapters of Sweden's Young Muslims have a far more progressive social practice than the discourse on theology that they uphold. One may in fact claim that their social practices are in search of a theology that may eventually legitimize these. This is not necessarily how they would frame this themselves, it is an analytical observation. Instead, they tend to be attracted to the myth of a "cultureless" Islam, different from their parents' version. But from overall preferences it is quite clear that this cultureless Islam hails

several key ideas of the majority societies such as democracy, gender equality, the importance of education, etc.

An alternative to this cultureless Islam is the Salafi option stressing the uncompromising deduction techniques associated with Wahhabi scholars such as Ibn Bazz and al-Uthaymin, both recurrent authorities in Salafi writing. The appeal of this is the certitude of rulings, there are the right way and the faulty options. When you know these, you only have to act accordingly which may be hard but at least one knows what the standards are. This can be contrasted to what Ulrich Beck called "the risk society" where uncertainty and risk marks the daily life choice of late modernity. Salafi option is a clear contrast to this.

Yet another option is the reactionary turn to violence. This turn is taken by but a few, but these few have gained a lot of attention. Their life choices have made them travel to, over time, to Chechnya, Bosnia, Algeria and lately to IS controlled territory to fight for what they, for different reasons, I have understood as a righteous battle. Some have been women, at times travelling with babies or young children, not least to IS controlled territory. Many men who have travelled to these destinations have died in battle making almost half of the returnees women and underaged children.

But what needs to be stressed is that these ways of the active Muslims are the choices of a minority. Most young adult Muslims in Scandinavia keep their faith private, i.e. among family and peers, and find expressions in line with the secular society the live in. A problem is that they are suspect by parts of the majority population of not being entirely honest. Instead they are accused of being fundamentalist, conservative and reactionary. This is the tragic effect of stereotypes that young adult Muslims suffer at the moment in Scandinavia.

Ислам в современном светском государстве

Асель Кузембаева,
руководитель Управления религиоведческой экспертизы и связям с духовными организациями образования Комитета общественного согласия Министерства общественного развития Республики Казахстан

Аннотация: В статье рассмотрена тема о роли ислама, тесно переплетенного с национальными традициями и культурой народов Центральной Азии, в современном светском государстве. Показаны причины и факторы, способствующие росту религиозного экстремизма и терроризма, также представлен опыт Казахстана в сфере профилактической и реабилитационной работы. В целях правильного толкования норм традиционного ислама, возрождения и развития духовного наследия богословов и ученых стран Центральной Азии предлагается применить и в дальнейшем развивать проект Казахстанской школы исламоведения.

Уважаемые участники конференции!

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить организаторов конференции за предоставленную возможность поделиться своими соображениями на столь актуальную для наших стран тему!

Как известно, исторически Центральная Азия в развитии ислама сыграла цивилизационную роль.

Великие мыслители древности, выходцы из нашего региона, были крупнейшими знатоками не только Корана и Сунны, но и великими учеными, развившие гуманитарные и естественные науки. Они внесли неоценимый вклад в развитие математики, химии, астрономии, медицины, архитектуры, философии, поэзии.

Народы Центральной Азии, благодаря вкладу своих великих мыслителей, были и остаются сегодня приверженными своим духовным, в том числе религиозным ценностям, при этом успешно продвигаясь по пути модернизации своих государств.

*Такое духовное наследие мы должны сохранить, возродить и адаптировав, использовать в современных условиях***.** Ее потенциал как никогда сегодня востребован в условиях насаждения нашим гражданам из-за рубежа чуждой религиозной догматики.

Казахстан, Кыргызстан и другие республики Центральной Азии являются светскими государствами с преобладающим мусульманским населением.

За годы обретения независимости в наших республиках роль ислама и в целом религии возросла. Эксперты это связывают с нашим советским прошлым, когда религии не имели столь широких возможностей как в современности.

В основном наши народы уже достаточно давно исповедуют ислам ханафитского мазхаба, отличительной чертой которого является объективный, рациональный подход, сочетающий в себе и религиозные, и народные традиции.

Сегодня весь мир переживает кризис разделительных процессов на основе этнических, религиозных, культурных, социальных различий народов. Это нередко сопровождается открытыми конфликтами, порой глобального характера.

Особо остро стоит вопрос радикализации взглядов некоторой части верующих, влекущей за собой проявления терроризма и экстремизма под прикрытием религии.

Поэтому сегодня остается актуальным и важным вопрос пресечения деятельности деструктивных религиозных организаций, выражающаяся в форме религиозного радикализма, в том числе религиозного экстремизма, размывающего духовные устои общества. И зачастую молодежь выступает наиболее уязвимой частью населения к изменениям, происходящим в стране и мире.

Росту в ряды деструктивных экстремистских организаций способствуют следующие факторы:

- активная пропагандистская работа членов экстремистских организаций в интернете и социальных сетях;
- низкая правовая и религиозная грамотность;
- нестабильный социальный статус в обществе и наличие трудностей в социально-бытовой сфере.

С учетом этих обстоятельств *в Казахстане налажена и проводится системная профилактическая работа*, а именно мобилизация и подготовка экспертов-теологов к соответствующей профилактической работе, информационно-разъяснительная работа, направленная на повышение религиозной грамотности и профилактику религиозного экстремизма среди различных категорий населения, индивидуальная профилактическая работа с привлечением специализированных общественных организаций, профилактическая и реабилитационная работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы, трудовая реабилитация, также разноформатные мероприятия Духовного управления мусульман Казахстана.

При этом приоритетом деятельности Министерства общественного развития является укрепление светских принципов государства и формирование нулевой терпимости к деструктивным, радикальным идеям и экстремистским организациям.

Деструктивные религиозные организации не выбирают своих последователей по нации, традиции, языку или расе. Среди последователей, слепо вступивших в ряды экстремистских и радикальных религиозных организаций и отпра-

вившихся в «горячие точки» не только выходцы из Казахстана, но из Кыргызстана, Узбекистана, России, в целом из стран Центральной Азии.

Другими словами, вопрос радикализации общества, безопасность общества является общей для всех. Поэтому, нам, странам Центральной Азии необходимо вести общую единую работу, направленную на профилактику религиозного экстремизма.

Опыт Казахстана в данном направлении работает эффективно. Для достижения конкретных результатов и сохранения стабильности общества необходимо осуществлять регулярный обмен опытом и разработать единый метод профилактической и реабилитационной работы. Предлагаем, объединив усилия и нажитый опыт наших стран разработать Единую методику работы по профилактике религиозного экстремизма и реабилитационной работы.

В числе причин радикализации взглядов отдельных верующих, прежде всего, следует отметить проблемы гуманистического, интеллектуального, культурного порядка.

Поэтому в современном светском государстве религия неизбежно должна сосуществовать с традицией, культурой, наукой и образованием.

Для борьбы с религиозным экстремизмом нужно сформировать единую идеологическую платформу традиционного ислама. Для этого в Казахстане создан проект по развитию Казахстанской школы исламоведения.

Целью данного проекта является формирование ссобственного понимания и традиционное толкование норм ислама в соответствии с требованиями времени и национальных интересов, учитывая исторически сложившиеся культурные и духовные традиции казахского народа, а также противодействие распространению радикальных воззрений среди населения.

Рост уровня религиозности дает больше возможностей для влияния радикальной идеологии, и при этом опасность представляет религиозный фанатизм. Здесь мы не возражаем против веры как источника духовных и моральных ценностей. Поэтому, нами выработана собственная модель взаимодействия государства и религии. Отличительной чертой Казахстанской школы исламоведения должна стать опора на духовные, морально-этические ценности с учетом национальных культурно-исторических особенностей поликонфессионального Казахстана.

Средняя Азия всегда гордилась своими богословами, известными в исламском мире, труды которых пользуются большим авторитетом в научном мире. Это великие ученые из стран Центральной Азии, в том числе Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и др.

Поэтому, учитывая рост религиозности граждан и необходимости правильного толкования норм традиционного ислама, возрождение и развитие духовного

наследия богословов и ученых, предлагаем применить и в дальнейшем развивать данный проект в масштабе стран Центральной Азии.

Осознание того, что наш регион исторически является территорией распространения просвященного ислама, поможет нам выстроить единый религиозно-идеологический заслон от кризисов и проникновения деструктивной, радикальной идеологии.

Другими условием сохранения мира и процветания в современных условиях является развитие светского устройства государства.

Независимо от вероисповедания граждане светского государства равноправны между собой. В современном Казахстане социальные отношения, в том числе в сферах образования, здравоохранения, брака и семьи регулируются в соответствии со светским законодательством, а не по религиозным нормам.

В целях укрепления конституционных устоев государства утверждена Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 20 июня 2017 года *«Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2017-2020 годы»*. В целом, данный документ предполагает создание нового формата государственно-конфессиональных отношений, определяет основные стратегические задачи и направления государственной политики в религиозной сфере.

Кроме того, государство должно активно работать над регулированием религиозной деятельности, чтобы организации и течения существовали с созидательной целью. По своей сути и ислам, и христианство, и другие религии имеют положительные цели. И мы должны показать эти стороны.

Сегодня в Казахстане сформированы межрелигиозное согласие и толерантность в религиозной сфере. В нашей стране толерантность стала осознанным результатом признания важности религии для государства и общества.

В качестве определяющего фактора партнёрских отношений ислама и государства в условиях казахстанской действительности, выступает взвешенная, не боящаяся стереотипов, политика руководства страны, направленная на продуктивный диалог с религией с целью выявления сфер позитивного влияния исламской религии на общество.

Казахстан как и другие страны Центральной Азии отличается своей поликонфессиональностью. В качестве уникальной глобальной платформы для развития и укрепления межцивилизационного и межрелигиозного диалога проводится Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Проведение Съездов вызвало огромную поддержку и в современном исламском мире. Идею нашего Президента активно поддерживает имам Аль-Азхара Шейх Ахмад ат-Тайеб, который лично принял участие в работе 6-го Съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Поэтому, мы объединив наши усилия должны организовывать разноформатные мероприятия, которые станут локомотивом для проведения совместной работы в профилактике религиозного экстремизма и разъяснения и возрождения духовных ценностей наших предков.

У нас есть собственная богатая культура, особые традиции, уникальная история, не похожая на другие.

Мы должны строить свою жизнь, избегая фанатизма, религиозного консерватизма и слепого следования канонам и догмам.

Наша собственная казахстанская модель основана на учете реалий сегодняшнего дня, национальных традиций, на неприятии слепого буквалистского прочтения религиозных догм, на применении только доброго, нравственного, миролюбивого из религиозных канонов.

В своей статье *«Модернизация общественного сознания»* Президент Казахстана Н.А.Назарбаев отметил, что светские традиции – давнее наследие Казахстана. В их основе – толерантность, миролюбие и уважение прав всех верующих и неверующих. Именно эти ценности мы и продвигаем, укрепляя светские устои государства.

Уважаемые участники конференции!

История ислама в нашем огромном регионе и духовное наследие наших предков является на сегодня неоценимым и не оцененным потенциалом для успешного пути в будущее.

Ряд проблем, вошедших сегодня в нашу действительность под понятием религиозный радикализм, экстремизм и терроризм требуют от всех нас – государственных, научных и религиозных деятелей коллективного объединения против этих угроз.

Для этого необходимо наладить механизм широкого обмена между научным и экспертным сообществом наших стран информацией, исследованиями, мнениями. Сейчас в наших странах делается многое для возрождения утраченных знаний, наших духовных ценностей. Поэтому нам есть чем поделиться друг с другом.

Уверена, что сегодняшняя конференция *«Ислам в современном светском государстве»* станет началом нового этапа совместной конструктивной работы. Желаю Вам, дорогие друзья, плодотворной работы, доброго здоровья, успехов и удач в вашей деятельности!

Использованная литература:

1. Статья Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания – URL: http://www.akorda.

kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya.

2. Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 20 июня 2017 года № 500 - URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000500.

Исламское реформационное мировоззрение в контексте проблем тюркского мира

Айдын Арифоглы Али-заде
Доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Института Философии Национальной Академии Наук
Азербайджанской Республики

Аннотация

На протяжении длительного времени, тюркские империи терпели поражения и сдавали свои позиции. В то время как мировые державы вели борьбу за колонии, развивали науки, переходили на передовые технологии, тюркские государства пребывали в состоянии стагнации, общественное сознание было догматическим. Начиная с XIX века, передовая часть тюркской интеллигенции выступала за реформы во всех областях общественной жизни. В первую очередь это касалось идеологии. Они подчеркивали необходимость секуряризма и отхода от традиционного уклада жизни. Реформаторские движения шли в Турции, Крыму, Южном Кавказе, Поволжье, Центральной Азии. Несмотря на определенные успехи, тем не менее, вывести общества из политико-экономического и идейного кризиса не удалось. На современном этапе истории борьба за достойное место тюркских народов в мире продолжается. Идет борьба модернистов с традиционалистами, но в ряде случаев идет процесс слияния модернистских и традиционалистских идей. Для того, чтобы тюркские нации заняли свое достойное место в мире и влияли на развитие мировой цивилизации необходимо развивать и углублять реформаторские процессы, как в религиозной, так и общественной жизни. В этой связи необходимо приводить мировоззрение в соответствие с требованиями современности. Религия также должна быть переформатирована и должна отвечать требованиям сегодняшнего дня. Для этого необходим процесс углубления религиозной реформы.

Введение

Важнейшим условием для существования религии и связанного с ней мировоззрения является приспособление к пространственно-временным изменениям, а также гибкость относительно изменений происходящих в обществе. Чрезмерная догматизация мировоззрения и всеобъемлющий диктат религиозной догматики ведет к падению любой цивилизации. Способность приспосабливаться к переменам обеспечивает выживаемость и развитие любого мировоззрения. Кризис мировоззрения и неспособность к переформатированию в соответствии с велением времени ведет к падению цивилизации и разрушению обществ и государств. В

связи с этим *религиозная реформа* представляется собой естественное явление, которое происходит по мере развития обществ.

Проблема тезиса «возврата к первоначальному Исламу»

Исламские реформаторы считают, что под религиозной реформой следует понимать *освобождение религии от нововведений* и возвращение к исповеданию веры по примеру периода жизни пророка Мухаммеда и первых сподвижников [2]. Этот тезис заимствован из христианского *протестантизма*, где задолго до этого провозглашались принципы возвращения к первоначальной вере. Однако в отличие от Ислама, в Христианстве нет всеобъемлющего религиозного права (фикх) и огромного количества хадисов. Поэтому протестанты, возвратившись в первоначальному Христианству, действительно упростили религию, взяли за основу только Писание и избавились от церковной традиции [3], что позволило им освободиться от большинства религиозных догм и увеличить диапазоны свободы человека, что впоследствии привело к бурному развитию протестантских государств. А мусульмане "возвратом" к изначальной вере еще больше усложнили религию и сделали будущее своих общин неопределенным. Ведь с провозглашением доктрины "возврата в первоистокам" появилась необходимость следования десяткам тысяч хадисам и толкованиям Корана и по сути реформаторы в этом они ничем не отличаются от традиционалистов. Единственное, чего они добились, это освободили религию от влияния суфийских мистических учений, но при этом заменили их обилием хадисов и прочих атрибутов "первоначального" Ислама, что не привело и не могло привести ни к каким позитивным переменам. Одни догмы заменили другие. Поэтому доктрина возврата к "первоначальному" Исламу, является изначально сомнительной, противоречивой и провальной.

От регрессивного к прогрессивному направлению реформации

На самом деле более логичной представляется *прогрессивное*, а не регрессивное направление реформации. То есть необходимо движение вперед без оглядки назад. Именно на этой интерпретации возможно реформирование исламской религии в духе современности без уклонения в религиозный догматизм, экстремизм и обскурантизм.

Дело в том, что по сути, сам пророк Мухаммед был *реформатором* религии. Коран (3: 2-4) говорит о том, что его миссия является «подтверждением того, что было до него». То есть она сводилась к усовершенствованию и дополнению религии, истоки которой восходят к первым людям на земле. Таким образом, его деятельность была одной из звеньев прогрессирующего божественного откровения. Если изучать его жизненный путь, то он нигде не упоминал того, что необходимо двигаться назад в сторону первоначальной религии, которая существовала до него. Напротив, его деятельность была прогрессивной и направленной в будущее, а не прошлое.

Поэтому утверждения мусульманских реформаторов о необходимости возврата религии, а вместе с ней и общественных отношений, к реалиям периода жизни пророка Мухаммеда (или его сподвижников) противоречат его собственному жизненному пути. Поэтому, под реформацией следовало бы понимать не возврат к изначальному Исламу, а его развитие и направленность в сторону прогресса.

В соответствии с исламской доктриной, прогресс божественного пророческого откровения завершился деятельностью Мухаммеда. Однако вся проблема в том, что после него мир продолжает свое существование уже на протяжении почти пятнадцати столетий, что является очень большим временным отрезком. Конец света откладывается на неопределенный срок, а мир меняется и развивается. За это время в мире происходили глобальные перемены и этот процесс еще более ускорился в наши дни. Изменились общественные отношения, мораль, произошел технологический прогресс. Рабовладельческие отношения сменились феодальными, затем последовала эпоха колониализма и развития капитализма и теперь мы живем уже в постиндустриальной эпохе. Религия должна успевать трансформироваться в соответствии с такими переменами и приспосабливаться к ним. В противном случае она начинает терять свои позиции и становиться источником обскурантизма и реакции. А общества, в которой сильны традиции традиционной религии, отстают от остального мира и входят в полосу глобального отступления во всех областях общественной, политической и экономической жизни. Именно эти процессы на протяжении нескольких столетий происходят в мусульманском мире. Причем наибольшие потери понес именно тюркский мир, доминирующему влиянию которого был положен конец в Сибири, Урале, Поволжье, Крыму, Балканах, Центральной Европе, значительной части Кавказа, Восточном Туркестане.

Прогрессирующее откровение без пророчества

В средние века мусульманская теология развивалась в прогрессивном направлении. Богословы понимали, что Ислам времен пророка, формировавшийся на Аравийском полуострове, не подходит для огромной империи Халифата населенного различными народами со свойственными им национальными и государственными традициями. Поэтому путем трактовок религиозных текстов они приспособили религию к тем реалиям, с которыми они столкнулись в свое время. Однако после этого, исламский мир впал в стагнацию и возвел на уровень догм теологические разработки тех же самых средневековых богословов.

Поэтому, несмотря на завершение цикла пророчеств, современная общественно-религиозная мысль должна развиваться и открывать путь мусульманским народам к участию в развитии современной цивилизации. К сожалению, по причине стагнации, мусульман не создали никаких современных технологий, не сумели дать ничего нового и по части духовной культуры. К примеру, западный мир давно уже перешел на систему пенсий и других социальных выплат от госу-

дарства, а мусульманские теологи до сегодняшнего дня спорят о том, в каком размере и каким образом выплачивать милостыню в дни религиозных праздников. В наше время социальные государственные выплаты и есть поддержка неимущих слоев населения; они постоянные и стабильные. Люди уверены в завтрашнем дне. А религиозная милостыня лишь единовременный акт, после которого неимущие опять погружаются в состояние крайней нужды. Таким образом, духовные принципы сострадания и милосердия в полной мере исполняются теориями социал-демократов, а не мусульманскими догмами.

В связи с этим, *достижения наук* и *естественный прогресс обществ* должен рассматриваться как продолжение божественного откровения в новое время, которое происходит без новых пророчеств. Достижения человечества и есть путь, определенный Богом, Его *новое Откровение*, которое должно развивать религию. По сути, новые пророчества современному развитому человеку больше не нужны, он сам определяет дальнейший путь развития. На прошлом наследии необходимо выстраивать лишь основные этические принципы, извлекать оттуда все, что согласуется с современным ритмом жизни, а все остальное рассматривать в качестве истории. В частности все повествования или положения права, которые не сочетаются с современными гуманистическими принципами необходимо рассматривать в качестве мировоззрения и жизненных реалий, находящихся в младенческом периоде древних обществ, а не современного зрелого человечества.

Свобода человека

В основе реформации должна лежать *свобода человека*, а не стремление подчинить его всем положениям религиозного права. Исламское право (*фикх*) был разработан в средние века богословами для того, чтобы регулировать общественные отношения того времени. Также посредством фикха мусульманским правителям было удобно управлять массами подданных своих государств. Исламский фикх представляет собой самое разработанное религиозное право в истории мировых религий и содержит предписания для человека вплоть до самых мелочей его личной жизни. Вместе с этим, в Коране и хадисах понятия фикха в качестве исламского права отсутствует и в его основе лежат правовые работы богословов средних веков, что говорит о его несоответствии теории “первоначального” Ислама.

В наше время именно обилие различных предписаний фикха представляет собой одно из главных препятствий прогресса мусульман. Дело в том, что современная цивилизация развивается благодаря принципу свободы человека. Только свободный человек сможет быть творческой личностью. Общественные и религиозные догмы ограничивают свободу человека и этим самым лишают его творческого начала, делают лишь «винтиком системы».

Для успеха мусульманской цивилизации реформаторам нужно *максимально ограничить* действие традиционного исламского права. Большинство его поло-

жений необходимо сделать не обязательными, а лишь рекомендательными для общественной жизни мусульман. В нем должны быть обязательными лишь основные общечеловеческие принципы, основанные на не причинении вреда другим людям и окружающему миру. Во всем остальном человек должен быть свободен в своих действиях и помыслах. Усилия по приспособлению старых фетв к новым реалиям бесперспективны.

Предписания исламского права по каждому аспекту повседневной жизни в наше время не нужны еще и потому, что современные технологии и научный прогресс привел к *информированности людей* относительно всех явлений. К примеру, на любом продукте или товаре содержится предписание по его эксплуатации на основе опытных и научных данных производителя. Несомненно, что производитель больше осведомлен о качествах своего товара, чем теолог, рассуждающий об этом на расстоянии и на основе не опытного или научного материала, а религиозных текстов.

Применение всех положений фикха еще нецелесообразно и сомнительно по *временным* и *пространственным* категориям. Дело в том, что те или иные предписания теологов основываются на данных хадисов, которые были актуальны для реалий Аравийского полуострова в VII веке нашей эры. Но это не значит, что они имеют актуальность в совершенно другой пространственно-временной реальности. Уже непосредственно после начала арабских завоеваний первые халифы уже стали считаться с новой реальностью и осознали, что изданные для арабов предписания не всегда можно применять к другим народам. Поэтому они своими собственными директивами заменяли хадисы пророка, что также необходимо рассматривать как форму непророческого прогрессирующего Откровения. Как пример, можно привести введение халифом Омаром новой системы летоисчисления по хиджре, которой не было во времена пророка Мухаммеда [1]. Таким образом, основой деятельности надо рассматривать не догматическая приверженность директивам теологов, а фактор общественной *целесообразности*.

Эпистемологические аспекты Корана и хадисов

До сегодняшнего дня, как традиционалисты, так и реформаторы считают, что люди не имеют права выносить собственные решения на основе первоисточников Ислама. Они настаивают на том, что все должны подчиняться повелениям (фетвам) мазхабов или муджтахидов. Они вводят для этого усложненные схемы обязательного знания арабского языка, знакомство с огромным историческим наследием и теологией исламского мира. Однако этим самым они создают монополию на восприятие этих текстов и считают свое мнение единственно приемлемым. Но на самом деле их понимание первоисточников происходит через их органы чувств, полученная информация анализируется в их мозгу и выносится решение на основе их собственного понимания, мировоззрения. Они приходят к выводам на основании своего психологического состояния и понятийного аппарата на ос-

новании пространственно-временных реалий в которых они пребывают. Поэтому суждения богословов являются такими же субъективными, как и понимание любого другого человека. Поэтому в исламской реформации необходимо положить конец монополии религиозных деятелей на истолкование текстов Писания и признать право каждого человека или общества познавать их самостоятельно и поступать на основе своего понимания.

Переводы Корана и других источников с арабского на другие языки также следует признать *равноценными* с арабским оригиналом источниками. Потому что если Писание для всего человечества, то следовательно, оно должно быть должно иметь равный статус с арабским оригиналом. В противном случае получается, что арабский язык или народ имеет приоритет перед остальными языками и народами, что не согласуется с основами самого Ислама.

Что же касается богословов, то они должны доказывать свои версии только в цивилизованной полемике с оппонентами, убеждать других людей в своей правоте своими объективными аргументами, а не пытаться навязать им свое субъективное мнение.

В прошлом теологи действительно выделялись знаниями по сравнению с остальными людьми по причине массовой безграмотности населения. Но в наше время народы стали не только грамотными, но и имеют доступ к любой информации благодаря современным информационным технологиям. Достаточно задать поиск в поисковых системах Интернета и любая информация становится доступной. Поэтому утверждение о том, что теологи знают больше остальных, является несостоятельным и спорным. Да и зная предмет вполне можно сделать неправильные выводы, так как они делаются на основании *субъективной аналитики* данного человека. Критерием истины необходимо признать только *практику*: то есть, только тот вывод, который дает положительные результаты для развития личности, страны и цивилизации и является истинным.

Также для анализа текстов Корана, хадисов и прочих религиозных текстов необходимо привлекать *данные современной науки*, а также объективный фактический материал, который является реальностью нашего времени. Все это по значимости должно быть приравнено к священным текстам, потому что доказанный факт является такой же истиной как Слово Божье. Основанием также может быть то обстоятельство, что Божественное знамение является прогрессирующим и выражается в наше время не путем откровения пророков, а посредством науки и передовых технологий.

От рабства к дружбе

С самых древнейших времен считалось, что люди являются *рабами* Бога. Эта древная вера присутствует и в Коране, где многократно говорится о людях как о рабах Божьих. По этой причине, как традиционные, так и реформационно настроенные мусульманские теологи настаивают на рабстве человека перед Богом.

Однако раб не способен на созидание и успех. Он лишь вещь и предмет хозяина. Человек в рабстве лишен творческого начала. Да и нет никакой необходимости Богу делать рабами созданных им людей. Не удивительно, что культивируя рабство, мусульманские ортодоксы привели исламский мир к упадку. Ибо рабы создать успешную цивилизацию и конкурировать со свободными людьми не могут.

Поэтому возникает вопрос о том, а насколько рабство соответствует первоисточникам Ислама? И вот тут, если внимательно посмотреть на тексты Корана, возникает противоречивое чувство. С одной стороны Бог говорит о человеке, как о своем рабе. Но с другой стороны утверждает его свободу и даже величие, называя *халифом* (Коран 2:30).

Это можно объяснить тем, что Коран, как божественное откровение, учитывает исторические ступени развития человечества. Первобытный человек был примитивен, и поэтому ему было предписано быть рабом и подчиниться воли Божьей. Но с развитием человечества рабство было упразднено и поэтому в Коране человек назван также и халифом – наместником Бога на земле. То есть современный развитый и технократический человек не раб, а халиф. Таким образом, каждый человек волен быть самим собой в соответствии со своим душевным статусом - свободный свободным, а раб рабом.

Отношения свободного человека с Богом описаны в Коране на примере пророка Авраама (Ибрагима). Он назван не рабом, а другом Божьим (Коран, 4: 125). Это можно интерпретировать как то, что отношения Бога со свободным человеком являются дружескими. То есть Он господин рабу, но друг свободному.

Исламская традиционная молитва, по причине поклонов, также рассчитана на рабов, но не друзей Божьих. Поэтому не исключено, что в дальнейшем необходимо будет ввести параллельную молитву, выражающую дружеские отношения с Богом. Основой может быть суфийские медитации (зикры).

Религиозная реформа в тюркском мире

Многие *тюркские* регионы исламского мира отдалены от основных центров исламского мира и находятся на стыке других культур. По этой причине, в этих областях присутствует многообразие культур и преобладает светский образ жизни. В качестве примера можно привести Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, тюркские регионы России, значительную часть Турции. Поэтому именно в этих регионах мусульманское реформаторство и *модернизм* имеет шансы на распространение и развитие. Более того, именно отсюда теоретически могут начаться более глубокие реформы мировоззрения всего исламского мира.

Более того, если тюрки претендуют на свое место в мире, то им необходимо иметь свою собственную религиозно-философскую интерпретацию Ислама, которая в дальнейшем может привести к развитию философской мысли, что в конечном итоге приведет к их дальнейшему развитию.

Коран говорит о том, что Бог создал многообразие народов, чтобы «они узнали друг друга» (49: 13). Также в Коране говорится, что народы должны иметь свой почерк и свои особенности в религии, в частности подчеркивается, что и сам Мухаммед пришел к арабам из их собственной среды: «Несомненно, к вам явился Посланник из вашей среды…» (9: 128). Таким образом, наличие своих особенностей в религии не противоречит первоисточнику Ислама.

Все нации, которые претендуют на ведущие позиции в мире, имеют свою национальную религию или ее интерпретацию. К примеру, англичане ушли из католицизма и образовали свою англиканскую церковь. Русские создали империю, имея свою Православную церковь. Иранцы тоже имеют свою интерпретацию исламской религии, выраженную шиизмом. Японцы вошли в число передовых наций мира с синтоизмом, а китайцы с даосизмом и конфуцианством. Французы выбрали путь секуляризма.

И только тюрки, находящиеся в поисках своего места в современном мире, не имеют своих религиозно-философских особенностей и фактически исповедуют либо арабскую (*суннитскую*), либо персидскую (*шиитскую*) интерпретацию Ислама. Но эти интерпретации учитывают особенности и интересы арабов или персов и на них невозможно выстроить свою национальную идею. Многие современные реформаторские учения не разрабатывались в тюркской среде и не учитывают его особенностей. По этой причине не формируется современная тюркская философия и не создана идеологическая основа для будущего тюркских наций.

Идея общемусульманского единства (*уммы*) хороша только после того, что отдельно взятая нация добьется успеха и сумеет распространить свои достижения на другие страны и народы. Все одновременно быть успешными не могут, это противоречит законам природы. И по жизни кто-то всегда бывает успешен, а кто-то нет. А практика показывает, что все великие дела делаются не большинством, а меньшинством. Именно активное меньшинство должно разработать свою идеологию и концептуальные основы развития, овладеть наукой и передовыми технологиями. К примеру, успех раннего Ислама был связан с арабской нацией. В дальнейшем более успешными стали персы (*Буиды*) и тюрки (*Сельджуки и Мамлюки*). Из мировых примеров можно привести Англию и США, которые стали мировой силой, будучи протестантским меньшинством в христианском мире. Русское православие также является меньшинством среди христиан, однако Россия сумела добиться внушительных имперских успехов. Поэтому общемусульманская идея уммы должна следовать после национальной идеи народа-лидера. По этой причине религия должна быть согласована с *умеренно националистическими* теориями передового народа.

Надо отметить, что в период принятия Ислама тюркскими народами у них были свои собственные учения, идеи и концепции Ярким представителем тюр-

ко-исламской мысли был шейх *Ахмед Яссави*. Он и его последователи сформировали тюркский тарикат *яссавитов*, который сыграл решающую роль в исламизации тюрок. Мистическая и идейная практика этого тариката во многом выражала особенности тюркского мировоззрения, в нем имелись элементы древнего шаманизма и распространенных в среде древних тюрок учений. Также в тарикате широко использовалась тюркская национальная поэзия [5], посредством которой выражались исламские ценности и мудрость. Все они представлялись в единстве с исламскими принципами. Это и был тюркский путь в Исламе.

Яссавиты повлияли на возникновение в будущем других мусульманских мистических тарикатов [5], которые были распространены в среде сельджуков, которые создали великую империю в Азии, а в дальнейшем эти идеи были заимствованы Османами [5]. Таким образом, тюркская интерпретация Ислама привела к глобальному превосходству тюрок на большом пространстве Европы, Азии и Африки. Это является показателем того, что без своей собственной идеологической, философской и религиозной основы добиться лидерства невозможно.

Однако после установления тюркских империй, арабо-персидская культура стала активно воздействовать на тюркскую культуру и мировоззрение. По этой причине тюркские культурные и мировоззренческие особенности во многом оказались утраченными, в особенности среди тюрок Европы, Анатолии, Кавказа и Ближнего Востока. Идеи яссавизма оказались преданными забвению. Тюркская религиозно-мистическая и философская мысль перестала развиваться. В настоящее время тюрки не исходят из понимания того, что являются народом-лидером, а считают себя лишь неприметной частью общего мусульманства. Однако в последнее время имеются признаки пробуждения тюрок.

В настоящее время для развития новой тюркской философии и религиозно-мистической традиции в Исламе представляется необходимым в качестве идейного истока обратиться к наследию Ахмеда Яссави и в частности к его труду “*Дивани-Хикмат*” [4]. Также в качестве первоисточника необходимо использовать такие памятники тюркской эпической литературы, такие как киргизский “*Манас*” и огузский “*Деде Коргут*”. Необходимо вводить в культ почитаемых личностей не только сподвижников пророка Мухаммеда, но и *тюркских мудрецов* и *героев* исламского и доисламского периода, которых необходимо представить в качестве предтечи Ислама, который утверждает, что во все времена были древние пророчества.

Заключение

В заключении также необходимо отметить значение секулярных тенденций в тюркском мире. Начиная в середины XIX века, мусульманские мыслители тюркского мира начали выступать за уменьшение доли религии в общественной жизни своих стран и регионов. За прошедшие десятилетия в этом направлении

накоплен значительный опыт и создана соответствующая традиция, которая доказывает возможность развития исламской религии в условиях секулярных обществ. По этой причине тюркские нации имеют большие шансы для того, чтобы идти впереди реформационных процессов в исламском мире и иметь в нем свои особенности.

Таким образом, представляется, что мусульманская реформаторская мысль в тюркских странах и регионах должна строиться на следующих базовых принципах:

1. Изменение направленности реформ от регрессивного (идеи возврата к "первоначальному" Исламу) к прогрессивному;

2. Приоритет свободы человека;

3. Максимальное упрощение фикха;

4. Право каждого человека самостоятельно интерпретировать Коран и хадисы;

5. Возведение научного, технологического и общественного прогресса в категорию непророческого Откровения;

6. Изменение формата отношений с Богом в направлении "от рабства к дружбе";

7. Сохранение и развитие секулярных тенденций;

8. Возрождение и развитие тюркской религиозно-философской традиции в Исламе.

Ссылки на литературу:

1. Большаков О.Г. УМАР (Омар I) б. ал-Хаттаб ал-Фарук // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М.

2. Исламское реформаторство // Религиоведение / Энциклопедический словарь. –М.: Академический проект, 2006.

3. Протестантизм // Философская Энциклопедия. В 5-х т. — М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960—1970.

4. Яссави Ходжа Ахмед. Хикметы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004, 208 с.

5. Dr. Hayati Bice ile Ahmed Yesevî ve Yesevîlik Üzerine, İstanbul-2016. URL: https://www.dunyabizim.com/soylesi/hayati-bice-ile-ahmed-yesev-ve-yesevlik-uzerine-h25802.html (дата обращения 18.10.18)

Создание Управления по делам религий, конституционные основы и работа в светской системе

Тахир Мехтиоглу,
специалист отдела
мусульман стран Центральной Азии и Кавказа,
Управление по делам религий Турецкой Республики

Управление по делам религии Турецкой Республики

Государственные структуры в определенной стране формируются согласно особенностям традиций и культуры данной страны. Шейх-уль-исламство, или Meşîhat-i İslâmiyye, которое является Основой Управления по делам религии, является одной из самых авторитетных государственных структур Осмаанской Империи. В Османской Империи деятельность, направленная на Ислам и предоставление религиозных услуг мусульманам, осуществлялась определенным должностным лицом Шейх-уль-исламом. Должность Шейх-уль-ислама подразумевала не только управление фондами и предоставление религиозных услуг, но и имело место выполнение функций судьи и предоставление образовательных услуг. Даже во времена важных исторических событий, таких как национально-освободительная война и становление нового государства, религиозная деятельность не прекращалась. 3 мая 1920 года на первом созыве парламента было создано Министерство по работе с Фондами и делам религии. 3 марта 1924 года согласно указу под номером 429 Министерство было преобразовано в Управление по делам реигии.

Первой главой управления был назначен Борекчизаде Мехмет Рифат Эфенди. На сегодняшний день 18-ый по счету глава занимает этот пост.

Управление по делам религии имеет статус государственного учреждения, проводя независимую от политики стратегию, стремится к народному единению.

В указе под номером 633 обозначены следующие обязанности Управления: “Проводить работы, связанные с верой в Ислам, основами вероисповедания и морали, заниматься просветительской деятельностью среди общества на религиозную тематику, заниматься административной работой в местах, отведенных для религиозной деятельности.

Со временем в связи с изменениями в потребностях в 2010 году преобразованное Управление по делам религии стало состоять из головного, областного и зарубежных офисов.

Головной офис осуществляет планирование, и контроль деятельности управления. Кадровый состав головного офиса состоит из Главы Управления, пяти заместителей, двоих советников, девяти генеральных директоров.

Областной офис состоит из 81 областных и 921 районных филиалов, расположенных во всех уголках страны. Было открыто более 88 000 мечетей, свыше 30 000 курсов по Корану и 29 образовательных центров.

Зарубежные офисы были открыты не только в исламских странах, но и в странах где проживают наши сограждане и братья. Представительства по делам религии, а также отделы по предоставлению религиозных услуг и более 2000 духовных служащих считают за честь трудиться во блага Ислама и человечества.

Высший совет по религиозным делам

Высший совет по религиозным делам является высшим органом Управления по принятию решений и консультированию.

На основании религиозных знаний и опыта, а так же руководствуясь Кораном и Сунной Высший Совет по религиозным делам дает ответы ожиданиям и потребностям человека. Высший Совет по религиозным делам исследует и анализирует деятельность, связанную с различными религиозными школами Ислама, религиозными общественными организациями и национальными религиозно-культурными организациями, проводит научные и координационные собрания, конференции.

Совет по чтению и изучению корана

Совет по чтению и изучению Корана является издателем и хафызом Корана.

Совет по чтению и изучению Корана был создан с целью обеспечения публикации и распространения Корана, в том виде, в котором он дошел до нас. Кроме этого одной из задач является провести системную работу над чтением Корана и организовывать национальные и международные конкурсы по чтению и каллиграфии Корана.

Главный отдел по предоставлению религиозных услуг

Основная деятельность главного отдела по предоставлению религиозных услуг связана с проведением работ касательно веры в Ислам, основ морали и служения, просветительского содержания направленных на семью и молодежь, административной работой мест для богослужения.

Главный отдел по предоставлению религиозных услуг способствует пониманию того, что мечеть является не только местом для поклонения, но и для учений и получения наставлений, знакомства и сплочения каждого слоя общества, а так же обновляет стратегию проповедческих и учебных услуг.

Управление по делам религии с открытием программ консультирования по вопросам семьи и религии способствует осуществлению развития осознания и защиты семьи.

Выполняет просветительскую работу на религиозную, социальную и культурную тематику по вопросам семьи, положения женщин и молодежи.

Управление, ведет усиленную борьбу против эксплуатации и жестокого обра-

щением с детьми, насилием в отношении женщин, всеми зависимостями, разводом, миграцией, войной и террором.

Духовной миссией управления является предоставление религиозных услуг в различных социальных учреждениях, таких как больницы, дома престарелых, общества любви и дружбы, тюрьмы, женские гостинницы, лагеря для беженцев. Для осуществления данной миссии идет подготовка кадров, требующих необходимых познаний в этой области.

Главный отдел по делам образования

Главный отдел по делам образования ведет активную деятельность по подготовке религиозных специалистов для обучения религии подрастающему поколению. Преподавательский состав в свою очередь проходит обучения по повышению религиозной квалификации

Этот отдел несёт ответственность в первую очередь за организацию курсов Корана и летних курсов Корана. Каждый год эти курсы посещают около 3 000 000 учеников. Кроме этого организовывают проекты по обучению Корана и этики для детй возрасте 4-6 лет. Религиозный Высший Специализированный Центр является неотъемлемой частью для научного и административного потенциала отдела.

Кроме этого при Совете высшего образования имеются 110 факультетов теологии, при Министерстве образования более 4000 лицеев Имама Хатипа.

Выпускники данных учебных заведений получают воможность на трудоустройство в Управление.

Главное управление по делам хаджа и умре

Главное управление по делам хаджа и умре является мостом для святого путешествия мусульман.

Основным обязательством Главного Управления по делам хаджа и умры является приемлемое и своевременное предоставление подобающих услуг участникам хаджа и умры и ответственность за их безопасное путешествие. Хадж позволяет всем мусульманам возвыситься духовно, поднять уровень своего религиозного, нравственного развития. По мнению мусульман хадж приносут пользу как одному человеку, так и обществу в целом. В течение года Главное управление по делам хаджа и умре осуществляет безопасную поездку на паломничество свыше 80 000 участников хаджы и свыше 500 000 участников умре.

В связи со спокойным и осознанным прохождением паломничества умре, управление настаиваетна увеличении количества поездок в умре в месяц Рамадан и в Иерусалимскую умру.

Главный отдел по религиозным изданиям

Главный отдел по религиозным изданиям осуществляет свою деятельность с целью проведения просветительских работ на религиозную тематику посредством книг, журналов, радио, телевидения и интернета.

Отдел обязуется обеспечить религиозными изданиями, содействовать в укрепление национального единства и объединения, общественного взаимопонимания, проводить просветительскую работу на религиозную тематику в обществе, опираясь на основные источники исламской религии, предоставляя достоверные и насущные сведения, проводить издательскую работу для достижения поставленных целей. Для осуществления этих обязанностей, выпускаются книги для детей и молодежи, научная и художественная литература, различные журналы.

Для распространения религиозных и научных достижений нашей страны, необходима эффективная стратегия по публикации и изданию. Периодические и голосовые опубликованные издания, видеоэфиры на иностранных языках и диалектах имеют большое значение для государства. Через Радио Диянет, радио Коран, радио Рисалет и Дианет ТВ Управление проводит эффективную просветительскую работу на религиозную тематику.

Главный отдел международного сотрудничества

Главный отдел международного сотрудничества осуществляет деятельность, направленную на сплочение мирных и благоразумных мусульман вокруг общего видения, основой которой являются знание и мудрость.

Основной целью работы отдела является осуществление эффективной, регулярной и координированной деятельности, направленной на предоставление религиозных и образовательных услуг нашим соотечественникам и мусульманам, проживающим за рубежом.

На сегодняшний день Управление по делам религии является одной из организаций, предоставляющих религиозные услуги, от Европы до Средней Азии, от Балканских стран до Америки, от Африки до Латинской Америки и от Карибских островов до Азиатско-Тихоокенского региона.

Основной деятельностью отдела является решение проблем, связанных с расизмом, исламофобией, а также ведет борьбу против движения ФЕТО (FETO), ДАЕШ (DAEŞ) и других видов террористических организаций.

Наше управление сочувствует мукам и страданиям невинных людей в Сирии, Ираке, Палестине, Мьянме, борется за справедливость в Йемене, Сомали, Иерусалиме, Газе, оказывает помощь народу Ачехи, Пакистана, Боснии после катастроф. При огромной поддержки Фонда по делам религии, Управление по делам религии, оказывающая религиозные услуги человечеству на 7 континентах Земли, дает нам надежду, спокойствие и веру в мирную жизнь на завтрашний день.

Главный отдел кадров

Основной деятельностью главного отдела кадров является обеспечение квалифицированными кадрами, в которых нуждается Управление для проведения качественной и эффективной работы, как внутри страны так и за рубежом.

На сегодняшний день в Управлении по делам религии от муфтия до инспектора, от имама хатипа до преподавателя по Корану, от проповедников до специалистов в общем осуществляют свою деятельность более 160 000 сотрудников. Управление ведет политику занятости, основой которой являются предотвращение расточительства времени и труда человека.

Главный административный отдел

Для осуществления религиозных услуг Управлению необходимо создание различных инфраструктур, а также финансовая поддержка.

Мечети, лицеи Имама Хатипа, факультеты теологии, образовательные и исследовательские центры, расположенные в стране и за рубежом, осуществляют свою деятельность при финансовой поддержке Управления.

Наше Управление в рамках выделенного бюджета подготавливает проекты служебных зданий, зданий, предназначенных для курсов Корана и Образовательных Центров, а также проекты мечетей, имеющих культурную ценность и осуществляет их функционирование.

Отдел внутреннего контроля

Отдел стремится к планированию и осуществлению деятельности внутреннего контроля согласно поставленным целям и задачам, программам, стратегическим планам, программам контроля качества работы и законодательству Управления.

Головной офис, филиалы и зарубежные представительства находятся в зоне внутреннего контроля. Данный контроль осуществляется согласно стандартам конроля, принимая во внимание степень возможного риска и используя систематический дисциплинарный подход.

Отдел стратегического развития

Отдел стратегического развития определяет миссию, видимость, финансовый контроль, основы и цели управления. Вся деятельность Управления осуществляется согласно Стратегическому Плану на 5 лет и Программе Производительности на 1 год.

Заключение

Религия является неотъемлемой частью культуры государства. Когда речь идет о религии, представителем доверия и решительности является Управление по делам религии, в деятельности которого, никогда не было излишек и злоупотребления. Управление постоянно ведет борьбу против злоупотребления религией, против людей, разбогатевших путем эксплуатации, невинных людей веры, и доверия мусульман.

Человечество, дрейфующее в вихре лжи, Исламофобия на западе, мусульмане угнетенных регионов и наш народ многого ожидают от Управления по делам религии.

Видение Управления по делам религии является сохранение религиозных, духовных и моральных ценностей, внесение своего вклада для мирной и спокойной жизни человечества, оставаться влиятельной и авторитетной организацией, дающей ответы на религиозную тематику.

Управление продолжает свою деятельность по оказанию религиозных услуг, не разделяя на вероисповедание, характер, расу, пол и различие языка человека.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех организаторов этой конференции. Хотелось бы выразить свое почтение нашим и зарубежным ученым, а также остальным участникам конференции. Желаю успешного прохождения конференции.

ЖЫЙЫНТЫКТООЧУ ДОКУМЕНТ

«Ислам азыркы светтик мамлекетте» II эл аралык конференциясынын чечими

Биз, «Ислам азыркы светтик мамлекетте» аттуу II Эл аралык конференциясынын катышуучулары, эл аралык диалогту илгерилетүү боюнча Кыргыз Республикасынын демилгесин колдоо менен жалпыбыздын туруктуу тынчтыкка жана бекем улуттук мамлекеттик өнүгүүсүнө умтулуусун билдирип, адам укуктарын жана эркиндиктерин сактоо боюнча балансты табуу максатында жана ошону менен бирге абийир жана дин тутуу эркиндигин жана коомчулуктун коопсуздугун камсыздоо:

- Жалпы адамзатынын баалуулуктарын баалап, конфессиялар аралык диалокту, коом арасында кызматташуу, өз ара сый-урмат, ишеним жана чыдамдуулук көрсөтүү принциптерин илгерилөөсүн, азыркы светтик жана демократиялык мамлекеттер өнүктүрүүгө шарт жаратууга мүмкүнчүлүктөрү жана милдеттери бардыгын белгилейбиз;
- Белгилесек, Исламдын универсалдуу баалуулуктары, светтик мамлекеттерде диндин гармониялык өнүгүүсүнө мүмкүнчүлүк берилүүдө, бул мыйзамдын үстөмдүгүн камсыз кылууга тийиш;
- Мусулман элдеринин өз маданияттуулугун жана улуттук өз алдынчалыгын сактоо менен өнүгүүсү маанилүү деп эсептейбиз;
- Диний өзгөчөлүктөрү боюнча коомдо карама-каршы ой пикирлерди болтурбоо үчүн, жарандардын дин маселелелери боюнча түшүнүк тарбиясын жогорулатуу, жана экстремисттик идеологиялар менен Исламды окшоштуруп бириктирбөө маселелери маанилүү жана зарыл деп эсептейбиз;
- Мамлекетте конфессиялар аралык диалогту, тынчтыкты жана ынтымакты курууга жана өнүктүрүүгө, жаштар менен аялзатынын ролу манилүү деп эсептейбиз;
- Социалдык терс көрүнүштөрдөн жана жаңжалдардан эскертүү үчүн, социалдык-экономикалык маселелерди чечүү абдан манилүү экендигин белгилеп, радикализмге жана экстремизмге каршы күрөшүү боюнча негизги инструменттердин бири болуп бул адилеттүлүктү жана теңчил мамиле жасоону, кодулоого тыйуу салууну, адам укуктарын жана эркиндиктерин илгерилетүүнү, билим берүү деңгээлин жана диний сабаттуулугун жогорулатууну камсыздоо деп эсептейбиз.

Биз бардык мамлекеттик органдарга, коомдук институттарга жана конференцияда катышуучу-мамлекеттердин диний ишмерлерине, уюмдарга жана ушул эл аралык диалогту колдогон адамдарга төмөндөгү чакыруу менен кайрылабыз:

1. Диндин тынчтыкты жаратуучу дараметин кенен колдонуу менен диний жана дин таануу билим берүү боюнча системаны жана механизмдерди өнүктүрүү жана жакшыртуу боюнча иш алып баруу;

2. Коомдогу тынчтыкты жана ынтымакты сактоо максатында, мамлекеттик органдар, коомдук уюмдар жана диний жамааттар массалык маалымат каражаттары жана интернет ресурстары менен диний маселелерди объективдүү чагылдыруу үчүн, мамилелерин өз ара аракеттешүү менен өнүктүрүү;

3. Коомдо аялдардын укуктарына жана тандоосуна чектөө коюулбай, алардын ордун жана ролун илгерилөө жана гендерлик теңчиликти камсыз кылуу боюнча активдүү иш алып баруу;

4. Өлкөлөрдүн маданий, социалдык, экономикалык жана саясий жашоосуна жаштарды тартуу, жаш жарандардын көп маданияттуу коомду өнүктүрүү боюнча активдүү ролун жана жоопкерчилигин илгерилетүү, ошондой эле алар мамлекеттик программаларды иштеп чыгууга жана аларды ишке ашырууга катышууга көмөк көрсөтүү;

5. Дин маселелерин талкуулоо боюнча эл аралык жана региондук диалогту өнүктүрүү тууралуу иш алып баруу, азыркы коомдо жана светтик мамлекетте Исламдын орду жана ролу; конференциядагы мамлекеттердин-катышуучулардын ортосунда биргеликте изилденген долбоорлор боюнча, эксперттик баяндамаларды жана жолугушууларды өткөрүү жана тажрыйба алмашуу боюнча эки тараптуу жана көп тараптуу механизмдерди иштеп чыгуу жана аны ишке ашыруу;

6. Ар кандай конфессиялардын жаш өкүлдөрүнүн, конференциянын концепциясын илгерилөө максатында диний жана диний эмес жаштар топторунун катышуулары менен, талкууланган темалар боюнча диний жана дин таануу, укуктук билимин жогорулатуу үчүн ушундай сыяктуу эл аралык иш-чараларды мерчемдөө жана өткөрүү.

7. Диний иштерден негизделген экстремисттик жана террористтик, зордук-зомбулук жана жек көрүү актыларына, ошондой эле кибертерроризм маселесин эскертүүгө жана ага каршылык көрсөтүүгө улуттук ыйгарым укуктуу органдарына жана эл аралык уюмдарына көмөк көрсөтүү.

FINAL STATEMENT

Resolution of the 2nd International Conference "Islam in Modern Secular State"

We, participants of the 2nd International Conference "Islam in Modern Secular State", support the initiative of the Kyrgyz Republic to promote international dialogue and express a common desire to achieve sustainable peace and stable development of national states, to find a balance between respect for human rights and freedom, including freedom of conscience and faith, and ensuring security in society:

- recognizing universal human values, we note the capacities and obligations of the modern secular democratic state to create conditions for developing interfaith dialogue, promote the principles of collaboration, mutual respect, tolerance and trust in society;
- note that the universal values of Islam provide an opportunity for the harmonious development of religion in secular states, which should ensure the rule of law;
- consider the importance of preserving and developing the national identity and cultural individuality of Muslim people;
- consider the necessity and importance of increasing the awareness of citizens on religious issues in order to prevent religious polarization of society, and without identifying Islam with extremist ideologies;
- recognize the significant role of youth and women in building and developing interfaith dialogue, peace and harmony in the country;
- believe that one of the main keys to prevent and counter radicalism and extremism is to ensure justice and equality, the prohibition of discrimination, the promotion of human rights and freedom, the improvement of education and religious literacy by considering the importance of solving social and economic problems in preventing social tensions and conflicts.

We call all government bodies, public and religious institutions of the countries participating in the conference, organizations and individuals supporting this international dialogue:

1. To develop and continue improving the system and mechanisms for the provision of education in theological and religious studies making extensive use of the peacekeeping potential of religion;

2. To establish and develop the interaction of state bodies, public organizations and religious communities with the media and the Internet resources (social networks) for an objective and fair reflection of religious issues aimed at preserving peace and harmony in society;

3. To highlight Islam as a religion to protect and promote gender equality and support the role of women in the society without restricting their rights and choices;

4. To recognize the significance of youth in the social, cultural, economic and political life of countries, to promote the active role and responsibility of young citizens in the development of a diversed (pluralistic) society as well as their participation in the implementation of state policy program;

5. To continue developing an international and regional dialogue for discussing issues of religion, the place and role of Islam in modern society and a secular state; develop and implement bilateral and multilateral mechanisms and models for the exchange of experiences, organizing discussion, inviting guest speakers and joint research projects between the participating States of the conference;

6. To plan and conduct similar international events with the participation of youth with different faiths, religious and non-religious youth groups in order to promote the concept of the conference, enhance and disseminate theological, religious and legal knowledge on the discussed topics.

7. To assist national authorities and international organizations in preventing and countering acts of violence and hatred, extremist and terrorist activities on a religious basis, as well as the problem of cyber-terrorism;

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Резолюция II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве»

Мы, участники II Международной конференции «Ислам в современном светском государстве», поддерживая инициативу Кыргызской Республики по продвижению международного диалога и выражая общее стремление к достижению устойчивого мира и стабильного развития национальных государств, поиску баланса между соблюдением прав и свобод человека, в том числе, свободы совести и вероисповедания, и обеспечением общественной безопасности:

- признавая универсальные общечеловеческие ценности, отмечаем возможности и обязанности современного светского и демократического государства создавать условия для развития межконфессионального диалога, продвижения в обществе принципов сотрудничества, взаимоуважения, веротерпимости и доверия;
- отмечаем, что универсальные ценности Ислама дают возможность гармоничного развития религии в светских государствах, которые должны обеспечивать верховенство закона;
- считаем важным сохранять и развивать национальную идентичность и культурную самобытность мусульманских народов;
- считаем необходимым и важным повышать просвещение граждан по вопросам религии с целью предотвращения поляризации общества по религиозному признаку, и не отождествлять Ислам с экстремистскими идеологиями;
- признаем значимую роль молодежи и женщин в построении и развитии межконфессионального диалога, мира и согласия в стране;
- отмечая важность решения социально-экономических проблем в предупреждении социальной напряженности и конфликтов, считаем, что одним из главных инструментов противодействия радикализму и экстремизму является обеспечение справедливости и равенства, запрет дискриминации, продвижение прав и свобод человека, повышение уровня образования и религиозной граммотности.

Мы обращаемся ко всем государственным органам, общественным институтам и религиозным деятелям стран-участниц конференции, организациям и лицам, поддерживающим данный международный диалог с призывом:

1. Развивать и продолжить работу по совершенствованию системы и механизмов предоставления религиозного и религиоведческого образования, широко используя миротворческий потенциал религии;

2. Налаживать и развивать взаимодействие государственных органов, общественных организаций и религиозных общин со средствами массовой информации и интернет ресурсами для объективного и корректного освещения религиозных вопросов, направленного на сохранения мира и согласия в обществе;
3. Проводить активную работу по обеспечению гендерного равенства и продвижению места и роли женщин в обществе, не ограничивая их права и выбор;
4. Вовлекать молодежь в социальную, культурную, экономическую и политическую жизнь страны, продвигать активную роль и ответственность молодых граждан в развитии мультикультурного общества, а также содействовать их участию в разработке и реализации государственных программ;
5. Продолжить работу по развитию международного и регионального диалога для обсуждения вопросов религии, места и роли Ислама в современном обществе и светском государстве; разрабатывать и реализовать двухсторонние и многосторонние механизмы и модели сотрудничества по обмену опытом, проведению гостевых экспертных лекций и встреч, совместных исследовательских проектов между государствами-участниками конференции;
6. Планировать и проводить подобные международные мероприятия с участием представителей молодежи разных конфессий, религиозных и нерелигиозных молодежных групп с целью продвижения концепции конференции, повышения и распространение религиозных, религиоведческих и правовых знаний по обсуждаемым темам.
7. Оказывать содействие национальным уполномоченным органам и международным организациям в предупреждении и противодействии актам насилия и ненависити, экстремистской и террористической деятельности на религиозной основе, а также проблеме кибер-терроризма

СҮРӨТ ГАЛЕРЕЯСЫ
PHOTO GALLERY
ФОТО ГАЛЕРЕЯ

Конференциянын расмий ачылышы
Official opening of the Conference

Кыргыз Республикасынын Президенти Сооронбай Шарипович Жээнбековдун сөзү
Speech by the President of the Kyrgyz Republic Sooronbai Sharipovich Zheenbekov

Наталья Герман, Борбордук Азия боюнча Бириккен Улуттар Уюмунун Башкы катчысынын Атайын өкүлү

Natalia Gherman, Special Representative of the United Nations Secretary-General for Central Asia

Пьер фон Аркс, ЕККУнун Бишкектеги Башкы кеңсесинин башчысы
Pierre von Arx, Head of the OSCE Programme Office in Bishkek

Пакистан Ислам Республикасынын Кыргыз Республикасындагы элчиси Файсал Нияз Тирмизи Пакистан Ислам Республикасынын дин иштери жана конфессиялар аралык ынтымакташуу боюнча федералдык министри Н. Кадринин катын окуушу

Ambassador of the Islamic Republic of Pakistan to the Kyrgyz Republic Faisal Niaz Tirmizi reads the message of the Federal Minister of Religious Affairs and Interfaith Harmony of the Islamic Republic of Pakistan N. Kadri

Фаиз Мохаммед Османи, Афганистан Республикасынын Вакф жана ислам иштери боюнча министри

Faiz Mohammad Osmani, the Minister of Islam Affairs and Waqfs of the Islamic Republic of Afghanistan

Али Рашид Абдулла Али Альнуайми, Абу Даби Аткаруу Кеңешинин мүчөсү, Абу Дабинин Билим берүү департаментинин төрагасы
Ali Rashid Abdulla Ali Alnuaimi, the Member of the Executive Council, Chairman of the Department of Education and Knowledge of Abu-Dhabi, United Arab Emirates

Фаррухулло Олимзода, Тажикстан Республикасынын Өкмөтүнүн алдындагы Дин иштери жана каада-салтты тартипке келтируу комитетинин төрагасынын орун басары
Farruhullo Olimzoda, the Deputy Chairman of the Committee on Religious Affairs and Regulation of Traditions and Customs under the Government of the Republic of Tajikistan

Нурийман Абдурахим Абулхасан, Өзбекстан Республикасынын Министрлер Кабинетинин алдындагы Дин иштери боюнча комитетинин төрагасынын орун басары
Nuriyman Abdurakhim Abulkhasan, the Deputy Chairman of the Committee on Religious Affairs under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan

Абдулгамид Османович Булатов, Орусия Федерациясынын Улут иштери боюнча федаралдык агенттигинин жалпы жарандык бирдейлик жана улут аралык жана диний негиздеги экстремизмге каршы түшүндүрүү иш-чараларын жүргүзүү бөлүмүнүн начальниги
Abdulgamid Osmanovich Bulatov, Head of the Department for Strengthening Civil Unity and Prevention of Extremism on National and Religious Grounds, Federal Agency for Nationalities of the Russian Federation

Абдулрахман Саид Альхазами, Бүткүл дүйнөлүк Ислам Лигасынын өкүлү
Abdulrakhman SaeedAlhazami, Representative of the Muslim World League

Пленардык отурум
Plenary Session

Almaz Nasyrov

Секциялык отурумдар
Breakout Sessions

ИСЛАМ АЗЫРКЫ СВЕТТИК МАМЛЕКЕТТЕ

Zayirbek Egeshov
Zakir Chotaev
Ednan Aslan

Конференция алкагында
On the sidelines of the Conference

STATE
АЗЫРКЫ
СВЕТТИК
МАМЛЕКЕТТЕ

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ГОРОД БИШКЕК, 15-16
ISLAM IN MODERN SECULAR STATE,
II INTERNATIONAL CONFERENCE, BISHKEK CITY, 15-16 NOVEMBER, 2018
JULIA NETESOVA

ДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ГОРОД БИШКЕК, 15-16

ИСЛАМ АЗЫРКЫ СВЕТТИК МАМЛЕКЕТТЕ
II ЭЛ АРАЛЫК КОНФЕРЕНЦИЯСЫ

Типография: “Алтын Принт”

Зак. № 18, объем 18 уч. изд. л.
Тираж 300 экз.

г. Бишкек, ул.Орозбекова 44,
тел.: 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru